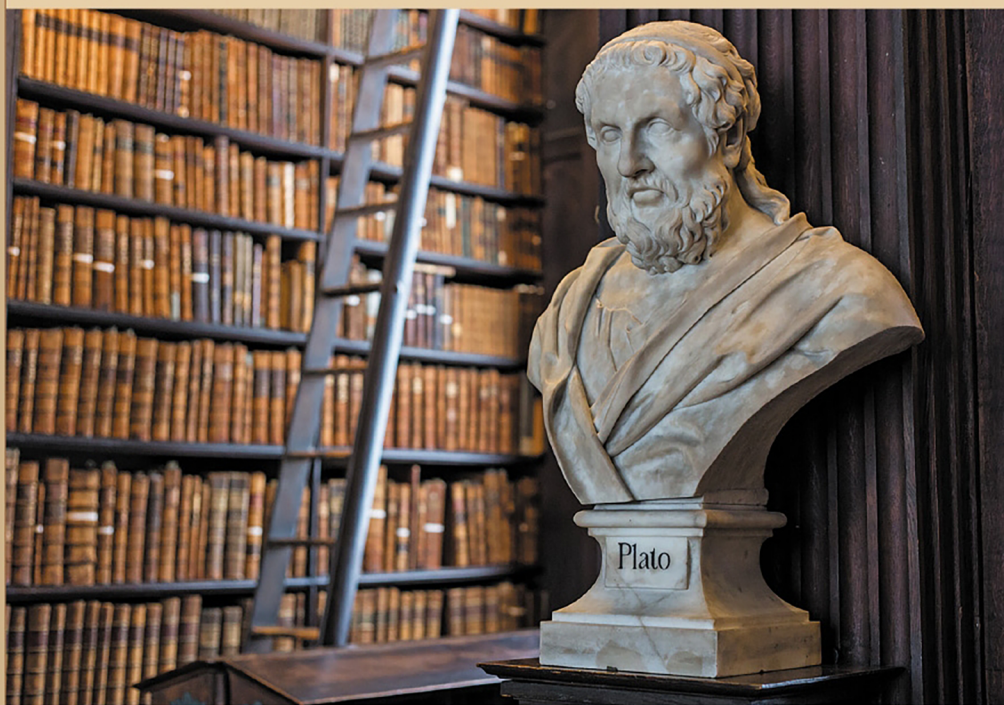

XXVI НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«УНИВЕРСУМ ПЛАТОНОВСКОЙ МЫСЛИ»:

«ПЛАТОНОВСКОЕ НАСЛЕДИЕ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ:
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ
И НОВЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТРАТЕГИИ»

Санкт-Петербург, 28–30 августа 2018 г.

INTERREGIONAL ORGANIZATION
"RUSSIAN PLATONIC PHILOSOPHICAL SOCIETY"

The Herzen State Pedagogical University of Russia

RUSSIAN CHRISTIAN ACADEMY FOR THE HUMANITIES

26TH INTERNATIONAL CONFERENCE
«THE UNIVERSE OF PLATONIC THOUGHT»:
«Plato's Heritage from a Historical View:
Intellectual Transformations and New
Research Strategies»

Saint Petersburg
28–30 August
2018

St Petersburg
2018

МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
«ПЛАТОНОВСКОЕ ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО»

Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена

РУССКАЯ ХРИСТИАНСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ

Проводится при поддержке Издательской группы «Весь»

XXVI НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«УНИВЕРСУМ ПЛАТОНОВСКОЙ МЫСЛИ»:
«Платоновское наследие
в исторической ретроспективе:
интеллектуальные трансформации и
новые исследовательские стратегии»

Санкт-Петербург, 28–30 августа 2018 г.

Тезисы докладов

Санкт-Петербург

2018

Оргкомитет конференции:

Шичалин Ю. А. (председатель), Светлов Р. В. (зам. председателя),
Летягин Л. Н., Шмонин Д. В., Степанова А. С., Протопопова И. А.

Программный комитет конференции:

Мочалова И. Н. (председатель), Курдыбайло Д. С. (зам. председателя),
Алымова Е. В., Гончаров И. А., Хмара И. В., Лисовский П. П.

Проводится при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 18-011-20039 «Проект организации международной конференции "Платоновское наследие в исторической ретроспективе: интеллектуальные трансформации и новые исследовательские стратегии"»

Платоновское наследие в исторической ретроспективе: интеллектуальные трансформации и новые исследовательские стратегии. Тезисы конференции. Санкт-Петербург, 28–30 августа 2018 г. — СПб.: МОО «Платоновское философское общество», 2018. — 200 с.

ISBN 978-5-9909527-2-0

Настоящий сборник включает программу и тезисы докладов XXVI международной конференции «Универсум Платоновской мысли: Платоновское наследие в исторической ретроспективе: интеллектуальные трансформации и новые исследовательские стратегии». (Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, Русская Христианская Гуманитарная Академия. 28–30 августа 2018 г.)

© Коллектив авторов, 2018

© МОО «Платоновское философское общество»,
2018

© Российский государственный педагогический
университет имени А.И. Герцена, 2018

© Русская христианская гуманитарная академия,
2018

ISBN 978-5-9909527-2-0

Подписано в печать 20. 08.2018
Формат 60 × 84 1/16. Бум. офсетная
Печать цифровая. Усл. печ. л. 12,5
Заказ № 806

МОО Платоновское философское общество
Тел.: (812) 310–79–29; +7(981) 699-6595;
e-mail: 9450922@gmail.com

CONFERENCE PROGRAM

28th August. Plenary session
Herzen State Pedagogical University of Russia
Bd. 5, 48, Moyka river emb., St Petersburg

10:00 – 11:00 Registration

11:00 – 11:30 Conference opening

11:30 – 14:15 **First plenary session**
Gerboviy hall

1. **LUC BRISSON**, Centre National de la Recherche Scientifique, France, Professor, Director of research
Greeting from the International Platonic Society
2. **SHICHALIN YURI**, Orthodox St. Tikhon University for Humanities, Head of department, DSc in Philosophy, Professor
Genre evolution of the Platonic *oeuvre*
3. **IRINA MOCHALOVA**, St Petersburg State University, Institute of Philosophy, Associate Professor, CSc in Philosophy
Plato and Socratics: Reconstruction of Discussions
4. **ALEXEI GLOUKHOV**, National Research University Higher School of Economics, Associate Professor, CSc in Philosophy
Plato, Truth, and Tragic Peripeteia
5. **ARNAUD MACÉ**, University of Franche-Comté, Professor,
LORENZO FERRONI, Institute of Philosophy, KU Leuven
New strategies for reading Plato's *Ion*

14:15 – 15:00 Coffee-break

15:00 – 18:00 Second plenary session

1. **RICHARD PARRY**, Agnes Scott College, Professor, PhD,
FULLER E. CALLAWAY, Agnes Scott College,
Professor Emeritus of Philosophy, PhD
Deceptive Pleasures in *Republic* 9
2. **IRINA PROTOPOPOVA**, Russian State University for the Humanities, Head
of Platonic Research Center, CSc in cultural studies, Associate Professor
Unity of soul and unity of “State”: philosophers, guards, tyrants
3. **BARBARA SATTLER**, University of St Andrews,
Department of philosophy, Professor
**Plato’s understanding of *chronos* –
the fundament for modern theories of time**
4. **OLGA ALIEVA**, National Research University Higher School of
Economics, Moscow, Associate Professor, CSc in Philosophy
‘Enemies of Philebus’ and the ‘Wise’ of the *Republic* 9
5. **SVETLOV ROMAN**, Herzen State Pedagogical University of Russia,
St Petersburg, Head of the Philosophy department, DSc in Philosophy, Professor
**Socrates, do you hear Socrates?
Paradoxes of identity in the texts of Plato**

29th August. Third plenary session and Round Table
Herzen State Pedagogical University of Russia
Bd. 5, 48, Moyka river emb., St Petersburg

11:00 – 14:00 **Meeting of the Executive Committee
of the International Platonic society**
Pavlovskiy hall

11:00 – 14:00 Round Table “**Plato, History and New
Research Approaches**” – Part 1
Gerbovy hall

**Moderators: Eugene Afonasin,
Elena Alymova**

1. **DETLEF VON DANIELS**, Berlin-Brandenburg Academy of Sciences and Humanities, Research Group International Justice and Institutional Responsibility, Research Fellow and Academic Coordinator
What is the question Plato is answering to in the *Politeia*?
2. **PAULO LIMA**, University of Coimbra, Professor
Foucault’s genealogical reading of the *Alcibiades*
3. **TOMASZ MRÓZ**, University of Zielona Gora, Professor, Doctor habilitatus
Plato Reception in Polish Philosophy 1800-1950. An Outline
4. **JOHN PARTRIDGE**, Wheaton College, Boston
Feminist Encounters with Plato: Appropriation, Disinvestment, and Constructive Complicity
5. **RENATO MATOSO**, Pontifical Catholic University of Rio de Janeiro, Assistant Professor
Perspectivism and Conciliation in the Reading of Plato’s Dialogues
6. **JOSÉ ANTONIO GIMÉNEZ**, Universidad de Los Andes, Chile, Assistant Professor
Plato and Gadamer on Practical Knowledge

14:15 – 15:00 Coffee-break

15:00 – 18:00 **Third plenary session**

1. **JOHN A. DUDLEY**, Université Catholique de Louvain, Research Fellow
Plato's Concept of Chance
2. **ANNA STEPANOVA**, Herzen State Pedagogical University of Russia, St Petersburg, Professor, DSc in Philosophy
Ideas of Plato and Stoics in the conception of U. Zwingli
3. **RAUL GUTIERREZ**, Pontificia Universidad Católica del Perú, Departamento de Humanidades, Professor
Some aspects of the dianoetical consideration of the soul in *Republic*
4. **ALYMOVA ELENA**, St Petersburg State University, Institute of Philosophy, Associate Professor, CSc in Philosophy
The Royal Art of Weaving: KAIROS and LOGOS
5. **MELINA G. MOUZALA**, University of Patras, Department of Philosophy, Assistant Professor
Logos as "sumplokē or koinōnia of peri tēn ousian delōmatōn" in Plato's Sophist
6. **EUGENE AFONASIN**, Novosibirsk State University; Institute of philosophy and law RAS, Professor; Chief Research Fellow, DSc in Philosophy
Intellectual Transformations in Late Platonism: Science and religion at the crossroads of Aristotelian biology, Hippocratic medicine and Platonic theurgy

30th August. Round Table and Workshops

11:00 – 14:00 Round Table “**Plato, History and New Research Approaches**” – Part 2
Discussion hall,
Herzen State Pedagogical University of Russia
Bd. 4, 48, Moyka river emb., St Petersburg

**Moderators: Daria Dugina,
Oksana Goncharko**

1. **ALEXANDRE GONTCHAR**, Harvard University,
Department of Slavic Languages & Literatures
**Self-Chosen Destiny and Images of the Divided Line:
Between Allegorical and Literal Interpretations
of Reincarnation in the Myth of Er**
2. **SATSUKI TASAKA**, Rissho University, Japan, Professor
The Definition of Knowledge and the theory of Forms
3. **ELIZABETH MURRAY**, Loyola Marymount
University, Los Angeles, Professor
Intellectual Conversion and the Way Back in Plato
4. **DARIA DUGINA**, Moscow State Lomonosov University, postgraduate student
The Political philosophy of Neoplatonism: Proclus
5. **KEZHOU LIU**, Ludwig Maximilian University of Munich, doctoral student
**The Ontological Status of Demiurge: An Ancient
Debate and Contemporary Echoes**

14:15 – 15:00 Coffee-break

15:00 – 18:00 Round Table “**Plato, History and New Research Approaches**” – Part 3
Discussion hall,
Herzen State Pedagogical University of Russia
Bd. 4, 48, Moyka river emb., St Petersburg

**Moderators: Daria Dugina,
Oksana Goncharko**

1. **OKSANA GONCHARKO**, National Research University Higher School of Economics; St Petersburg Mining University, Associate Professor, CSc in Philosophy
12th Century Platonic dialogue in Byzantium
2. **ERIC JAMES MORELLI**, Point Loma Nazarene University, San Diego, CA
An Invitation to Interiority: Plato and the Ancient Problem of Rational Opinion
3. **TATIANA LEVINA**, National Research University Higher School of economics, School of Philosophy, Associate Professor, CSc in Philosophy
The fight against idealism in Soviet mathematics: the case of Sofia Yanovskaya
4. **LORENZO GIOVANNETTI**, University of Roma ‘Tor Vergata’; University of Sussex
Time, knowledge and the *telos*. Jaakko Hintikka interpreter of Plato
5. **IGOR GRISHKOV**, St Petersburg Mining University, student
Zeno, Plato, Aristotle and Heisenberg’s uncertainty principle

11:00 – 18:00 **Workshops**
Russian Christian
Academy for the Humanities
15, Fontanka river emb., St Petersburg

Workshop 1 **Plato in the History
of Culture and Art** (hall 321)

**Moderators: Anna Stepanova,
Stephano Maria Capilupi**

1. **OLEG NOGOVITSYN**, St Petersburg State University, Institute of philosophy, Associate Professor, CSc in Philosophy
Two ways to refute morality in Plato
2. **VALENTINA DIANOVA**, St Petersburg State University, Institute of Philosophy, Professor, DSc in Philosophy, Professor
Plato's legacy and the realities of simulation in modern culture
3. **VALENTIN CHEREDNIKOV**, lecturer, CSc in Philosophy
Plato in the perception of American romanticists (Emerson, Poe, Thoreau)
4. **STEFANO MARIA CAPILUPI**, Russian Christian Academy for the Humanities, St Petersburg, Head of the Italian culture institute
From primitive art to Eidos of Plato: visible and invisible in the birth of ancient thought
5. **RYCHKOV ALEXANDER**, Library for Foreign Literature named after Margaret Rudomino (Moscow), Senior Researcher
The magical historiola on the phylactery with Saint Sisinius: θεουργία in the Private Sphere in the early Christian World?
6. **ANNA TROITSKAYA**, St Petersburg State University, Institute of Philosophy, Research fellow, CSc in Art studies,
SERGEY TROITSKIY, St Petersburg State University, Institute of Philosophy; The Sociological institute of the Russian Academy of Science, Head of the Research Center for Cultural Exclusion and Frontier Zones, CSc in Philosophy
The reception of Platonism in Nadezhda Voitinskaya's philosophy of art

7. **MARIA TRUSHINA**, St Petersburg State University,
Institute of Philosophy, PhD student
To show the invisible: On visuality in the Platonic corpus
8. **IRINA BATRAKOVA**, North-Western State Medical University
named after I. I. Mechnikov, Associate Professor, CSc in Philosophy
**The definition of idea developed
in post-Platonic classic philosophy**
9. **SERGEY NIKONENKO**, St Petersburg State University,
Institute of Philosophy, Professor, DSc in Philosophy
**Whether the World Is Mystical? The Comments to Plato's
The Republic (515 c, d) and Wittgenstein's *Tractatus* (6.44)**
10. **ANASTASIA ZOLOTUKHINA**, Moscow State
Lomonosov University, senior lecturer
**“Τοῦ αὐτοῦ ἀνδρὸς ἐστὶ κωμῳδίαν καὶ τραγῳδίαν ἐπίστασθαι
ποιεῖν”**: Socrates' last remark in the ‘Symposium’
and the fashionable disease of the XVI century
11. **DANIIL DROFEEV**, St Petersburg Mining University;
North-Western State Medical University named after
I. I. Mechnikov, Professor, DSc in Philosophy, Professor
**Visual communication in Athens and Venice:
Plato, Thomas Mann and phenomenology**
12. **ALEKSANDER SINITSYN**, Russian Christian Academy
for the Humanities; St Petersburg State University, Institute
of Philosophy, Associate Professor, CSc in History
**The Soviet Socrates: the Ancient Sage and the Vices of
Capitalism in Georgy Shchukin's Film *The Paradise Apples***

**Workshop 2 Platonism: Philosopher,
Society, Political Power (hall 604)**

**Moderators: Igor Goncharov,
Eugene Malyshkin**

1. **TIGRAN TUMANYAN**, St Petersburg State University,
Institute of Philosophy, Head of the chair of Eastern philosophy
and cultural studies, DSc in Philosophy, Professor
To the question of the formation of the political thought of Islam

2. **IGOR TANTLEVSKIJ**, St Petersburg State University, Institute of Philosophy, Chairman of the Department of Jewish Culture, Professor, DSc in Philosophy
Is the soul moving? Comparison of Some Relevant Views of Plato and Aristotle on Man's Soul
3. **PETR NESHITOV**, St Petersburg State University for Telecommunications, Associate Professor, CSc in Philosophy
The difficulties of sociological commentary to Plato
4. **ILYA KRAVTSOV**, independent scholar, businessman, CSc in Philosophy
Aspiration to material wealth as an idealistic conception and as an antithesis to the justice in Plato's writings
5. **IGOR GONCHAROV**, Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin, Head of Department of political science and international relationships, DSc in Philosophy, Professor
The myth of philosopher's death and the descent of virtue: a hyperbole or a prophecy?
6. **EUGENE MALYSHKIN**, St Petersburg State University, Faculty of liberal arts and sciences, Associate Professor, DSc in Philosophy
On eroticism in open societies: An attempt of formalisation

Workshop 3 **Plato in the history of Ancient and Renaissance Philosophy** (hall 601)

**Moderators: Irina Mochalova,
Rostislav Dyomin**

1. **ROSTISLAV DYOMIN**, Russian Christian Academy for the Humanities, St Petersburg; "Peterschule" gymnasium, lecturer
Brison as a representative of the Megarian school
2. **VLADIMIR ROKHMISTROV**, Russian Christian Academy for the Humanities, St Petersburg
Phaedo or About the immortality of the Soul
3. **KIRILL PETROV**, Volgograd State Medical University, Associate Professor, CSc in Philosophy
Δαιμόνιον and Platos' religion

4. **DMITRY GONCHARKO**, Herzen State Pedagogical University of Russia, St Petersburg; St Petersburg State Technological Institute (Technical University), Associate Professor, CSc in Philosophy,
OKSANA GONCHARKO, National Research University Higher School of Economics; St Petersburg Mining University, Associate Professor, CSc in Philosophy
Plato's *Symposium* and the law of identity
5. **ALEXEI GARADJA**, Russian State University for the Humanities, Platonic Research Center, Senior Research Fellow
Plato's Cave and Puppet Theater
6. **ANNA AFONASINA**, Novosibirsk State University, lecturer
Plato and Empedocles: evidences and the continuity of ideas
7. **YURIY ROMANENKO**, St Petersburg State University, Institute of Philosophy, professor, DSc in Philosophy
The Paradoxicality of the Historical Dispute between Plato and Aristotle in the Light of the Ontology of M. Heidegger
8. **ILYA GURYANOV**, National Research University Higher School of Economics, lecturer, CSc in Philosophy
The concept of semen in the Renaissance Platonism
9. **VLADIMIR KULMATOV**, Russian Christian Academy for the Humanities, St Petersburg, Research fellow, CSc in Philosophy
Plato's proportion and proper thinking: Two ways of demonstrating true reasoning, two different criteria of truth

Workshop 4 **Platonism and Science** (hall 602)

**Moderators: Alexei Nesteruk,
Tatiana Litvin**

1. **VICTOR SELIVERSTOV**, St Petersburg State University for Telecommunications, Associate Professor, CSc in Philosophy
Plato usage of properties of the number "two" in the *Symposion* and *Phaedo*
2. **YULIA AZAROVA**, Kharkiv National University named after V. N. Karazin, Associate Professor, CSc in Philosophy
Plato and Levinas: the critics of "Socratic element" in Platonism

3. **TATIANA LITVIN**, Russian Christian Academy for the Humanities, St Petersburg, Associate Professor, CSc in Philosophy
Number and Image in the Plotinus' Philosophy of Time
4. **ALEXEI NESTERUK**, University of Portsmouth (UK); Russian Christian Academy for the Humanities, Research Fellow and Lecturer, CSc in physics and mathematics
Plato's Cosmology and Platonism in Modern Mathematical Cosmology
5. **ALEKSEI PLESHKOV**, National Research University Higher School of Economics, Poletayev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities (Moscow), Deputy director, CSc in Philosophy
The concept of eternity in Plato: the strategies of conceptualization
6. **IGOR BERESTOV**, Institute of Philosophy and Law of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Senior Research Fellow, CSc in Philosophy
Can Aristotle Solve Meno's Paradox in the Case of Search for a Species?
7. **TARAS SHIYAN**, St Tikhon's Orthodox University for the Humanities; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow), Associate Professor, CSc in Philosophy
Logic and Mathematics in Plato's soteriology
8. **ANNA SHIYAN**, Russian State University for the Humanities, Associate Professor, CSc in Philosophy
Was Husserl a Platonist? Metamorphoses of Platonism in the phenomenology of Edmund Husserl
9. **SERGUEI PANOV**, National University of Science and Technology MISiS, Associate Professor, CSc in Philosophy
Plato and problem of contemplation
10. **EUGENY GLEBOV**, New Siberian institute (Novosibirsk), Associate Professor, CSc in Philosophy
Ontological meritocracy of Plato versus neurophilosophical egalitarianism
11. **TIMUR ARTEMEV**, North-Western State Medical University named after I. I. Mechnikov, Associate Professor, CSc in Philosophy
Sensory and mental perception in philosophy of Plato

12. **RODION SAVINOV**, St Petersburg State Academy of Veterinary Medicine, senior lecturer, CSc in Philosophy
Platonism and Aristotelianism as epistemic programs (problem of genesis of knowledge in Lalemandet's philosophical cursus)
13. **PAVEL LIKHTER**, Penza State University, Associate Professor, CSc in Law
Case "Popper vs. Plato": essentialism and historicism

**Workshop 5 The History of Platonism: Young
Researchers' Approaches (Assembly hall)**

**Moderators: Elena Alymova,
Kirill Prokopov**

1. **KIRILL PROKOPOV**, National Research University Higher School of Economics, PhD student
Mysteries of Plato's *Phaedo*: Philosophy as Initiation
2. **KARAVAeva SVETLANA**, North-West State Medical University, assistant professor, CSc in Philosophy
The image of Socrates the Cynic in late antiquity
3. **VYACHESLAV MINAK**, Herzen State Pedagogical University of Russia, St Petersburg, student
On the knowledge of truth in Plato's *Timaieus*
4. **LUDMILA RUSINOVA**, Russian Christian Academy for the Humanities, St Petersburg, student
Incontinent, Ignorant, Bigamist, an Adult Eromenoi: a Negative Image of Socrates from Aristoxenus of Tarentum
5. **EVGENIA ILYUKHINA**, Novosibirsk State Medical University, student
The Concept of the Ontological Elitism of Plato's Philosophical Thinking and Neurophilosophical Reality
6. **VICTOR KUPRIYANOV**, St Petersburg Branch of the S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, Research Fellow, CSc in Philosophy
History of ancient philosophy in Boris Chicherin's metaphysics
7. **NIKOLAY GURSKY**, Tomsk State University, student
Notes to the *Platonic Theology* of Proclus

8. **YUNNA ASTRAKHANTSEVA**, St Petersburg State University, Institute of Philosophy, MA student
Perspective in the “Pictures” of Philostratus the Elder
9. **ELISABETH ANIKINA**, Russian Christian Academy for the Humanities, St Petersburg, student
Reasoning about *daemon paredros*. From Plato to Iranian Sufism, from the Bible and Apuleius to the Florentine Renaissance
10. **ALEXEI NOSKOV**, St Petersburg State University, Institute of Philosophy, graduate student
What smells of Plato: Aesthesis of smells in philosophical dialogues
11. **ELIZAVETA BRUK**, St Petersburg State University, Institute of Philosophy, student
The Platonic tradition and symbolic theories of culture about relation between a phenomenon (thing), essence and a concept
12. **DANIL POPOV**, St Petersburg State University, Institute of Philosophy, student
Actualisation of the Stoic narrative in the second half of the 20th century: theoretical and praxeological aspects
13. **VLADIMIR MAKOVITSEV**, St Petersburg State University, Institute of Philosophy
Orpheus or A history of one doubt

**Workshop 6 Neoplatonism and Byzantine
Philosophy (hall 504)**

**Moderators: Dmitry Kurdybaylo,
Alexey Bogomolov**

1. **LYDIA SPYRIDONOVA**, Russian Christian Academy for the Humanities, St Petersburg, CSc in History,
ANDREY KURBANOV, Russian Christian Academy for the Humanities, St Petersburg, CSc in History
Perception of Anaesthesia in the Greek thought
2. **VALERY VOROBYEV**, Russian Christian Academy for the Humanities, St Petersburg, CSc in Philosophy
Alexandrian Neoplatonic philosophers comment Aristotle’s works

3. **OLEG NOGOVITSIN**, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Senior Researcher, CSc in Philosophy, Associate Professor
The question of the unity of Being in the treatise “On the difference between Plato and Aristotle”
by George Gemistos Plethon
4. **MARIA VARLAMOVA**, independent scholar, CSc in Philosophy
Nature of living body in Simplicius
5. **MARIA SEMIKOLENNYKH**, The Sociological institute of the Russian Academy of Science, The Research Center for Cultural Exclusion and Frontier Zones, associate research fellow, CSc in Culturology
The first Latin translation of Plato’s *Laws* and its critical review in Basilios Bessarion’s *In Calumniatorem Platonis*
6. **EUGENE MAKOVETSKY**, St Petersburg State University, Institute of Philosophy, Professor, DSc in Philosophy
***Ekphrasis* of body in the Early Byzantine Platonic dialogues**
7. **LARISA TONoyAN**, St Petersburg State University, Institute of Philosophy, Associate Professor, CSc in Philosophy
Plato’s influence in the Byzantine logic
8. **ALEXEY BOGOMOLOV**, Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University — Minin University, Associate Professor, CSc in Philosophy
The Adoption of Gorgias’ doctrine of non-being in the ontology and epistemology of One in the philosophy of Plotinus
9. **FEDOR SHCHERBAKOV**, Russian Christian Academy for the Humanities, St Petersburg, graduate student
Status of myth in the Roman Neoplatonic school
10. **ILYA DUBROV**, Saint-Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, lecturer, Bachelor of Philosophy
Notion of the Symbol in the Proclus’ Philosophy
11. **DMITRY KURDYBAYLO**, Russian Christian Academy for the Humanities, St Petersburg, Research Fellow, CSc in Philosophy
On Symbolism in Porphyry’s of Tyre Treatise *On statues*
12. **ELENA SOBOLNIKOVA**, Russian Christian Academy for the Humanities, St Petersburg, Associate Professor, CSc in Philosophy
“Conclusions on the impossible”: on the interpretation of mystical experince in the philosophy of Damascius

Workshop 7 **Platonic Heritage in
the History of Religion”** (hall 705)

**Moderators: Aleksey Pantelev,
Elena Kuzmina**

1. **DMITRY BIRIUKOV**, National Research University Higher School of Economics–Perm, Leading Researcher, DSc in Philosophy, PhD
**The teaching on symbol by pr. Pavel Florensky
in the context of St Gregory Palama’s doctrine**
2. **IGOR ZAITSEV**, Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Associate Professor, CSc in Philosophy
Is Sceptical Theism rooted in Antiquity?
3. **RUSLAN MAZAEV**, St Petersburg State University, Institute of History, student
The anthropological doctrine of the *Epistle to Diognetus*
4. **ALEKSEY PANTELEEV**, Institute of History of the St Petersburg State University, Associate Professor, CSc in History
“Escape from prison”: Plato’s cave and prisons in antiquity
5. **ANDREY KURBANOV**, Russian Christian Academy for the Humanities, St Petersburg, CSc in History,
LYDIA SPYRIDONOVA, Russian Christian Academy for the Humanities, St Petersburg, CSc in History
The sketch *Philoplaton*, or the *Currier*, by Theodore Prodromos
6. **MAXIM PRIKHODKO**, Orthodox parish of St Nicolas, Seville, Spain, priest, CSc in Philosophy
The Messianic Idea in the Hermeneutics of the Alexandrian School (Clement of Alexandria, Origen)
7. **KSENIA TIMCHENKO**, State Museum of the History of Religion, research fellow, MA in religious studies
Rethinking the influence of Hellenistic philosophy on Christian ethics in the Lutheran theology of the mid-twentieth century
8. **ELENA KUZMINA**, Omsk State University, Associate Professor, CSc in History
Plato’s doctrine about the Deity and contemporary theological discourses

9. **VLADIMIR VASILIK**, St Petersburg State University,
Institute of History, Associate Professor, DSc in History
**Platonism in anti-nestorian polemics
of Latin fathers of V-VI century**
10. **YUSEF PECHURCHICK**, Catholic Major Seminary “Mary Queen of the
Apostles” (St Petersburg), lecturer, CSc in Philosophy, Associate Professor
**Neoplatonic character of Christian philosophy
(from Augustine to Hegel)**
11. **BORIS DVINYANINOV**, Russian Christian Academy
for the Humanities, St Petersburg, postgraduate student
The image of Tat in hermetic treatises
12. **VIKTORIA BOJKO**, St Petersburg State University,
Institute of Philosophy, student
**Plato as the source of the problem
of the correlation of the Christian faith and
philosophical knowledge in Aurelius Augustine**

Workshop 8 **Plato and the New
European Philosophy** (hall 605)

**Moderators: Oleg Donskikh,
Sergey Katrechko**

1. **NATALIA DANILKINA**, Dutch Research School
of Philosophy (OZSW), Study group coordinator “Philosophy
in Central and Eastern Europe”, CSc in Philosophy
Platonic eros in the Neo-Kantian philosophy of education
2. **OLEG DONSKIKH**, Novosibirsk State University,
Professor, DSc in Philosophy
**Four steps on the path of generalization:
birth of general concepts**
3. **KONSTANTIN SHEVTSOV**, St Petersburg State University
of Civil Aviation, Professor, DSc in Philosophy
Platonic philosophy as a way of collecting the mind
4. **VADIM MURSKY**, Russian Christian Academy
for the Humanities, St Petersburg, CSc in Philosophy
**The fate of the gnoseological standards of the Platonic
dialogue *Theaetetus* in the new European philosophy**

5. **SERGEY KATRECHKO**, State Academic University of the Humanities, Associate Professor, CSc in Philosophy
About Plato's transcendentalism (Plato and Kant)
6. **NADEZHDA SOTNIKOVA**, Saint-Petersburg University of the Ministry of the Internal Affairs of Russia, Associate Professor, CSc in Philosophy
"Plato as a philosopher" in the interpretation of W. Windelband
7. **IVAN SMIRNOV**, Russian Christian Academy for the Humanities, St Petersburg; St Cyril and Methodius Theological Institute of Post-Graduate and Doctoral Studies; priest of Russian Orthodox Church, postgraduate student
Speculative thinker in philosophy and theology: from Plato to modernity

ПРОГРАММА КОНФЕРЕНЦИИ

28 августа. Пленарные заседания
Российский государственный
педагогический университет им. А. И. Герцена
Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48, стр. 5

10:00 – 11:00 Регистрация участников конференции

11:00 – 11:30 Приветствия участникам
и организаторам конференции

11:30 – 14:15 **Первое пленарное заседание**

Гербовый зал

1. **БРИССОН ЛЮК**, Национальный центр научных исследований (Франция), профессор
Приветствие от Международного Платоновского общества
2. **ШИЧАЛИН ЮРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ**, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Москва), профессор, доктор филос. наук
Жанровая эволюция платоновского творчества
3. **МОЧАЛОВА ИРИНА НИКОЛАЕВНА**, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии, доцент, канд. филос. наук
Платон и сократики: реконструкция дискуссий
4. **ГЛУХОВ АЛЕКСЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ**, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), доцент, канд. филос. наук
Платон, истина и трагическая переменна
5. **ARNAUD MACÉ**, University of Franche-Comté, Professor,
LORENZO FERRONI, Institute of Philosophy, KU Leuven
New strategies for reading Plato's *Ion*

14:15 – 15:00 Кофе-брейк

15:00 – 18:00 Второе пленарное заседание

1. **RICHARD PARRY**, Agnes Scott College, Professor, PhD,
FULLER E. CALLAWAY, Agnes Scott College,
Professor Emeritus of Philosophy, PhD
Deceptive Pleasures in *Republic* 9
2. **ПРОТОПОПОВА ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА**,
Российский государственный гуманитарный университет,
руководитель Платоновского исследовательского
научного центра, канд. культурологии, доцент
**Единство души и единство “Государства”:
философы, стражи, тираны**
3. **BARBARA SATTLER**, University of St Andrews,
Department of philosophy, Professor
**Plato’s understanding of *chronos* – the
fundament for modern theories of time**
4. **OLGA ALIEVA**, National Research University Higher School
of Economics, Moscow, Associate Professor, CSc in Philosophy
‘Enemies of Philebus’ and the ‘Wise’ of the *Republic* 9
5. **СВЕТЛОВ РОМАН ВИКТОРОВИЧ**, Российский государственный
педагогический университет им. А. И. Герцена, директор
Института философии человека, доктор филос. наук, профессор
**Сократ, ты слышишь Сократа?
Парадоксы идентичности в текстах Платона**

**29 августа. Круглые столы и
третье пленарное заседание
Российский государственный
педагогический университет им. А. И. Герцена
Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48, стр. 5**

11:00 – 14:00 **Закрытое заседание Исполнительного
комитета Международного
Платоновского общества (IPS)**
Павловский зал

11:00 – 14:00 **Круглый стол: «Платон,
история и новые горизонты
исследований» – 1 заседание**
Гербовый зал

**Модераторы: Е. В. Афонасин,
Е. В. Алымова**

1. **DETLEF VON DANIELS**, Berlin-Brandenburg Academy of Sciences and Humanities, Research Group International Justice and Institutional Responsibility, Research Fellow and Academic Coordinator
What is the question Plato is answering to in the *Politeia*?
2. **PAULO LIMA**, University of Coimbra, Professor
Foucault's genealogical reading of the *Alcibiades*
3. **TOMASZ MRÓZ**, University of Zielona Gora, Professor, Doctor habilitatus
Plato Reception in Polish Philosophy 1800-1950. An Outline
4. **JOHN PARTRIDGE**, Wheaton College, Boston
Feminist Encounters with Plato: Appropriation, Disinvestment, and Constructive Complicity
5. **RENATO MATOSO**, Pontifical Catholic University of Rio de Janeiro, Assistant Professor
Perspectivism and Conciliation in the Reading of Plato's Dialogues

6. **JOSÉ ANTONIO GIMÉNEZ**, Universidad de Los Andes, Chile, Assistant Professor
Plato and Gadamer on Practical Knowledge

14:15 – 15:00 Кофе-брейк

15:00 – 18:00 **Третье пленарное заседание**
Гербовый зал

1. **JOHN A. DUDLEY**, Université Catholique de Louvain, Research Fellow
Plato's Concept of Chance
2. **СТЕПАНОВА АННА СЕРГЕЕВНА**, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, профессор, доктор филос. наук
Идеи Платона и стоиков в концепции У. Цвингли
3. **RAUL GUTIERREZ**, Pontificia Universidad Católica del Perú, Departamento de Humanidades, Professor
Some aspects of the dianoetical consideration of the soul in *Republic*
4. **АЛЫМОВА ЕЛЕНА ВАЛЕНТИНОВА**, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии, доцент, канд. филос. наук
Царское искусство ткачества: KAIROS и LOGOS
5. **MELINA G. MOUZALA**, University of Patras, Department of Philosophy, Assistant Professor
Logos* as “*sumplokē* or *koinōnia of peri tēn ousian delōmatōn*” in Plato's *Sophist
6. **АФОНАСИН ЕВГЕНИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ**, Новосибирский государственный университет; Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, главный научный сотрудник, доктор филос. наук, профессор
Intellectual Transformations in Late Platonism: Science and religion at the crossroads of Aristotelian biology, Hippocratic medicine and Platonic theurgy

30 августа. Круглый стол и секционные заседания

11:00 – 14:00 **Круглый стол: «Платон, история и новые горизонты исследований» – 2 заседание**
Дискуссионный зал
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48, стр. 4

**Модераторы: Д. А. Дугина,
О. Ю. Гончарко**

1. **ALEXANDRE GONTCHAR**, Harvard University, Department of Slavic Languages & Literatures
Self-Chosen Destiny and Images of the Divided Line: Between Allegorical and Literal Interpretations of Reincarnation in the Myth of Er
2. **SATSUKI TASAKA**, Rissho University, Japan, Professor
The Definition of Knowledge and the theory of Forms
3. **ELIZABETH MURRAY**, Loyola Marymount University, Los Angeles, Professor
Intellectual Conversion and the Way Back in Plato
4. **ДУГИНА ДАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА**, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, аспирант
Политическая философия неоплатонизма: Прокл Диадокх
5. **KEZHOU LIU**, Ludwig Maximilian University of Munich, doctoral student
The Ontological Status of Demiurge: An Ancient Debate and Contemporary Echoes

14:15 – 15:00 Кофе-брейк

15:00 – 18:00 **Круглый стол: «Платон,
история и новые горизонты
исследований»** – 3 заседание
Дискуссионный зал
Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена
Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48, стр. 4

Модераторы: Д. А. Дугина,
О. Ю. Гончарко

1. **ГОНЧАРКО ОКСАНА ЮРЬЕВНА**, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербургский горный университет, доцент, канд. филос. наук
Платоновский диалог XII века в Византии
2. **ERIC JAMES MORELLI**, Point Loma Nazarene University, San Diego, CA
An Invitation to Interiority: Plato and the Ancient Problem of Rational Opinion
3. **ЛЕВИНА ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА**, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Школа философии, доцент, канд. филос. наук
Борьба с идеализмом в советской математике: случай Софьи Яновской
4. **LORENZO GIOVANNETTI**, University of Roma 'Tor Vergata'; University of Sussex
Time, Knowledge and the *telos*. Jaakko Hintikka interpreter of Plato
5. **Гришков Игорь Владимирович**, Санкт-Петербургский горный университет, студент
Зенон, Платон, Аристотель и принцип неопределенностей Гейзенберга

11:00 – 18:00 **Секционные заседания**
Русская христианская
гуманитарная академия
Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, д. 15

Секция 1 **Платон в контексте истории
культуры и искусства** (ауд. 321)

Модераторы: А. С. Степанова,
Стефано Мария Капилуци

1. **НОГОВИЦЫН ОЛЕГ МИХАЙЛОВИЧ**,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт философии, доцент, канд. филос. наук
Два способа опровержения морали у Платона
2. **ДИАНОВА ВАЛЕНТИНА МИХАЙЛОВНА**,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт философии, профессор, доктор филос. наук
**Наследие Платона и реалии симуляции
в современной культуре**
3. **ЧЕРЕДНИКОВ ВАЛЕНТИН ИГОРЕВИЧ**,
преподаватель, канд. филос. наук
**Платон в восприятии американских
романтиков (Эмерсон, По, Торо)**
4. **КАПИЛУЦИ СТЕФАНО МАРИЯ**, Русская христианская гуманитарная академия, Институт итальянской культуры, директор, PhD
**От первобытного искусства до Эйдоса Платона: видимое
и невидимое в рождении античного мышления**
5. **РЫЧКОВ АЛЕКСАНДР ЛЕОНИДОВИЧ**,
ВГБИЛ им. М.И. Рудомино (Москва), старший научный сотрудник
**Магическая историола на филактериях
со святым Сисинием: θεωρημα в частной
сфере раннехристианского мира?**

6. **ТРОИЦКАЯ АННА АЛЕКСЕЕВНА**, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии, научный сотрудник, канд. искусствоведения,
ТРОИЦКИЙ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, кандидат философских наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии, руководитель Центра изучения зон культурного отчуждения и пограничья Социологического института Российской Академии наук, канд. филос. наук
Рецепция платонизма в философии искусства Н. С. Войтинской
7. **ТРУШИНА МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА**, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии, аспирант
Показать непоказуемое: к проблематике визуального в платоновском корпусе
8. **БАТРАКОВА ИРИНА АРКАДЬЕВНА**, Северо-Западный государственный медицинский университет им. И. И. Мечникова, доцент, канд. филос. наук
Развитие определенности идеи в классической философии после Платона
9. **НИКОНЕНКО СЕРГЕЙ ВИТАЛЬЕВИЧ**, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии, профессор, д. филос. наук
Мистический ли мир? Комментарий к положению 515 с, d «Государства» Платона и к положению 6.44 «Логико-философского трактата» Витгенштейна
10. **ЗОЛОТУХИНА АНАСТАСИЯ ИГОРЕВНА**, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, старший преподаватель
“Τοῦ αὐτοῦ ἀνδρὸς ἐστὶ κωμῳδίαν καὶ τραγῳδίαν ἐπίστασθαι ποιεῖν”: последняя реплика Сократа в «Пире» в свете модной болезни XVI века
11. **ДОРОФЕЕВ ДАНИИЛ ЮРЬЕВИЧ**, Санкт-Петербургский горный университет, Северо-Западный государственный медицинский университет им. И. И. Мечникова, профессор, доктор филос. наук
Визуальная коммуникация в Афинах и Венеции: Платон, Томас Манн и феноменология

12. **Синицын Александр Александрович**, Русская христианская гуманитарная академия; Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии, доцент, канд. историч. наук
Советский Сократ: античный мудрец и пороки капитализма в фильме Георгия Шукина «Райские яблочки»

**Секция 2 Платонизм: философ,
общество, власть (ауд. 604)**

**Модераторы: И. А. Гончаров,
Е. В. Малышкин**

1. **Туманян Тигран Гургенович**, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии, зав. кафедрой философии и культурологии Востока, доктор филос. наук, профессор
К вопросу о становлении политической мысли ислама
2. **Тантлевский Игорь Романович**, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии, зав. кафедрой еврейской культуры, д. филос. наук, профессор
***Двигается ли душа?* Сопоставление отдельных релевантных воззрений Платона и Аристотеля на душу человека**
3. **Нешитов Петр Юрьевич**, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, доцент, канд. филос. наук
Трудные места социологического комментария к Платону
4. **Кравцов Илья Васильевич**, независимый исследователь, предприниматель, канд. филос. наук
Стремление к материальному изобилию как идеалистичная концепция и антитеза справедливости в сочинениях Платона
5. **Гончаров Игорь Анатольевич**, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина, заведующий кафедрой политологии и международных отношений, доктор филос. наук, профессор
Миф о смерти философа и нисхождении доблести: преувеличение или пророчество?

6. **МАЛЫШКИН ЕВГЕНИЙ ВИТАЛЬЕВИЧ**, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет свободных искусств и наук, доцент, доктор филос. наук
Об эротике в открытых сообществах. Опыт формализации

Секция 3 Платон в контексте истории античной и ренессансной философии (ауд. 601)

**Модераторы: И. Н. Мочалова,
Р. Н. Дёмин**

1. **ДЁМИН РОСТИСЛАВ НИКОЛАЕВИЧ**, Русская христианская гуманитарная академия, гимназия «Петершуде», преподаватель
Брисон как представитель мегарской школы
2. **РОХМИСТРОВ ВЛАДИМИР ГЕННАДЬЕВИЧ**,
Русская христианская гуманитарная академия
«Федон», или О бессмертии души
3. **ПЕТРОВ КИРИЛЛ АЛЕКСЕЕВИЧ**, Волгоградский государственный медицинский университет, доцент, канд. филос. наук
Δαιμόνιον и религиозные представления Платона
4. **ГОНЧАРКО ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ**, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет), доцент, канд. филос. наук,
ГОНЧАРКО ОКСАНА ЮРЬЕВНА, ациональный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербургский горный университет, доцент, канд. филос. наук
Платоновский «Пир» и закон тождества
5. **ГАРАДЖА АЛЕКСЕЙ ВИКТОРОВИЧ**, Российский государственный гуманитарный университет, Платоновский исследовательский научный центр, старший научный сотрудник
Платоновская пещера и кукольный театр
6. **АФОНАСИНА АННА СЕРГЕЕВНА**, Новосибирский государственный университет, преподаватель
Платон и Эмпедокл: свидетельства и преемственность идей

7. **РОМАНЕНКО Юрий Михайлович**,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт философии, профессор, доктор филос. наук
**Парадоксальность исторического спора между Платоном
и Аристотелем в свете онтологии М. Хайдеггера**
8. **ГУРЬЯНОВ Илья Геннадьевич**, Национальный
исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва), преподаватель, канд. филос. наук
**Представления о природе семени
в ренессансном платонизме**
9. **КУЛЬМАТОВ Владимир Александрович**, Русская христианская
гуманитарная академия, научный сотрудник, канд. филос. наук
**Платоновская пропорция и правильное мышление:
два способа демонстрации истинного рассуждения,
два различных критерия истинности**

Секция 4 **Платонизм и наука** (ауд. 602)

Модераторы: **А. В. Нестерук**,

Т. В. Литвин

1. **СЕЛИВЁРСТОВ Виктор Леонидович**,
Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций
им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, доцент, канд. филос. наук
**Использование Платоном свойств числа
«два» в «Пире» и «Федоне»**
2. **АЗАРОВА Юлия Олеговна**, Харьковский национальный
университет им. В. Н. Каразина, доцент, канд. филос. наук
**Платон и Левинас: критика
«сократического элемента» в платонизме**
3. **ЛИТВИН Татьяна Валерьевна**, Русская христианская
гуманитарная академия, доцент, канд. филос. наук
Число и образ в философии времени Платина
4. **НЕСТЕРУК Алексей Всеволодович**, университет Портсмута
(Великобритания); Русская христианская гуманитарная академия,
научный сотрудник и преподаватель, канд. физ.-мат. наук
**Космология Платона и платонизм
в современной математической космологии**

5. **ПЛЕШКОВ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ**, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), Институт гуманитарных историко-теоретических исследований им. А. В. Полетаева, заместитель директора, канд. филос. наук
**Понятие «вечность» у Платона:
стратегии концептуализации**
6. **БЕРЕСТОВ ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ**, Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск), старший научный сотрудник, канд. филос. наук
**Может ли Аристотель решить парадокс
Менона для случая поиска вида?**
7. **ШИЯН ТАРАС АЛЕКСАНДРОВИЧ**, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Москва); Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва), доцент, канд. филос. наук
Логика и математика в сотериологии Платона
8. **ШИЯН АННА АЛЕКСАНДРОВНА**, Российский государственный гуманитарный университет, доцент, канд. филос. наук
**Был ли Гуссерль платоником? Метаморфозы
платонизма в феноменологии Эдмунда Гуссерля**
9. **ПАНОВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ**, Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС», доцент, канд. филос. наук
Платон и проблема созерцания
10. **ГЛЕБОВ ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ**, Новый Сибирский институт (Новосибирск), доцент, канд. филос. наук
**Онтологическая меритократия Платона
versus нейрофилософский эгалитаризм**
11. **АРТЕМЬЕВ ТИМУР МУРМАНОВИЧ**, Северо-Западный государственный медицинский университет им. И. И. Мечникова, доцент, канд. филос. наук
Чувственное и мысленное познание в философии Платона

12. **САВИНОВ РОДИОН ВАЛЕНТИНОВИЧ**,
Санкт-Петербургская государственная академия ветеринарной
медицины, старший преподаватель, канд. филос. наук
**Платонизм и аристотелизм как эпистемические
программы (проблема генезиса знания в
курсе философии Ж. Лальманде)**
13. **ЛИХТЕР ПАВЕЛ ЛЕОНИДОВИЧ**, Пензенский
государственный университет, доцент, канд. юридич. наук
**Дело «Поппер против Платона»:
эссенциализм и историцизм**

**Секция 5 История платонизма:
взгляд молодых исследователей
(Актный зал)**

**Модераторы: Е. В. Алымова,
К. Е. Прокопов**

1. **ПРОКОПОВ КИРИЛЛ ЕВГЕНЬЕВИЧ**, Национальный
исследовательский университет «Высшая школа
экономики» (Москва), аспирант
Философия как инициация в «Федоне» Платона
2. **КАРАВАЕВА СВЕТЛАНА ВИКТОРОВНА**,
Северо-Западный государственный медицинский университет
им. И. И. Мечникова, ассистент, канд. филос. наук
Образ Сократа-киника в поздней античности
3. **МИНАК ВЯЧЕСЛАВ СЕРГЕЕВИЧ**, Российский государственный
педагогический университет им. А. И. Герцена, студент
О познании истины в «Тимее» Платона
4. **РУСИНОВА ЛЮДМИЛА АНДРЕЕВНА**, Русская
христианская гуманитарная академия, студент
**Гневливый невежда, двоеженец, взрослый эромэн.
Негативный образ Сократа у Аристоксена Тарентского**
5. **ИЛЮХИНА ЕВГЕНИЯ ОЛЕГОВНА**, Новосибирский
государственный медицинский университет, студент
**Концепция онтологической элитарности философского
мышления Платона и нейрофилософская реальность**

6. **КУПРИЯНОВ ВИКТОР АЛЕКСАНДРОВИЧ**,
Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания
и техники РАН, научный сотрудник, канд. филос. наук
История античной философии в метафизике Б. Н. Чичерина
7. **ГУРСКИЙ НИКОЛАЙ МАРКОВИЧ**,
Томский государственный университет, студент
Заметки к «Платоновской теологии» Прокла
8. **АСТРАХАНЦЕВА ЮННА ЮЛИАНОВНА**, Санкт-Петербургский
государственный университет, Институт философии, магистрант
Перспектива в “Картинах” Филострата старшего
9. **АНИКИНА ЕЛИЗАВЕТА ЮРЬЕВНА**, Русская
христианская гуманитарная академия, студент
**Рассуждения о *daemon paredros*. От Патона –
к иранскому суфизму, от Библии и Апулея –
к флорентийскому ренессансу**
10. **НОСКОВ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ**, Санкт-Петербургский
государственный университет, Институт философии, магистрант
Чем пахнет Платон: эстезис запахов в философских диалогах
11. **БРУК ЕЛИЗАВЕТА ГРИГОРЬЕВНА**, Санкт-Петербургский
государственный университет, Институт философии, студент
**Платоновская традиция и символические теории культуры
о взаимоотношении феномена (вещи), сущности и понятия**
12. **ПОПОВ ДАНИЛ СЕРГЕЕВИЧ**, Санкт-Петербургский
государственный университет, Институт философии, студент
**Реактуализация стоического нарратива во второй половине
XX века: теоретический и праксеологический аспекты**
13. **МАКОВЦЕВ ВЛАДИМИР СТАНИСЛАВОВИЧ**, Санкт-Петербургский
государственный университет, Институт философии, магистр
Орфей или история одного сомнения

Секция 6 **Неоплатонизм и византийская философия** (ауд. 504)

Модераторы: **Д. С. Курдыбайло,**
А. В. Богомолов

1. **СПИРИДОНОВА ЛИДИЯ ВАЛЕНТИНОВНА**, Русская христианская гуманитарная академия, канд. историч. наук,
КУРБАНОВ АНДРЕЙ ВИКТОРОВИЧ, Русская христианская гуманитарная академия, канд. историч. наук
Представления об анестезии в греческой мысли
2. **ВОРОБЬЕВ ВАЛЕРИЙ**, Русская христианская гуманитарная академия, канд. филос. наук
Александрйские неоплатоники комментируют Аристотеля
3. **НОГОВИЦИН ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ**, Институт социологии Российской академии наук, старший научный сотрудник, канд. филос. наук, доцент
Вопрос о единстве понятия сущего в трактате Георгия Гемиста Плифона «О том, чем различаются Платон и Аристотель»
4. **ВАРЛАМОВА МАРИЯ НИКОЛАЕВНА**, независимый исследователь, канд. филос. наук
Природа живого у Симпликия
5. **СЕМИКОЛЕННЫХ МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА**, Социологический институт Российской академии наук, Центр изучения зон культурного отчуждения и пограничья, ассоциированный научный сотрудник, канд. культурологии
Первый перевод «Законов» Платона на латынь и его критический разбор в *In Calumniatorem Platonis* Виссариона Никейского
6. **МАКОВЕЦКИЙ ЕВГЕНИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ**, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии, профессор, доктор филос. наук
Экфрасис тела в ранневизантийских платоновских диалогах
7. **ТОНОЯН ЛАРИСА ГРАЧИКОВНА**, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии, доцент, канд. филос. наук, доцент
Платоновское влияние в византийской логике

8. **БОГОМОЛОВ АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ**, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, доцент, канд. филос. наук
Рецепция учения Горгия о небытии в онтологии и эпистемологии Единого в философии Платона
9. **ЩЕРБАКОВ ФЁДОР БОРИСОВИЧ**, Русская христианская гуманитарная академия, аспирант
Статус мифа в римской неоплатонической школе
10. **ДУБРОВ ИЛЬЯ ЮРЬЕВИЧ**, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, преподаватель, бакалавр философии
Понятие символа в философии Прокла
11. **КУРДЫБАЙЛО ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ**, Русская христианская гуманитарная академия, научный сотрудник, канд. филос. наук
О символизме в трактате Порфирия Тирского «Об изваяниях»
12. **СОБОЛЬНИКОВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА**, Русская христианская гуманитарная академия, доцент, канд. филос. наук
«Выводы о невозможном»: к проблеме интерпретации мистического опыта в философии Дамаския Диадоха

Секция 7 Наследие Платона в контексте истории религиозной мысли (ауд. 604)

**Модераторы: А. Д. Пантелеев,
Е. В. Кузьмина**

1. **БИРЮКОВ ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ**, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» – Пермь, Социологический институт Российской академии наук, ведущий научный сотрудник, доктор филос. наук, PhD
Паламитский контекст учения о символе свящ. Павла Флоренского
2. **ЗАЙЦЕВ ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ**, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, доцент, канд. филос. наук
Античные корни скептического тезиса

3. **МАЗАЕВ РУСЛАН МИХАЙЛОВИЧ**, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории, студент
Антропологическое учение Послания к Диогнету
4. **ПАНТЕЛЕЕВ АЛЕКСЕЙ ДМИТРИЕВИЧ**, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории, доцент, канд. историч. наук
«Побег из тюрьмы»: Платоновская пещера и темница в античности
5. **КУРБАНОВ АНДРЕЙ ВИКТОРОВИЧ**, Русская христианская гуманитарная академия, канд. историч. наук,
СПИРИДОНОВА ЛИДИЯ ВАЛЕНТИНОВНА, Русская христианская гуманитарная академия, канд. историч. наук
Сатира Феодора Продрома «Платонолюб, или Кожевник»
6. **ПРИХОДЬКО МАКСИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ**, приход РПЦ в честь Николая Мирликийского, г. Севилья (Испания), протоиерей, канд. филос. наук
Мессианская идея в герменевтике александрийской школы (Климент Александрийский и Ориген)
7. **ТИМЧЕНКО КСЕНИЯ ПЕТРОВНА**, Государственный музей истории религии, младший научный сотрудник, магистр религиоведения
Переосмысление влияния эллинистической философии на христианскую этику в лютеранской теологии середины XX века
8. **КУЗЬМИНА ЕЛЕНА ВИКТОРОВНА**, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, доцент, канд. историч. наук
Учение Платона о Божестве и современные теологические дискурсы
9. **ВАСИЛИК ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ**, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории, доцент, доктор филос. наук
Платонизм в антинесторианской полемике латинских отцов V–VI в.

10. **Печурчик Юзеф Юзефович**, Католическая высшая духовная семинария «Мария-Царица Апостолов» (Санкт-Петербург), преподаватель, канд. филос. наук, доцент
Неоплатонический характер христианской философии (от Августина до Гегеля)
11. **Двинянинов Борис Кириллович**, Русская христианская гуманитарная академия, аспирант
Образ Тата в герметических трактатах
12. **Бойко Виктория Юрьевна**, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии, студент
Платон как исток проблемы соотношения христианской веры и философского знания в «Граде Божьем» Аврелия Августина

Секция 8 **Платон и новоевропейская философия** (ауд. 605)

Модераторы: **О. А. Донских,**
С. Л. Катречко

1. **Данилкина Наталья**, Голландская исследовательская школа философии (OZSW), координатор группы «Философия в Центральной и Восточной Европе», канд. филос. наук
Платонический эрос в неокантианской философии образования
2. **Донских Олег Альбертович**, Новосибирский государственный университет, профессор, д. филос. наук
Четыре шага по пути обобщения: рождение общих понятий
3. **Шевцов Константин Павлович**, Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации, профессор, доктор филос. наук
Платоновская философия как способ собирания разума
4. **Мурский Вадим Вячеславович**, Русская христианская гуманитарная академия, канд. филос. наук
Судьба гносеологических стандартов платоновского диалога «Тэтет» в новоевропейской философии

5. **КАТРЕЧКО СЕРГЕЙ ЛЕОНИДОВИЧ**, Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН), доцент, канд. филос. наук
О трансцендентализме Платона (Платон и Кант)
6. **СОТНИКОВА НАДЕЖДА НИКОЛАЕВНА**, Санкт-Петербургский университет МВД России, доцент, канд. филос. наук
«Платон как философ» в интерпретации В. Виндельбанда
7. **СМИРНОВ ИВАН ИВАНОВИЧ**, Русская христианская гуманитарная академия; Общецерковная аспирантура и докторантура, аспирант; протоиерей, клирик Русской Православной Церкви
Спекулятивный мыслитель в философии и теологии: от Платона к современности

Шичалин Юрий Анатольевич, Православный
Свято-Тихоновский гуманитарный университет
(Москва), профессор, доктор филос. наук

ЖАНРОВАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ПЛАТОНОВСКОГО ТВОРЧЕСТВА

Аннотация: Принятое деление входящих в *Corpus Platonicum* (CP) диалогов на ранние, зрелые и поздние эклектически смешивает биографический (ранние диалоги отражают беседы исторического Сократа), содержательный (в зрелых диалогах разработана теория идей) и стилистический (стилометрический) подходы. Но определенный консенсус при этом подходе достигнут только относительно состава группы поздних диалогов. С учетом этого консенсуса предлагается эволюционная модель платоновского творчества, построенная на основе жанрового анализа, проводимого в рамках институционального подхода.

Все поздние платоновские диалоги имеют *прямую драматическую форму* (3), которая декларируется в *Тезетете*, где Платон сознательно отказывается от *формы пересказанного (имеющего рамку) диалога* (2). При этом в ряде диалогов содержатся *речи* (1), которые вместе с *Апологией Сократа* следует считать доминирующим жанром в ранний период, когда у Платона еще *не было школы* (1). Диалоги, имеющие рамку, отражают начало обсуждений интересующих Платона вопросов (прежде всего — политика и воспитание) в *кружке единомышленников* (2), развитие которого приводит к появлению того, что мы привыкли считать *школой Платона* (3), то есть той аудиторией, которая уже не нуждается в развитых рамках для понимания обсуждаемых в диалогах проблем. В это же время начинают создаваться школьные диалоги, вошедшие в CP и не принадлежащие Платону.

Доминирующие жанры наиболее ясно и хронологически определены отражены в *Апологии, Государстве и Законах*.

В качестве примера приводится анализ *Евтифрона* с точки зрения доминирующего подхода и в рамках предлагаемой модели.

SHICHALIN YURI, Orthodox St. Tikhon University for Humanities, Head of department, DSc in Philosophy, Professor

GENRE EVOLUTION OF THE PLATONIC *OEUVRE*

Summary: The standard division of the *Corpus Platonicum* (CP) into early, middle and late dialogues is based on the eclectic mixture of several approaches: biographical ('early dialogues' represent the conversations of the historical Socrates); content-based ('mature dialogues' contain the so called theory of Forms); stylistic (stylometric).

Still, a certain scholarly consensus is achieved only with respect to the group of late dialogues. Taking into account this consensus, we suggest a developmentalist reading of the Platonic oeuvre. It is based on genre analysis within the framework of the institutional approach.

All late Plato's dialogues have *direct dramatic form* (3) which is proposed in the *Theaetetus*, where Plato consciously and emphatically rejects the *reported dialogue with a narrative frame* (2). At the same time, several dialogues contain *speeches* (1). Together with the *Apology* they should be considered as a dominant genre in the early period, when Plato still *did not have a school* (1). Reported dialogues are centered mainly on politics and education and reflect the beginning of discussions *in a circle of like-minded intellectuals* (2); the development of these discussions eventually leads to the emergence of what we traditionally call "Plato's school" (3). That implies an audience which no longer needs narrative frames to understand the issues under consideration. During this period, 'scholarly' dialogues are created by the members of the school which will form part of the CP, although they are not authored by Plato.

Dominant genres of each chronological period are clearly reflected in the *Apology*, the *Republic*, and the *Laws*.

As an example, we suggest a comparative analysis of *Euthyphro* from the standpoint of the standard approach and from the standpoint of the suggested model.

МОЧАЛОВА ИРИНА НИКОЛАЕВНА, Санкт-Петербургский
государственный университет, Институт
философии, доцент, канд. филос. наук

ПЛАТОН И СОКРАТИКИ:
РЕКОНСТРУКЦИЯ ДИСКУССИЙ*

Аннотация: В докладе анализируется феномен «сократических школ» — киренской и кинической — в Афинах IV в. до н. э. Диалоги Платона, учения сократиков и академиков предлагается рассматривать в контексте интеллектуальной полемики. Анализируются дискуссии о природе философии, об идеях, обсуждение этической проблематики. Реконструкция конкурентного дискурса позволяет уточнить интерпретации некоторых диалогов Платона («Теэтет», «Софист», «Филеб»).

Ключевые слова: сократические школы, сократики, Платон, интеллектуальная полемика, учение об идеях, философия, этика.

IRINA MOCHALOVA, St Petersburg State University, Institute
of Philosophy, Associate Professor, CSc in Philosophy

PLATO AND SOCRATICS:
RECONSTRUCTION OF DISCUSSIONS

Summary: The report examines the phenomenon of “Socratic schools” — the Cynic and the Cyrenaic — in the IV century BC in Athens. The dialogues of Plato, the doctrines of Socratics and Academics are considered in the context of intellectual polemics. The discussions about the nature of philosophy, ideas, ethical issues are analyzed. The reconstruction of competing discourse allows to clarify the interpretation of some of Plato’s dialogues (“Theaetetus”, “Sophist”, “Philebus”).

Keywords: Socratic schools, Socratics, Plato, intellectual competition, the doctrine of ideas, philosophy, ethics.

Феномен так называемых «сократических школ» до середины 70-х годов прошлого века мало привлекал внимание историков

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ по проекту № 17-03-00616 «Сократические школы как явление античной философии и культуры».

античной философии. Господствующее мнение о незначительности как философов, второразрядности таких учеников Сократа как Антисфен, Аристипп, Эсхин и др., недоверие к источникам имеющих о них сведений, фрагментарность и немногочисленность оригинальных текстов этих мыслителей, делающая ненадежной и спорной любую их интерпретацию, стали основными, хотя и не единственными причинами такого отношения. Не последнюю роль в маргинализации сократической традиции в целом сыграл великий сократик Платон, чьи взгляды определили магистральную линию развития западноевропейской философской мысли.

Сегодня ситуация меняется. Во-первых, все более очевидной становится ограниченность понимания платонизма как единственной и универсальной философской парадигмы; во-вторых, проблемы платоноведения, до сих пор остающиеся нерешенными в рамках традиционного имманентно-интерпретационного подхода, стимулируют поиски новых методологических решений и расширение исследовательского контекста. В этом отношении обращение к так называемым сократикам — философам, современникам Платона, представляется эвристически ценным.

Диалоги Платона погружают читателя в атмосферу пятого столетия до н. э., раскрывая мир Сократа, созданный воображением Платона, и искусно скрывают от нас историческую действительность Афин четвертого века. Доклад ставит своей целью показать значимость учета для понимания творчества Платона и «сократиков» институциональной и интеллектуальной конкуренции, имевшей место в IV в. до н. э.

Основанная Платоном философская школа, Академия, представляет новый тип школы, возникший как одно из следствий институциональной конкуренции с риторическим образованием и, прежде всего, со школой Исократ, первым предложившим теоретически обоснованную модель обучения разнообразным интеллектуальным практикам. Предпринятый анализ афинских образовательных институтов IV в. показывает, что преподавательская деятельность Антисфена и Аристиппа не выходила за пределы несистематического индивидуального обучения, прежде всего, риторике (такой же практикой занимался Эсхин); «сократических школ» — киренской (основатель Аристипп)

и кинической (основатель Антисфен) — как образовательных философских институтов в этот период не было; само же представление о создании «сократических школ» складывается в результате последующего историко-философского описания процесса легитимизации философии. Академия Платона, ставшая моделью для всей последующей школьной философской традиции, задала не только стандарты организации школьной жизни, но и определила язык описания истории философии как истории школ и преемств. Вопрос о статусе мегарской школы представляется более сложным и требует специального рассмотрения, что выходит за рамки данного доклада.

Анализ диалогов Платона, трудов Аристотеля, сохранившихся фрагментов сочинений, каталогов работ и свидетельств о жизни учеников Платона (Спевсиппа, Ксенократа, Филиппа Опунтского, Гераклида, Евдокса) и так называемых сократиков — Антисфена, Аристиппа, Ксенофонта, Эсхина и некоторых других позволяет сделать вывод об интенсивной интеллектуальной конкуренции между ними. Прежде всего, предметом острой полемики становится понимание философии, философских практик и философского образа жизни: в Афинах IV века можно встретить и философа-политического эксперта, и профессионала-ученого, и нищего, живущего асоциальной естественной жизнью. Именно в контексте этой борьбы за философию формируются легенды о подлинных мудрецах: например, Геракл Антисфена; мифы о Сократе и др.

Центральной внутриакадемической дискуссией, о которой мы можем судить преимущественно из текстов Аристотеля, становится дискуссия об идеях как онтологически первичных и самодостаточных общих понятиях. Практически все академики принимают в ней участие, и либо не соглашаются с Платоном, либо предлагают существенно модифицировать учение (например, Ксенократ). Однако картина будет неполной без учета оценки учения об идеях за пределами Академии: нам известны позиция мегариков, в частности, Евклида, и критика «идей» со стороны Антисфена; можно учесть и позицию, занятую Исократом. Свидетельством интенсивности интеллектуальной коммуникации можно считать появляющиеся в это время специальные работы, излагающие взгляды современников-оппонентов (например, вероятно, диалог

Спевсиппа «Аристипп»; диалог Антисфена «Сафон», написанный против Платона; работа Аристотеля — «О Спевсипповой и Ксенократовой философии» (13–14 кн. «Метафизики») и др.).

Анализ каталогов сочинений, сохранившихся фрагментов и свидетельств как сократиков, так и академиков показывает, что публичные дискуссии — это обсуждение, прежде всего, этической проблематики: все авторы публикуют множество популярных сочинений на этические темы, ибо, как утверждал Платон, «все то, что по поводу всех искусств, а также и каждого из них в отдельности должен возражать сам мастер», должно быть «обнародовано для каждого, желающего этому научиться в письменном виде» (Plat. Soph. 232 D). В каталогах мы находим работы с такими названиями, как «Об удовольствии», «О дружбе», «О богатстве», «О справедливости», однако сходство названий не говорит об общности позиции, лишь обозначая наиболее актуальные темы. Проблематика «Филеба», как и ряда других диалогов Платона, говорит о его включенности в разворачивающиеся дискуссии. Реконструкция конкурентного дискурса позволяет уточнить интерпретации некоторых диалогов Платона («Теэтет», «Софист», «Филеб»).

ARNAUD MACÉ, University of Franche-Comté, Professor
LORENZO FERRONI, Institute of Philosophy, KU Leuven

NEW STRATEGIES FOR READING PLATO'S *ION*

Summary: We will present the main features of our new edition of Plato's *Ion* (Paris, Les Belles Lettres, 2018, collection "commentario") as a reply to the question raised by the present conference on "new research strategies" in Plato studies. Our answer is "more context": this edition was made with a more extended knowledge of all existing manuscripts than any other previous edition and the translation also benefited from Rijksbaron's reassessment of the phrases used by Plato in the *Ion* within the context of their use in all other dialogues. Commenting the *Ion* after Nagy 2002 also meant to take into account the widest range of rhapsodic practices and the agonic context, to provide a new assessment of the use of the dialogue form in the *Ion* as a very flexible method for what could be called a philosophy of practices, aiming at questioning any practitioner's representation of his own practice, especially regarding its epistemic dimension.

OLGA ALIEVA, National Research University Higher School
of Economics, Moscow, Associate Professor, CSc in Philosophy

‘ENEMIES OF PHILEBUS’ AND THE
‘WISE’ OF THE *REPUBLIC* 9

Summary: We examine the connection between the theory of pleasure ascribed by Plato to the ‘enemies of Philebus’, in the homonymous dialogue, and to the ‘wise men’, in the *Republic* 9. Though this connection was noted already by J. Adam in 1907, his observations did not receive further elaboration, because, as R. Hackforth observed in 1945, the ‘wise’ of the *Republic* 9 admit at least one ‘real’ pleasure, whereas the ‘enemies of Philebus’ hold that pleasures do not exist at all. The identification was further hampered by the fact that the ‘enemies of Philebus’ came to be almost universally admitted to represent the views of Speusippus: indeed, Plato could not possibly refer to his nephew as ‘the wise’ who influenced Socrates’ views on pleasure in the *Republic*. Without questioning this identification, we would like to reestablish the connection between the ‘the wise’ and ‘the enemies’. If the views endorsed by the ‘enemies of Philebus’ did echo Academic discussions on pleasure, this does not necessarily imply that such views were coeval with these discussions. By exploring certain parallels between the dialogues, we hope to shed some light on Plato’s literary and philosophical strategies, as well as on the making of his own theory of pleasure.

СВЕТЛОВ РОМАН ВИКТОРОВИЧ, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, директор Института философии человека, доктор филос. наук, профессор

СОКРАТ, ТЫ СЛЫШИШЬ СОКРАТА? ПАРАДОКСЫ
ИДЕНТИЧНОСТИ В ТЕКСТАХ ПЛАТОНА*

Аннотация: Тема идентичности — важная для античной культуры, на что указывает знаменитый дельфийский принцип. Мы не станем затрагивать богатый социально-политический, медико-гигиенический, гендерный аспекты этой темы. В фокусе нашего внимания окажутся стратегии

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ по проекту № 17-03-00616 «Сократические школы как явление античной философии и культуры».

идентификации акторов платоновских диалогов, которые имеют и содержательный, и драматически-игровой характер. На наш взгляд, в этих текстах обсуждается тема того, что получит позже название «различающего» и «собственного» признаков. Платон не столько «генерализирует» наш опыт в поисках общих понятий, но и рассматривает эпистемические границы специфицирующих суждений и их элементов. И поиск верного инструментария приводит его к собственно философскому вопросу о возможности схватывания идентичности в логосе. В итоге Платон демонстрирует ряд парадоксальных суждений, которые заставляют нас задуматься над особенностями платоновского философского дискурса.

Ключевые слова: эпистемология Платона, собственный признак, идентичность.

SVETLOV ROMAN, Herzen State Pedagogical University
of Russia, St Petersburg, Head of the Philosophy
department, DSc in Philosophy, Professor

SOCRATES, DO YOU HEAR SOCRATES? PARADOXES OF IDENTITY IN THE TEXTS OF PLATO

Summary: The famous Delphic maxim demonstrates the importance of the theme of identity for ancient culture. We will not explore the rich socio-political, medical-hygienic, gender aspects of this problem. The main attention will be paid to the identification strategies used for the characters of the dialogues of Plato, which also have a dialectical and dramatic-game character. The topic, which is discussed in these texts, will later be called “differentiating” and “own” features. Plato not only generalizes our experience in the search for concepts, but also considers the epistemic boundaries of specifying judgments and their elements. The search for the right toolkit leads him to the properly philosophical question of the possibility of describing the identity in the logos. As a result, Plato demonstrates a number of paradoxical judgments that make us reflect on the peculiarities of Plato’s philosophical discourse.

Keywords: epistemology of Plato, own features, identity.

DETLEF VON DANIELS, Berlin-Brandenburg Academy of Sciences and Humanities, Research Group International Justice and Institutional Responsibility, Research Fellow and Academic Coordinator

WHAT IS THE QUESTION PLATO
IS ANSWERING TO IN THE *POLITEIA*?

In this paper, I want to use the method of contextual interpretation as envisioned by the Cambridge School for a reading of Plato's *Politeia*. However, this attempt will change both, our understanding of Plato but also of the philosophical underpinnings of the Cambridge School. As a cautionary tale, I will start by giving a brief overview of political appropriations of the *Politeia* while focusing on three historical periods, 19th century Britain, early 20th century Germany, and the post-war United States. It will turn out that everyone has found in Plato what he needed or sought, mostly himself. The Cambridge School nevertheless claims to get beyond this "mythology of parochialism" (Skinner) by inquiring into the historical and discursive situation ("the question") an author is answering to. I will argue against the "mouth-piece of Socrates view" that enough historical evidence can be given for considering Plato as a conscious political actor. For understanding his intervention it is therefore important to reconstruct the prevalent discourse of his (and not Socrates'!) time. I will show that the sophists Plato is implicitly attacking can be characterized as 'proto-cosmopolitan liberals' who have a 'pan-Hellenistic' political agenda (both anachronistic terms can be fleshed out historically). Plato's intervention then turns out to be an indirect and double one, by inventing (or recognizing) a realm above petty politics and distinguishing the philosopher from the philodox he changes the focus of attention from immediate action to the world of practical guiding ideas. I will conclude by arguing that this contextual reading is apt neither for a 'liberal' nor an 'authoritarian' appropriation as Plato's concepts work in a different way, namely as a historical analysis of forms of practices.

JOHN PARTRIDGE, Wheaton College, Boston

FEMINIST ENCOUNTERS WITH PLATO:
APPROPRIATION, DISINVESTMENT, AND
CONSTRUCTIVE COMPLICITY

With the possible exception of *Republic V*, the philosophy of Plato seems to offer little for feminists to celebrate. Nonetheless, many feminists continue to read the Platonic corpus, and not simply to “document and deplore” the views in them. On the contrary, some of these feminist historians of ancient philosophy (like Charlotte Witt) try to salvage or appropriate features of the texts and deploy them to feminist ends. This is part of what has been dubbed the “inheritance approach” to the study of ancient philosophy since it is a way of claiming the canon as a resource. However, an important article by Cynthia Freeland argues forcefully against standard ways of doing the inheritance-style feminist history of ancient philosophy. She believes that the very discipline of history of philosophy is ideological. That is, she holds that the discipline is not only epistemically defective but also oppressive, insofar as it promotes the dominance of one set of concerns over another. Therefore, feminists who use the tools of the discipline when reading Platonic texts may be engaging in an oppressive activity.

In this paper, I critically examine Freeland’s claims about the stakes of feminist engagement with Plato. Freeland argues for a modified form of appropriation that is rooted in a pragmatic conception of the discipline of the history of philosophy. On this view, the history of philosophy aims at solving puzzles rather than seeking the truth. I show that there are other models of appropriation that take seriously Freeland’s worries about ideology, but which do not include the ironic or gelastic distancing characteristic of Irigaray. Specifically, I examine how postcolonial critique by Spivak points toward a different way to take up the inheritance of Platonic philosophy. Dilek Huseyinzadegan’s “constructive complicity” begins with a full acknowledgement of the ambivalence of our inheritance. Her orientation then rejects facile appropriation just as it refuses glib disinvestment and disavowal, and it concedes the intractability of our embeddedness in methods and imaginaries that condition thought and practice to this day. I explore the facility of this method with illustrative readings of Plato on gender and genre (that is, on the boundaries philosophy as it consolidates itself over

against oratory and poetry). I conclude with an assessment of the fruitfulness of constructive complicity in reengaging our Platonic inheritance.

Works Cited:

Freeland, Cynthia, "Feminism and Ideology in Ancient Philosophy," *Apeiron* 33/4 (December 2000): 365-406.

Huseynzadegan, Dilek, "For What Can the Kantian Feminist Hope? Constructive Complicity in Appropriations of the Canon," *Feminist Philosophy Quarterly* 4/1 (2018): 1-25.

Schott, Robin May, "Feminism and the History of Philosophy" in *The Blackwell Guide to Feminist Philosophy*, edd. Linda Martin Alcoff and Eva Feder Kittay (Blackwell, 2008), 43-63.

Spivak, Gayatri Chakravorty, *A Critique of Postcolonial Reason: Toward a History of the Vanishing Present* (Harvard, 1999).

Witt, Charlotte, "The Recognition Project: Feminist History of Philosophy," forthcoming in *Women in the History of Philosophy: Methodological Reflections on Women's Contribution and Influence*.

RENATO MATOSO, Pontifical Catholic University
of Rio de Janeiro, Assistant Professor

PERSPECTIVISM AND CONCILIATION IN THE READING OF PLATO'S DIALOGUES

Summary: In recent decades a growing number of scholars have questioned the developmental approach to Plato that dominated scholarship in the 20th century. In this context, old strategies of reading the dialogues have been renewed and new approaches have been proposed. Basically, three different methodologies of reading the dialogues have been advocated: the still dominant Developmentalism, Unitarianism, and the literary (or Isolationist) reading. These different approaches are still largely taken as competitors and there seems to be no methodology available that systematically integrates these different readings. In my presentation, I will develop the "Perspective reading" proposed by Kahn (2005), and Gonzales (2016) in order to present a methodology that integrates some aspects of these different approaches in a systematic and coherent way.

Perspectivism can be understood as the methodological recognition that the dramatic framework of the dialogues, the occasion of the conversation and the character of the interlocutors, are all conditioning factors for the arguments, theories, and doctrines presented by Plato. By this definition, it is clear that a characteristic of the perspectivist reading is its emphasis on the irreducible diversity of the dialogues and its refusal to assimilate them to one narrative, whether it be a developmentalist or unitarian one. In this aspect, perspectivism is close to the literary reading that analyses each dialogue in its singularity. However, the idea that each dialogue presents a particular and limited perspective on the truth, conditioned by its specific context, aim and characters is not incompatible with the idea that we should look for the philosophical unity underlying a plurality of literary expressions. This way, by suggesting that the dialogues present different perspectives on one truth and that the differences in its literary expression do not represent fundamental changes in Plato's philosophy, the 'perspectivist' reading has also an affinity to Unitarianism. Finally, perspectivism is close to Developmentalism in that it also recognizes different presentations of the same topic; the difference is that a perspectivist approach will methodologically look for an underlying unity in Plato's philosophy while the developmentalist will look for Plato's "last word" on the subject.

I will propose the methodological distinction between a synchronic and a diachronic analysis of Plato's dialogues within the broader context of a perspectivist reading in order to integrate important aspects of the three above mentioned approaches (Unitarianism, Developmentalism, and Isolationism). The synchronic analysis aims to do full justice to the literary and dramatic character of the dialogues, taking into account for the interpretation of arguments the circumstances and specific concerns of a particular dramatic scene. The diachronic analysis, on the other hand, aims to integrate each different formulation in search for the underlying unity or deep philosophical structure without losing sight that this unity cannot be captured by any unique, definitive formulation. The task of a philosophical interpretation is to work out what these two analyses have in common, and what they add to one another when brought together. I will exemplify the proposed methodology through the analysis of important arguments in Plato's dialogues.

JOSÉ ANTONIO GIMÉNEZ, Universidad de Los Andes, Chile, Assistant Professor

PLATO AND GADAMER ON PRACTICAL KNOWLEDGE

Summary: The ‘rehabilitation of practical philosophy’, a movement that took place in the ‘60s and ‘70s in Germany, revived the old dispute between Plato and Aristotle. According to the different incumbents of this debate, these philosophers differed fundamentally in the evaluation of the practical knowledge (praxis): while Aristotle would have correctly recognized the specificity of this issue in contrast to theoretical and technical knowledge, Plato would have reduced ethics and politics to a theoretical-technical knowledge. However, in this context, Hans-Georg Gadamer held a different opinion. For this author, if one understands correctly the Platonic ‘dialectics’, there is no real tension between them. The dialectical method – even in the sophisticated form of the late dialogues – must be actually understood as “the art of carrying on a conversation”, an art that – as we know it from the early dialogues – is not only based on an ethos, but also oriented to a practical goal, namely, “reaching a good life”.

This paper suggests that the Gadamerian defense of Plato’s ‘practical dialectics’ is right, even though it is not necessary to postulate that Plato’s thought has exclusively a practical orientation. By examining closely Gadamer’s interpretation, this text will show (i) what Gadamer grounds Plato’s praxis-oriented dialectics upon and (ii) how this conception concurs with Plato’s metaphysics, in order to finally argue that (iii) Plato’s defense of dialectics’ practical dimension does not automatically necessitate the elimination of his theoretical dimension.

JOHN A. DUDLEY, Université Catholique de Louvain, Research Fellow

PLATO’S CONCEPT OF CHANCE

Summary: From the earliest times the Greeks believed that fate and chance played an important part in human life. Divine fate (theia moira) means the idea of a lot assigned by divine decree, whereas divine chance (theia tyche) implies that that which appears to be chance is in reality godsent fortune. Plato was the first philosopher to integrate this concept of divine chance into philosophy. His view was later adopted by the Stoics, who

likewise understood it as part of divine fate. At a later period it became an important Christian view of chance. The notion that unexpected events are due to divine providence is still widespread at the present time.

It is also important and has not previously been recognised that Plato made use of a different concept of chance in the *Timaeus*, namely the non-divine, but necessary chance found in Heraclitus, Empedocles and Anaxagoras. The Demiurge cannot fully prevail over Necessity or matter, and the outcome is chance results, without order, which just happen. Likewise, prior to the intervention of the Demiurge matter did not participate in order except occasionally by chance. The chance formations that arose were, of course, also necessary, given the necessity in matter. Thus in the *Timaeus* Plato finds a place for non-divine necessary chance. In this way I hope to have contributed to an understanding of the nature and importance of Plato's concept of chance.

СТЕПАНОВА АННА СЕРГЕЕВНА, Российский
государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена, профессор, доктор филос. наук

ИДЕИ ПЛАТОНА И СТОИКОВ
В КОНЦЕПЦИИ У. ЦВИНГЛИ

Аннотация: Доклад посвящен сравнению идей У. Цвингли с ключевыми образами, идеями и понятиями Платона и стоиков.

Ключевые слова: Платон, стоики, Цицерон, природа человека, универсализм.

ANNA STEPANOVA, Herzen State Pedagogical University
of Russia, St Petersburg, Professor, DSc in Philosophy

IDEAS OF PLATO AND STOICS IN THE
CONCEPTION OF U. ZWINGLI

Summary: Thereport is devoted to comparison ideas U. Zwingli with principal images, ideas and notions of Plato and Stoics.

Keywords: Plato, stoics, Cicero, nature of man, universalism.

Ульрих Цвингли (1484–1531) был достаточно лоялен к античному наследию. Более того, античные авторы даже служили для Цвингли, так же как и для Эразма Роттердамского, авторитетом. Так, Эразм усматривал совпадение мудрости Христа с философией Цицерона, Сенеки и Платона как следствие божественного вдохновения. Цвингли рассуждает именно так, когда он утверждает, что «Изречения Платона и Сенеки суть божественные пророчества» и когда приводит в качестве примера Цицерона, слова которого о человеческом честолюбии и стремлении к славе «столь полно согласуются с воззрением Бога», именно потому, что «эти слова рождены божественной силой» (85) [Zvinglii Huldrychi. De vera et falsa religione commentarii. Zürich, 1525. 446 с. С. 40]. Такая идейная позиция была инспирирована идеалами итальянского гуманизма, усматривавшего тотальное действие бога в природе и в действиях людей. Как религия, так и философия проникнуты этим всеобъемлющим действием Божества. Можно усмотреть два античных источника данного универсалистского идеала — Платона и стоиков. Причем здесь сложно различить все тонкости взаимовлияния, ибо итальянский неоплатонизм, как источник мировоззрения Цвингли, исповедовал учение о незримом Логосе, — понятии, отсылающем к учению как Платона, так и стоиков.

Отдельную главу У. Цвингли посвящает человеку. Его идея о том, что в человеке сокрыты две природы — божественная и человеческая (79) напоминают нам рассуждения стоиков о двойственной природе человека. Также значимы слова Цвингли, касающиеся цитирования им античных авторов, прежде всего, Платона, изображающего Сократа человеком, презирающим славу: «Это, — поясняет Цвингли, — я цитирую для того, чтобы и последователи философов увидели людей насквозь» (88) [Zvinglii Op. Cit. Lib. I. С. 43].

Трактовка У. Цвингли Пасхи как воспоминания о милости Бога навеяна платоновским анамнесисом. От стоиков у Цвингли идея о дружественности Бога и человека: «он предвещает дружбу, тесную связь и общность» (113) [Zvinglii Op. Cit. Lib. I. С. 62]. Здесь же и рассуждения о том, что приобретенная вера «не находится в нашей воле» (то, что «не в нашей власти») (92) [Zvinglii Op. Cit. Lib. I. С. 49]. Благодаря влиянию идей Платона и, особенно,

стойков концепция У. Цвингли существенно дополняет вектор индивидуализирующего сознания человека Раннего Нового времени в сторону его объективации.

EUGENE AFONASIN, Novosibirsk State University;
Institute of philosophy and law RAS, Professor;
Chief Research Fellow, DSc in Philosophy

INTELLECTUAL TRANSFORMATIONS IN LATE
PLATONISM: SCIENCE AND RELIGION AT THE
CROSSROADS OF ARISTOTELIAN BIOLOGY,
HIPPOCRATIC MEDICINE AND PLATONIC THEURGY

Summary: In the main body of the paper, dedicated to the cult of Asclepius in Late Antiquity, we will, firstly, look at various kinds of evidence taken from the Neoplatonic philosophers. Having discussed first the principal philosophical interpretations of Asclepius found in Apuleius, Aelianus, Macrobius, Julian, Porphyry, Iamblichus, Proclus, Damascius, etc., we, secondly, turn to Proclus' attitude to Athena and Asclepius as reflected in Marinus' *Vita Procli*. The textual data are supported by archaeological evidence from the "House of Proclus" in Athens.

ALEXANDRE GONTCHAR, Harvard University,
Department of Slavic Languages & Literatures

SELF-CHOSEN DESTINY AND IMAGES OF THE
DIVIDED LINE: BETWEEN ALLEGORICAL
AND LITERAL INTERPRETATIONS
OF REINCARNATION IN THE MYTH OF ER

This paper offers an interpretation of one the fundamental themes in the story of Er that unites allegorical and literal approaches to it. The myth of Er has been seen as an ultimate vindication of justice, its major areas of interpretative difficulties recently summarized by Stephen Halliwell (2007). While reincarnation/metempsychosis is one the three major sections the myth comprises—the other two being eschatological judgement and cosmological necessity—in it, a reading of reincarnation as an allegory of the life of soul in this world, tied to the idea of a self-determining ethical agency, is most forcefully articulated.

The idea of personal responsibility for the “afterlife” of our judgments and actions as contributing to what we see as available under the aspects of past and future in our selves understood either as selves of self-understanding—intelligibility of the background practices always already forming a hierarchy of personal significance—or self-interpretation—reflective construction of one’s identity through a narrative interpretation of one’s life—is intelligible. Because salvation can only come from within—through a refined capacity to determine one’s ethical self by choosing between good and evil—philosophy, insofar as it aims at this refinement of one’s discriminative powers, is one of the ways to a life good, just, and happy.

To the allegorical reading of reincarnation is opposed a literal interpretation of it, stressing each soul’s prenatal choice of the external particulars of the life it selects, committing itself to ethically best life open to it. The idea of the entire weight of responsibility placed on the soul whose single act of choosing determines the entire course of life is equally intelligible, even if less likely, insofar as it does away with the idea of active responsibility for individual decision and episodes of life, to be embraced today as a dominant model of ethical agency.

Read the myth allegorically, gone is the tenet of the immortality of the soul, broken the intricate system of structural correspondences between the mythos and logos in the *Republic*. Read the myth literally and the determinism that results leaves no place for learning from one’s individual experience. And that Plato strategically defuses the mythos/logos dichotomy by creating in the *Republic* a dense allusive texture combining narrative strands from philosophy, science, religion, mysticism, poetry, historiography and visual art seems to make the task of an interpretation of the myth of Er that would reconcile literal and allegorical approaches nearly impossible.

My proposed solution to the dilemma is to first approach the *Republic* and the myth of Er from the point of view of multiple image analogies (Richard Patterson 1985) Plato uses to clarify the nature of Forms and their relations to worldly individuals. I will then turn my attention to how the *Republic*’s four-fold ontology is accommodated in its narrative web under different guises, ultimately appearing as the site of the post-mortem judgment with its two openings in each of the (sky/earth) division. I argue that reading the migration of the soul as associated with the reward/punishment as conditioned by the

multiple “afterlife” effects of various degrees of insight informing one’s situational judgement (spurious metonymic association via *eikasias*; arbitrary thingly association via *pistis*; probabilistic association via *dianoia*; grasping the ultimate situation cause via *noesis*) allows us to see Plato’s take on the conduct of life as a project of non-reactive self-mastery constitutive to which is individual experience featuring multiple instances of misidentification.

SATSUKI TASAKA, Rissho University, Japan, Professor

THE DEFINITION OF KNOWLEDGE AND THE THEORY OF FORMS

Summary: In recent years, regarding the *Theaetetus*, scholars have debated whether the so-called ‘middle period theory of Forms’ was indeed held or abandoned. In the *Republic*, written prior to the *Theaetetus*, knowledge was defined within the framework of the ‘middle period theory of Forms’, that is, the object of knowledge is ‘what is (being)’, while the object of belief is ‘what is and is not (being and not-being)’, which we use to describe perceptual objects. However, in the *Theaetetus*, which is said to be written either at the end of the middle period or the beginning of the later one, Plato could not differentiate knowledge from belief; thus, defining knowledge ends in failure without having explicit mention of the ‘middle period theory of Forms’. That is why the ending of the *Theaetetus* is strange compared to the *Republic*.

This is a serious problem concerning Plato’s theory of Forms from the middle period to the later one. In this article, I first survey recent interpretations of the *Theaetetus*. Secondly, I evaluate the Secret Doctrine in the *Theaetetus* from the texts. It reveals that the three theses in the first part of the *Theaetetus* are based on the Secret Doctrine that nothing is one being just by itself, thus opposing to Parmenides’ thesis. Therefore, I argue that Plato investigates the possibility of building a theory of knowledge based on the anti-Parmenideans’ theses. We must pay attention to the expression ‘one being just by itself’ which is used to refer to the Form as in the *Phaedo* and the *Symposium*, and the Secret Doctrine prohibits anyone from using it.

Then, I contend that this argument contains the same points of view that can be found in the *Theaetetus* by comparing the *Republic* V (474b3-480a13) with the *Theaetetus* (185a-186a).

In conclusion, the argument in the Republic V (474b3-480a13) begins and ends with the cognitive approach, and Plato's concerns in this respect continue on into the Theaetetus. Finally, I conclude that Plato does not discard the theory of Forms; he keeps the theory, which explains the relation between the Forms and perceptual objects, yet tries to brush up his theory by criticizing it from the viewpoint of Parmenides. Additionally, Plato considers the possibility of building a theory of knowledge without the presupposition of 'what is (being)', and he argues that there is no possibility of it in the *Theaetetus*.

KEZHOU LIU, Ludwig Maximilian University
of Munich, doctoral student

THE ONTOLOGICAL STATUS
OF DEMIURGE: AN ANCIENT DEBATE
AND CONTEMPORARY ECHOES

Summary: *Timaeus* is, fairly enough, one of the most influential Platonic texts in the ancient Platonic tradition. In this dialogue, Plato tells 'a probable story' (εἰκῶς λόγος or μῦθος) about how the divine craftsman, the Demiurge (δημιουργός), brings the visible universe into existence. Yet the ontological status of the Demiurge has been peculiarly resistant to interpretation ever since ancient times. The most obvious reason is that some passages in *Timaeus* appear to contradict each other. On the one hand, the Demiurge is said to impose order upon the material cause, the Necessity, and to turn chaos into the sensible cosmos by "always looking at" (βλέπων ἄει) the divine paradigm (*Tim.* 28a7); on the other hand, the Demiurge seems absent in Plato's sketch of ontological scheme, where only the paradigm, the sensible cosmos and the receptacle are mentioned (*Tim.* 50c7– d4).

This (at least apparent) contradiction brings us to the substantial divergence of two models: The Demiurge is either an independent principle besides formal cause (the paradigm) and material cause (the Necessity) or only a mythological symbol of the former, for the equivalence of the Demiurge and the Necessity is evidently impossible. Plato does not discuss in detail the relationship between the Demiurge and the paradigm, leaving a lot of room for discussion. Already touched upon in the Old Academy, this issue occupies a central position in Middle Platonism and Neoplatonism. Some Platonists tend to think

that the Demiurge is something other than (prior or posterior to) the paradigm (Atticus, Plutarch, Porphyry etc.). On the contrary, there is still a voice saying that the Demiurge is actually nothing else than the intellectual Paradigm, at least an aspect of it (Alcinous, Plotinus etc.). This ancient debate is the origin of almost all different interpretations of the Demiurge nowadays.

I will try in this paper to show, why the second model is preferable. At first, I will briefly depict (Section 1) Plato's own description of the Demiurge in *Timaeus* and the reception of this figure in the Old Academy. Then, I will proceed to (Section 2) two basic models of the ontological status of the Demiurge, particularly in Middle Platonism and Neoplatonism. After that, on the basis of Plato's text (not only *Timaeus* but also *Republic*, *Philebus* etc.), I will give explanations (Section 3) of why the second model is better than the first. Finally, in light of the contemporary discussion in Platonic studies, I will clarify (Section 4) why this interpretation could deepen our understanding of Plato's ontology in general.

ГОНЧАРКО ОКСАНА ЮРЬЕВНА, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербургский горный университет, доцент, канд. филос. наук

ПЛАТОНОВСКИЙ ДИАЛОГ XII ВЕКА В ВИЗАНТИИ*

Аннотация: В докладе предполагается представить диалог «Ксенедем, или Гласы» Феодора Продрома (1100–1170) вместе с некоторыми комментариями к его английскому переводу, а также историко-философским и логическим анализом его содержания.

Ключевые слова: платоновский диалог, византийская литература, логика в Византии, философия в Византии, Феодор Продром, «Ксенедем», «Введение» Порфирия.

OKSANA GONCHARKO, National Research University Higher School of Economics; St Petersburg Mining University, Associate Professor, CSc in Philosophy

12TH CENTURY PLATONIC DIALOGUE IN BYZANTIUM

Summary: This paper offers the presentation of the dialogue *Xenedemos, or Voices*, by Theodore Prodromos (c. 1100–1170), with

* This paper is part of the research project № 18-011-00207 funded by the Russian Foundation for Basic Research.

some comments on its English translation and some historical and logical analysis of its content.

Keywords: Platonic dialogue, Byzantine literature, Byzantine logic, Byzantine philosophy, Theodore Prodromos, the *Xenedemos*, Porphyry's *Isagoge*.

I attempt to represent the dialogue *Xenedemos, or Voices*, one of the most interesting examples of Byzantine dialogues, created in style and technique of platonic dialogue in 12th century Byzantium. This dialogue is dedicated to the analysis of the definitions of five voices from Porphyry's *Isagoge*. Prodromos seems to doubt not only Porphyry's definitions of Aristotle's predicables in this work, but also the very possibility of any definition either, and the very capacity to formulate such definitions. It is a curious fact that unlike the logical works of Aristotle, Plato's dialogues were not even a regular part of the standard Byzantine educational system. The *Xenedemos*, written in the prose dialogue form, demonstrates that its author is very well versed in Plato, and aware of Platonic language and style to use them in his own original work.

The way to discuss the definitions of Porphyry, used by Theodoros Prodromos, is to make a presentation of logical puzzles or paradoxes just to invite the reader to produce the outlines of their possible solutions. Theodoros Prodromos tries to implement predicabilia notions (genus, species, differentia, property and accident) to define themselves. Prodromos uses predicabilia as the autological words and terms, and attempts to apply the definition rules to define the predicabilia components of definition procedure. That's why the collocutors of the dialogue (*Xenedemos* and *Theokles*) drive to the controversial conclusions each time they try to apply the definition theory itself to define its primitive notions. The questions asked by protagonists of the dialogue may be reconstructed as follows: whether do exist the genera of genera; what are the species of species; does differentia differ from others kinds of differences; what is the property of property; and whether an accident is accidental itself or not?

Theodoros Prodromos is worth of insisting that he at the first time in the history of logic in Byzantium sets out the attempt to apply predicabilia notions to define themselves (i. e. as self-descriptive words). Just by formulating questions in *Xenedemos, or Voices* he expresses the self-referential character of the definition problem (whether we can

define the definition itself?) and applies almost all predicabilia notions within their own definitions. It should be noted that Theodoros Prodromos might have formulated Russell's paradox using the five "voices" of Porphyry. So this dialogue can be regarded as the text on the foundations of the logical theory of definition and on the foundations of logic in general. The further investigations of this good-humored scholarly text will allow for a better understanding of the development of logical studies in the 12th century, and also give further insight into the nature of the tendencies within the Byzantine intellectual circles of that period.

ERIC JAMES MORELLI, Point Loma Nazarene University, San Diego, CA

AN INVITATION TO INTERIORITY: PLATO AND THE ANCIENT PROBLEM OF RATIONAL OPINION

Summary: For many, Platonism is synonymous with a pronounced, even excessive, objectivity according to which objects and rules of knowing exist prior to, apart from, and, as it were, "outside of" the subjects who would know, employ, and instantiate them. Plato's alleged affirmation of *universalia a parte rei* earned him Aristotle's scorn. His alleged insistence on a duality in knowing, the distinction between knower and known, earned him Plotinus' approbation. Lately, many in the Anglo-American tradition have found in Plato much of the logical, conceptual, and linguistic analysis they favor and none of the psychological introspection and creative speculation of the earlier British and German tradition they have renounced. However, at critical junctures in the history of philosophy, even recently, thinkers have turned to Plato to effect a turn to the subject, interpreting him, first and foremost, not as a philosopher of objectivity or exteriority, but rather as a philosopher of subjectivity or interiority.

Plato is elusive. His works are multifaceted; difficult to interpret; and, it seems, impossible ever to pin down once and for all. The history of his reception reflects this. It is just as varied, a testament both to the hermeneutic challenge he poses and to the apparent boundlessness of the riches he has to offer anyone who would grapple with that challenge at all seriously. But, while some divergences in the history of the interpretation of Plato seem relatively minor, due to rather insignificant points of obscurity in Plato's works

or to idiosyncrasies of his interpreters, the discrepancy between objectivist and subjectivist readings of Plato seems, by its subject matter, its starkness, and the fact of its continual resurgence, fundamental. It seems to cut to the core of Plato's philosophy, what Plato understands as philosophy, and philosophy itself.

Is Plato a philosopher of interiority? What role did the interpretation of Plato play in later philosophers' turns to the subject? What did these later philosophers see in Plato? What might they have overlooked? And what, if anything, might Plato's ambiguous status in the history of philosophy as its premier objectivist and premier subjectivist reveal about the nature of the subject-object relation that has defined and driven philosophy to this day? To address these questions, I will examine the ways in which five philosophers turned to Plato to turn inward: Plotinus, Augustine, Schleiermacher, Kierkegaard, and Lonergan. Through these thinkers, Plato has played a consistently pivotal, inward-turning role in the history of philosophy. Each exposes different aspects of Plato's inwardness. Each points to a sort of subjectivity that is, not at odds with, but rather essential to objectivity; and Lonergan, with his notions of stages of meaning and differentiations of consciousness— notions he develops through reference to Plato— offers a way of explaining Plato's enduring appeal to philosophers of interiority as a consequence of the standpoint Plato attained by virtue of his position between and, therefore, in a sense, beyond the object-oriented worlds of common sense and theory.

ЛЕВИНА ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА, Национальный
исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Школа философии, доцент, канд. филос. наук

БОРЬБА С ИДЕАЛИЗМОМ В СОВЕТСКОЙ МАТЕМАТИКЕ: СЛУЧАЙ СОФЬИ ЯНОВСКОЙ

Аннотация: Софья Яновская рассматривалась в российской традиции с двух точек зрения: сначала как математик-идеолог и, позднее, как защитница чистой математики и логики в идеологизированной академической среде. Я рассмотрю ее роль в развитии идей аналитических философов, логиков и философов математики. Кроме того, необходимо выделить ее собственные размышления об абстрактном и конкретном, абстрагировании и практике в контексте марксистско-ленинской

идеологии. К настоящему дню аналитические философы не занимались наследием Софьи Яновской, но ее защита абстрактных объектов представляет интерес, так как показывает, как развивалось это направление. Настоящее исследование также вносит вклад в продвижение современного тренда по признанию роли женщин-философов в аналитической философии.

Ключевые слова: Софья Яновская, философия математики, идеализм, аналитическая философия, диалектика, абстракция.

TATIANA LEVINA, National Research University Higher School of Economics, School of Philosophy, Associate Professor, CSc in Philosophy

THE FIGHT AGAINST IDEALISM IN SOVIET MATHEMATICS: THE CASE OF SOFIA YANOVSKAYA

Summary: In the Russian tradition, Yanovskaya has been investigated from two different angles: as mathematician-ideologist and, later in life, as a defender of pure mathematics. I will examine her role in promoting the ideas of analytic philosophers as well as logicians and philosophers of mathematics. I will divide them from her own ideas about the abstract and concrete, abstractionism and practice. By now analytic philosophers outside of Russia have not read or studied Yanovskaya, but her defense of abstract objects is important for the understanding of how analytical philosophy has developed. This research will also contribute to the recent trend in analytic philosophy of valuing the role of female philosophers.

Keywords: Sofia Yanovskaya, philosophy of mathematics, analytical philosophy, idealism, dialectics, abstraction

In the Russian tradition, Yanovskaya has been investigated from two different angles: as mathematician-ideologist and, later in life, as a defender of pure mathematics. Many mathematician colleagues portrayed her as a historian or exegetical mathematician (Kushner, 1996), while I argue that she was an original philosopher of mathematics. I will examine her role in promoting the ideas of analytic philosophers as well as logicians and philosophers of mathematics. I will divide them from her own ideas about the abstract and concrete, abstractionism and practice. By now analytic philosophers outside of Russia have not read

or studied Yanovskaya, but her defense of abstract objects is important for the understanding of how analytical philosophy has developed. This research will also contribute to the recent trend in analytic philosophy of valuing the role of female philosophers.

Sofia Yanovskaya (1896–1966) is an example of dashing courage in philosophical logic and mathematics, where the representation of women is traditionally very small. Despite her role in the development of analytical philosophy and mathematical logic in the USSR being well acknowledged, Yanovskaya has not been honored in Russia as an outstanding figure. Sofia Yanovskaya, who was a Professor of Lomonosov Moscow State University made a significant contribution to the philosophy of mathematics in the USSR at the time of Marxist-Leninist ideology. The later period of her life was dedicated to the defense of mathematical logic and philosophy of mathematics from the bashing of dialectical materialism¹. In that time she used different strategies, including a dialectical one, to defend abstract objects and other conceptions of mathematical Platonism.

In his article “Reception of analytical philosophy in Russia” Dmitry Ivanov names Sofia Yanovskaya as the key figure in the development of analytical philosophy in the USSR when dialectical materialism raged. Educated as a “Red Professor”² she began with criticizing bourgeois types of thought, namely all forms of idealism, inculcating the ideology of the dialectic of Marxism-Leninism in the field of mathematics. But suddenly Yanovskaya reversed her strategy. In several articles of her late period she discusses the theories of Bertrand Russell, Rudolf Carnap, Kurt Gödel, and other analytical philosophers. In the conceptual form of her time, when she had to criticize bourgeois philosophy from the perspective of dialectical materialism, Yanovskaya speculated about universals, abstract objects, and the problem of existence in Quine and pure mathematics. Under her editorship the first book on the mathematical logic of Hilbert and Ackermann was published, as well

¹ Dialectical materialism is a philosophy of science and nature, based on the writings of Karl Marx and Friedrich Engels. The formulation of the Soviet version of dialectical and historical materialism in the 1930s by Joseph Stalin and his associates became the “official” Soviet interpretation of Marxism.

² The Institute of Red Professors of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) in Moscow 1921–1938.

as the volume “Can Machines Think” with an article by Alan Turing, “Meaning and Necessity” by Rudolf Carnap, and many others. Last year Prof. Vadim Vasilyev published his philosophical inquiry on where Ludwig Wittgenstein was during his travel to the USSR in 1935. Vasilyev understood that he surely was a guest of Sofia Yanovskaya in her home, in Moscow. Therefore Vasilyev identifies the kitchen in her communal flat as the place where analytic philosophy arose in the USSR. Professor Vasilyev hypothesizes that her talk with the analytical philosopher on pure logical problems overshadowed all her previous work in dialectical materialism and research on Hegel and Marx. Ludwig Wittgenstein even presented her with the two-volume works of Gottlob Frege, initiating the research by her students. The main idea of the late period of Yanovskaya’s professional development was the justification of the usage of abstract objects in philosophy, while dialectical materialists criticized abstractions³.

The main sources I will apply in my research are the papers of Sofia Yanovskaya, which were published originally in Soviet Marxist journals, and later, mathematical journals, as well as reprinted in the volume of her papers (1972) and recent volumes under the editorship of her former student Boris Biryukov. Although the literature on Sofia Yanovskaya is mostly in Russian, there are nevertheless several papers by Irving H. Anellis (1987, 1996) that discuss in detail the heritage of Yanovskaya and more broadly, the development of mathematical logic in the Soviet Union. Being interested in Yanovskaya’s philosophical development from dialectical materialism to mathematical logic and analytic philosophy, I have been impressed by the idea of Valentin Bazhanov (2001) to understand her challenge to idealism from the Communist Party-oriented philosophy. Bazhanov describes the main points of her papers, the memoirs of her disciples, etc., but her original ideas remain obscure. My main point is that her ideas on idealism, or Platonism, give us the perfect tool to understand how analytical philosophy developed in the Soviet Union. I will also use other sources on Yanovskaya, in which her meeting with Ludwig Wittgenstein is investigated. The most recent is the paper of Vadim Vasilyev (2017), as well as those of Moran (1972) and Shestakov (2003) although they are main sources on Wittgenstein. Vasilyev hypothesized that her talk

³In the article “The fight of materialism and idealism in mathematics” and others.

with Wittgenstein changed Yanovskaya's intellectual life, but there are no analyses of Yanovskaya's texts; he only mentions an overall impression of her late papers.

This work can only be done with some help from other disciplines. I would like to refer to Christopher Hollings's paper (2013) to reconstruct the practice of blaming idealism from the viewpoint of dialectical materialism. Bazhanov's book on the History of Logic in the USSR (2007) is also a good source for the context of the development of logic and analytical strategies in Russia. Last but not least, I would also like to take into account some books and papers about women in philosophy, such as several volumes on the history and theory of women in philosophy (Waithe, 1994) as well as papers on female founders of analytic philosophy (Janssen-Lauret, 2017).

LORENZO GIOVANNETTI, University of Roma
'Tor Vergata'; University of Sussex

TIME, KNOWLEDGE AND THE *TELOS*. JAAKKO HINTIKKA INTERPRETER OF PLATO

Summary: Jaakko Hintikka (1929–2015) was a leading philosopher whose work in logic, epistemology and semantics has had a wide influence. In addition, he was a fine interpreter of some of the major figures of the history of philosophy, e. g. Aristotle, Kant, and Wittgenstein. However, he also devoted some of his efforts, which have not been properly scrutinized by the critics, to Plato's work.

This paper deals with three articles of Hintikka's, namely *Knowledge and its Objects in Plato* (H1), *Plato on Knowing how, Knowing that, and Knowing what* (H2) and *Time, Truth and Knowledge in Ancient Greek Philosophy* (H3). The objective of the present paper is not just to survey the content of the three works, it also aims to understand in each case the core of Hintikka's articles and why it is worth taking into account today. To put it briefly, H1 and H2 converge in that they both appear to be an attempt to understand knowledge in relation to the concepts of *techne* and *telos*. Not only, Hintikka argues, are not 'doing' and 'making' clearly distinguished, but also the difference between process and outcome blurs. This view is labeled 'telic', and its epistemological and ontological implications will be considered in the paper.

H3 deals with a different order of problems because it looks into the peculiar link between time and linguistic truth. It must be said that it is mostly an interpretation of Aristotle, and yet what is argued there significantly sheds light on Plato as well. The main argument of the article is that for the Ancient Greek mind-set there can be eternal truths only insofar as they concern changeless objects. This entails that occasional sentences like 'it is raining' are, for instance, true today and false tomorrow, as what they are about varies, and then the theoretical option that today's sentence is one and tomorrow's sentence is another, even if they have the same linguistic form, is not considered at all. This core argument shows itself to be crucial to better understanding Plato's problematic horizon in matters of ontology and epistemology, as will be developed in the paper.

To conclude, focusing on these three works the present paper attempts to arouse interest both in this philosophical figure who was able to display considerable historical insightfulness and in his results, which turn out to be an important key to comprehending some aspects of Plato's philosophy.

References

J. Hintikka, *Knowledge and its Objects in Plato*, in J. M. E. Moravcsik (ed.), *Patterns in Plato's Thought*, Reidel Publishing Company, Dordrecht 1973, pp. 1-30.

J. Hintikka, *Plato on Knowing how, Knowing that, and Knowing what*, in *Knowledge and the Known*, The New Synthese Historical Library (Texts and Studies in the History of Philosophy), vol 11. Springer, Dordrecht 1991, pp. 331-49.

J. Hintikka, *Time, Truth, and Knowledge in Ancient Greek Philosophy*, «American Philosophical Quarterly», 4 (1967), pp. 1-14.

Гришков Игорь Владимирович, Санкт-Петербургский
горный университет, студент

ЗЕНОН, ПЛАТОН, АРИСТОТЕЛЬ И ПРИНЦИП НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЕЙ ГЕЙЗЕНБЕРГА

Аннотация: В докладе сравниваются подходы Парменида, Зенона, Платона и Аристотеля к роли парадоксов в мышлении. С помощью принципа неопределенностей Гейзенберга

предлагается показать, насколько их подходы релевантны современной физической теории.

Ключевые слова: Зенон, Парменид, Платон, Аристотель, парадоксы, физика, универсум, время, бесконечность, Гейзенберг, принцип неопределенности.

IGOR GRISHKOV, St Petersburg Mining University, student

ZENO, PLATO, ARISTOTLE AND HEISENBERG'S UNCERTAINTY PRINCIPLE

Summary: The report proposes to compare the approaches of Parmenides, Zeno, Plato and Aristotle to a paradoxes role as a thought method, and to show, using Heisenberg's uncertainty principle, whether their approaches are relevant in terms of modern physical theory.

Keywords: Zeno, Parmenides, Plato, Aristotle, paradoxes, physics, universe, time, infinity, Heisenberg, uncertainty principle.

Zeno of Elea, the Parmenides disciple, explained his teacher's ideas about being, creating paradoxes, or aporias, which expose the absurdity of our understanding of physical movement, using some mathematical argumentation.

However, if Parmenides distinguished between the Path of Truth (the method of axiomatic cognition) and the Path of Opinion (an empirical method of recording any experience including contradictory ones) in the poem *On Nature*, Zeno attempted to overcome this division by applying the mathematical method for analyzing movement experience. He demonstrated the non-triviality (aporiasis) of such a problem.

Later, in the dialogue *Parmenides*, Plato returned the Parmenides opposition between experience and thought, but not in a logical, but in a dialectical form. He accepted paradoxes as the cognitive method being not a dead end for thinking. Aristotle regenerated the Parmenides difference not dialectically, but in postulating some thought laws as the law of identity and the law of non-contradiction, excluding paradoxes as errors or sophistries. This is Aristotle's approach for solving Zeno's paradoxes.

Aristotle tried to solve *The Achilles and the tortoise* paradox in terms of infinite concepts: "Hence Zeno's argument makes a false

assumption in asserting that it is impossible for a thing to pass over or to come in contact with infinite things in a finite time... So while a thing in a finite time cannot come in contact with things quantitatively infinite, it can come in contact with things infinite in respect of divisibility: for in this sense the time itself is also infinite" [1]. However, this decision is not mathematically correct, as some contemporary mathematicians do insist. For example, David Bostock explains the error using the concepts of potential and actual infinity. Thus, "...ball's motion is certainly divided into infinitely many parts by the infinitely many points which mark the top of each bounce, and these must surely be admitted to have been actualized in the course of the bouncing. I conclude, then, that Aristotle does not after all have the right solution to Zeno's problem" [3].

In the terms of modern physics, it is also possible to offer a solution for paradox in finite quantities. According to the theory of particle-wave dualism that includes Heisenberg's uncertainty principle, each body has properties not only of a particle, but also of a wave. Thus, the momentum of Achilles (as well any other macrocosm object) is huge in comparison with the Planck constant. Therefore, the uncertainty of the position in space is extremely small, but it is finite. In the mathematical model of the paradox, the problem is hidden in ever decreasing segments of space. So, that sufficiently small distances that can be calculated, using the momentum of Achilles (his mass multiplied by velocity), the uncertainty in space will become larger, than the subsequent parts of space before the turtle. Thus, the wave properties of Achilles "catch up" with the turtle, covering the last segment, which cannot yet divide them. So, the sum of distances that Achilles must cross is finite (because the number of segments is finite until the moment, when the uncertainty in space becomes larger than the distance before the turtle).

Nevertheless, the fact that Zeno's paradoxes can be solved by modern physics, this decision just confirms what the pupil of Parmenides wanted to say. Any paradoxes solution ultimately leads to others, less obvious unsolvable postulates. In the case of Aristotle's solution the uncertainty of the theoretical concept of infinity and of the theoretical properties of infinite quantities appears on mathematical level. And the empirical uncertainty of the physical space between Achilles

and the tortoise turns up in the case of a modern paradox “solution” by Heisenberg’s uncertainty principle.

References

1. *Bostock D.* Aristotle, Zeno and the potential infinite // Proceedings of the Aristotelian Society 73, 1972. P. 37–53.

2. *Grishkov I. V.* Heisenberg’s Uncertainty Principle and Zeno’s Paradoxes // Экономический вектор, 2018. Специальный выпуск. Сборник статей к III Международной студенческой научно-практической конференции “Экономика и менеджмент” [Ekonomicheskij Vector. Special Volume. The 3d International Conference for Students “Economics and Management”], 2-3 April, 2018. P. 105–108.

3. *Hilbert D., Bernays P.* Foundations of Mathematics Vol. 1, 1934.

НОВОВИЦЫН ОЛЕГ МИХАЙЛОВИЧ, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии, доцент, канд. филос. наук

ДВА СПОСОБА ОПРОВЕРЖЕНИЯ МОРАЛИ У ПЛАТОНА

Платон знает онтологическое благо. По-видимому, по смыслу тождественное единому. Поэтому он упрекает Анаксагора, который обещает, но не может из разума объяснить, почему что-то должно быть именно круглым, а для чего-то наилучшим является тепло или холод и т. п. Что же касается нравственного добра, Платон отрицает его существование.

Взгляды Платона на возможность морали складываются в дискуссии со старшими софистами, которые утверждали, что боги даруют людям «стыд и правду». Следовательно, мораль оказывается сродни чувству, врожденному человеку. На это Платон выдвигает один, но достаточный аргумент: если бы мораль была врожденной, ей нельзя было бы научить; в действительности же мы обучаемся добру и злу (см. диалоги «Протагор», «Горгий»).

Затем Платон переходит ко второму соображению. Всякое занятие человека предметно. И научиться какому-либо делу значит освоить законы того предмета, на который оно направлено: научиться управлять конем можно только, зная законы коня;

управлять полисом можно только по законам общежития; играть в шашки значит познать законы игры и т. д. Поэтому управляет конем тот, кто является знатоком лошадей, а не знатоком морали; и в шашки играет тот, кто знает игру, а не добро и зло. У морали нет предмета, делает вывод Платон, поэтому она не существует. Мораль невозможна как врожденное чувство и не является следствием разума.

ЧЕРЕДНИКОВ ВАЛЕНТИН ИГОРЕВИЧ,
преподаватель, канд. филос. наук

ПЛАТОН В ВОСПРИЯТИИ АМЕРИКАНСКИХ РОМАНТИКОВ (ЭМЕРСОН, ПО, ТОРО)

Влияние Платона и неоплатоников было одним из определяющих для формирования философского базиса американского трансцендентализма. Лидер этого направления, Ральф Уолдо Эмерсон, писал в своей книге «Избранники человечества»: «Нигде и ни в ком не проявилась такая ширь и высота умозрения. Все, что писали, все, что обсуждали люди мыслящие, — все идет от Платона. Он страшный разрушитель последующих оригинальностей. Дойдя до него, мы достигаем горы, от которой отделились все вокруг разметанные скалы. Платон — это философия; а философия — Платон». Именно в платонизме находим мы истоки, к которым обращаются трансценденталисты США в своих размышлениях о Мировой Душе, Благе и “вечно расщепляющемся” Единстве. Символизм Платона (наряду с оккультной философией Сведенборга) послужил источником для теории соответствий, развиваемой Эмерсоном. Задолго до А. Н. Уайтхеда американский романтик полагал всё написанное и обсуждаемое “людьми мыслящими” идущим от Платона. К. Гилберт и Г. Кун в обширной «Истории эстетики» отмечают: «Чтобы связать прелесть и очарование обыденных явлений природы и человеческой жизни с космической идеей красоты, которая должна когда-либо открыться человеку, Эмерсон, вслед за своим учителем Платоном, прибегает к понятию лестницы, каждая ступенька которой символизирует собой новую ступень в эстетическом развитии человека». Эмерсон переосмысливает образ «лестницы Диотимы», полагая

её ступенями половую любовь, лишённую чувственности дружбу и, наконец, безличную универсальную любовь к Богу.

Огромно влияние на Эмерсона платиновского учения о Божественной эманации, равно как и платонической веры в единство Истины, Красоты и Блага. Слова Плотина послужили первым эпиграфом к программному сочинению «Природа»: «Природа — только образ, подражание мудрости, душе». О Прокле Эмерсон писал следующее: «Тот, кто читает Прокла, становится лучше... Прокл действует на меня, подобно опиуму. Он возбуждает воображение, и передо мной проплывают величественные и прекрасные образы богов и демонов». В «Природе» содержится скрытая цитата из Прокла: «Я становлюсь прозрачным глазом, я ничто, я вижу всё; токи Верховного существа проходят сквозь меня, я — частица Бога. Из Прокла Эмерсон воспринимает и идею о том, что всякое явление представляет собой смешение предельного и бесконечного. Наконец, из неоплатоников Эмерсон, а вслед за ним другие представители американского трансцендентализма (включая Генри Торо) выводят общую картину мироздания, включающую в себя Единое, Ум, Мировую Душу (у Эмерсона — Сверхдушу) и Космос (или Природу).

Отношение к платонизму такого противника трансцендентализма, как Эдгар Аллан По, исполнено противоречий. В его мировоззрении сильны сложно совместимые влияния атомистов (прежде всего, Эпикура) и гностицизма. К примеру, Бартон Леви Сент Арманд относит По к гностическим авторам. Однако Дана Уайльд оспаривает такую точку зрения, утверждая, что помещение в центр философских рассуждений Эдгара По (в частности, в его посвящённой истокам и будущему Вселенной «поэме в прозе» «Эврика») проблематики Единства далеко от гностицизма, акцентирующего жёсткую оппозицию духовного и материального измерений, и является в основе своей возвращением к Платону и неоплатоникам.

ТРОИЦКАЯ АННА АЛЕКСЕЕВНА, Санкт-Петербургский
государственный университет, Институт философии,
научный сотрудник, канд. искусствоведения

ТРОИЦКИЙ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, кандидат философских
наук, Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт философии, руководитель Центра изучения зон
культурного отчуждения и пограничья Социологического
института Российской Академии наук, канд. филос. наук

РЕЦЕПЦИЯ ПЛАТОНИЗМА В ФИЛОСОФИИ ИСКУССТВА Н. С. ВОЙТИНСКОЙ

Доклад построен на архивных материалах, прежде неизвестных широкой философской публике, написанных Надеждой Войтинской, самобытной петербургской исследовательницей, философом, переводчицей, писательницей, художницей, к сожалению, сейчас малоизвестной. В своей статье «Аристотелизм» и примыкающих к ней по времени записях Н. С. Войтинская показывает, что в основе изменений в искусстве лежат два подхода, сменяющие друг друга на протяжении истории: платонизм, подразумевающий не только учение Платона, и аристотелизм, не сводящийся к учению Аристотеля. Благодаря этому, далеко не бесспорному разделению, Н. С. Войтинской удастся выявить общие черты в таких различных явлениях, как эстетическое учение Аристотеля и барокко, найти связь между теорией Аристотеля и воззрениями Ницше. Войтинская отказывается при описании истории искусства от теории прогресса. В ее статье описывается аристотелевский метод регресса, основные категории, вводимые Платоном и Аристотелем в философию для раскрытия сущности искусства, а также прослеживается воплощение этих категорий в более поздних философских и эстетических теориях.

ТРУШИНА МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА, Санкт-Петербургский
государственный университет, Институт философии, аспирант

ПОКАЗАТЬ НЕПОКАЗУЕМОЕ: К ПРОБЛЕМАТИКЕ ВИЗУАЛЬНОГО В ПЛАТОНОВСКОМ КОРПУСЕ

Ключевые слова: визуализация, глаз, зрение, умозрение,
познание, восприятие.

MARIA TRUSHINA, St Petersburg State University,
Institute of Philosophy, PhD student

TO SHOW THE INVISIBLE: ON VISUALITY
IN THE PLATONIC CORPUS

Summary: The connection between vision and visibility for ancient Greeks is far more tight than for us. The ability to shine used to entail the ability to see. Sun not only endows us with the opportunity to see but also sees far beyond anyone else. Praxagora in *Assemblywomen* by Aristophanes addresses the lamp as a live witness of everything it lights — «λαμπρὸν ὄμμα». For centuries the theory of visual rays that an eye emits and therefore, “touching” things, sees them, was one of the most influential. Plato uses it showing the connection between eye and sun: the former sees for it is related to the latter; eye is sunlike. The same connection exists between the soul and the Form of Good. And those two create a mimetic ratio; however, this mimesis has nothing to do with faking, which Plato despises in artists: never did Demiurge try to trick anyone while creating the soul, sun and eye harmonizing with the Form of Good and each other. Therefore, there is nothing about vision itself which might have been condemned. Still, Plato shows the difficulties occurring each time interlocutors try to reach the realm of Forms through multiple visual images. And it’s only the momentary act of perception or inner visualization when something that was being pursued for so long instantly clears up. And happening due to both “inner” and “outer” eye’s effort this act harmonizes human being.

Keywords: visualization, eye, vision, speculation, cognition, perception

Связь зрения и видимости для древних греков гораздо прочнее, чем для нас. Удивителен нам тезис, остававшийся одним из основных в теории зрения на протяжении веков и гласивший, что глаз наш видит в силу исходящих из него световых лучей, «ощупывающих» предметы. Платон многократно указывает на то, что зрение «солнцевидно», что глазу присуще нечто от светила, которое делает возможным усмотрение чего бы то ни было. Но верна и обратная связь: именно потому глаз подобен солнцу, что он видит. Начиная с Гомера, вещи светящиеся для греков — вещи

видящие. Гелиос не только освещает мир — он и видит дальше, чем кто бы то ни было. Праксагора в самом начале «Женщин в народном собрании» Аристофана обращается к светильнику как к «λαμπρὸν ὄμμα» — освещая, он и сам становится свидетелем всего, что зримо благодаря ему.

Для Платона пара «глаз телесный — солнце» изоморфна паре «душа — Благо»: отношение подобия присутствует и внутри каждой пары, и между ними. Ни одно из этих отношений, впрочем, не подпадает под многократное платоновское осуждение порочного мимесиса: ни одна из пар не выстроена по принципу подделки. Ни глаз не подделывается под солнце, ни солнце под Благо, ни душа под Благо же — ни глаз под «умные очи» души. Даже учитывая тот факт, что Демиург создавал солнце, душу и глаза не вполне независимо, а взирая на парадигму и выстраивая одно в гармоничной «прилаженности» к другому, перед ним не стояло той задачи, которая так возмущает Платона в живописцах: вдохновенно творя, он не пытался сделать подобие выглядящим более полным, чем оно есть; и эта его нравственная установка (если можно вообще применять эту категорию к безусловно благому Демиургу) делает по сути невозможным какое-либо принижение зрения и зримого.

Другое дело, что трудности прояснения сферы идей путем многочисленных апелляций к наглядным примерам очевидно не дают того результата, которого можно было бы от них ждать: «ловля» софиста как рыбака, охотника, торговца, борца наглядна, но ничего не проясняет (кроме того, что софист и есть тот, кого на чистую воду не выведешь). Сами по себе эти множественные парадигмы не дурны; их можно сравнить со спортивными тренировками: с одной стороны, они всегда сложнее, чем само соревнование, к которому они готовят — тяжело в учении, легко в бою; с другой — ни одна тренировка так и не становится соревнованием, но остается подготовительным этапом, который ничего не гарантирует в «момент икс». И Платон словно бы нагружает глаза и душу многочисленными тренировками — не геометр не входит в Академию, тот, кто легко не может визуализировать как конкретное, так и абстрактное (а, в действительности, опять же конкретное, ибо и геометры меряют не число, а землю, не абстрактный треугольник, а конкретный) не подступает

и к следующим ступеням. Но сам акт понимания, умозрения столь же прост, как и акт узрения: сколь угодно долго можно безрезультатно объяснять слепому от рождения, что есть цвет и свет, но, если он чудесным образом обретет зрение — он просто увидит. Одномоментно и без множественных раскладок бытия, а в одном простом акте схватывания, когда всё вдруг становится ясным. И именно для этого после всех восхождений и нагнетания умственного напряжения Платон дает уставшему путнику-ученику миф-сказку-картину, как бы позволяя одновременно соединить зрение и умозрение в акте интеллектуального созерцания, сопряженного с вполне чувственным образом, примиряя разные способности души и тела (а внутренняя борьба, как мы помним — один из главных поводов осудить ложные подражания в искусстве). Всё человеческое существо при этом гармонично схватывает тот умопостигаемый объект, который был его целью, целиком. Не через многочисленные сказуемые, много сообщающие о подлежащем, но всегда запаздывающие в отношении его целостности, а именно в этой самой целостности.

БАТРАКОВА ИРИНА АРКАДЬЕВНА, Северо-Западный
государственный медицинский университет
им. И. И. Мечникова, доцент, канд. филос. наук

РАЗВИТИЕ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ ИДЕИ В КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ ПОСЛЕ ПЛАТОНА

Ключевые слова: Платон, идея, бытие, мышление, всеобщее, определенность, интеллектуальная интуиция, диалектика идеи.

В выступлении рассматриваются основные вехи развития понятия *идея* в истории классической философии после Платона как по линии развития содержания, так и по форме мышления. Понятие *идея* вводится Платоном как попытка познания всеобщего содержания бытия в соответствующей ему всеобщей форме мышления. После выдвигения Парменидом понятия *бытия* главной проблемой для мысли стало объяснение отношения бытия мыслимого и чувственного, бытия всеобщего и особенного, разума и эмпирической видимости. В выступлении рассматривается критика Платоном абстракции бытия Парменида, постановка проблемы определенности идеи, всеобщего бытия,

сверхчувственного в отношении с небытием, чувственным, единичным. Платоновская диалектика идеи выступила как способ решения этой задачи («Парменид», «Софист», «Филеб»). Особенности идеи рассматриваются не абстрактно изолированно, а как выступающие в необходимой соотнесенности с иным, как единство противоположностей тождества и различия, предела и беспредельного, единого и многого. Высшая идея, само всеобщее, идея блага выступает как безусловное основание и высшая цель всего сущего, в познании — результат разумного диалектического восхождения по родам и видам, особым идеям. Идея блага обуславливает единство мысли и бытия, возможность мыслимого быть мыслимым («Государство»).

Аристотель продолжает начатое Платоном осмысление всеобщего единства, идеи, развивая такие определения как энтелехия и «мышление мышления». Стоики подвергают осмыслению всеобщее бытие посредством понятия логос и вводят понятие врожденной идеи. Скептики безусловное основание полагают в самосознании. Благодаря неоплатонизму идея Блага, «мышление мышления» развивается в интеллектуальный космос, имеющий диалектический генезис. Заданная Платоном задача нисхождения в разумном движении по родам и видам от идеи блага к чувственному получает здесь своё оформление. При этом идея, всеобщее бытие и единое приобретает необходимый момент своей определенности в качестве самосознания, познавательной деятельности, экстаза. Дуализм идеи и чувственного, абстрактно всеобщего и абстрактно единичного закрепляется в средневековой схоластике при мучительных поисках единства. Само царство особенного распадается на дуализм идеи и вещи, на субъективную и объективную идеи в Новое Время. Несомненной заслугой Декарта является возвращение к платоновско-августинской идее Блага, совершенной мыслящей субстанции, данной исключительно разуму как единство понятия и бытия, и выступающей в силу этого всеобщим основанием двух особенных идей, двух субстанций, *res cogitans* и *res extensio*. Благодаря Декарту выступил момент бесконечной субъективности и свободы мышления как необходимый момент определенности самой идеи, всеобщего. Трансцендентальный идеализм разрабатывал субъективную идею, или идею в форме субъективности, то есть

как трансцендентальную идею, и развил форму мышления, идеи до её всеобщности, в частности благодаря разработке понятия синтетического всеобщего у Канта и Фихте. Благодаря этому в своей натурфилософии Шеллинг приступил к разработке содержания идеи до её всеобщей определённости, до обнаружения абсолютного тождества субъективной и объективной идеи. Способ понимания идеи — интеллектуальная интуиция — оставался особенной формой мышления идеи как всеобщего содержания, начиная с Платона вплоть до Шеллинга, что было исторически оправдано по мере развитию самих формы и содержания идеи. Однако, уже для Шеллинга интеллектуальная интуиция выступила препятствием для развития определённости самого абсолютного тождества субъективной и объективной идеи и понимания их генезиса. Поэтому огромной заслугой Гегеля является раскрытие определённости идеи как субстанции-субъекта, как абсолютной идеи, являющейся вечным процессом конкретного всеобщего единства противоположностей бытия и мышления благодаря развитию им положительно-разумного способа мышления, диалектики всеобщей отрицательности. В этом смысле всеобщая диалектика идеи Гегеля является достойным завершением процесса развития определённости всеобщего бытия, идеи, начатого Платоном и Аристотелем.

IRINA VATRAKOVA, North-Western State Medical University named after I. I. Mechnikov, Associate Professor, CSc in Philosophy

THE DEFINITION OF IDEA DEVELOPED IN POST-PLATONIC CLASSIC PHILOSOPHY

Keywords: Plato, idea, being, thinking, universal, definiteness, intellectual intuition, dialectic of idea

The presentation examines the main milestones in the development of the concept of an idea in the history of classical philosophy after Plato both in terms of the development of content and in the form of thinking. The concept of the idea is introduced by Plato as an attempt to cognize the universal content of being in the corresponding universal form of thinking. After the nomination of Parmenides for the notion of being, the main problem for thought was the explanation of the relation between the being of the conceivable and the sensible,

the existence of the universal and the special, the mind and empirical visibility. The presentation examines Plato's criticism of the abstraction of the existence of Parmenides, the statement of the problem of the certainty of the idea, of universal being, supersensible in relation to non-being, sensual, individual. The Platonic dialectic of the idea came out as a way of solving this problem (Parmenides, Sophist, and Phileb). Specific types of ideas are not viewed abstractly in isolation, but as speakers in the necessary correlation with the other, as the unity of opposites of identity and difference, limit and limitless, single and many. The highest idea, the most universal, the idea of the good, acts as the unconditional foundation and supreme goal of all that exists, in cognition is the result of a rational dialectical ascent through genera and species, special ideas. The idea of the good causes the unity of thought and being, the possibility of conceivable being conceivable (*Republic*).

Aristotle continues Plato's ongoing comprehension of universal unity, ideas, developing such definitions as entelechy and "thinking thinking." Stoics subject to comprehension the universal being by means of the concept of the Logos and introduces the concept of an innate idea. Skeptics are unconditionally grounded in self-awareness. Thanks to Neoplatonism, the idea of the Good, the "thinking of thinking" develops into an intellectual cosmos having a dialectic genesis. Defined by Plato, the task of descending in a reasonable movement through genera and species from the idea of the good to the sensual gets its decoration here. In this case, the idea, universal being and the unified becomes the necessary moment of its certainty as a self-consciousness, cognitive activity, ecstasy. The dualism of the idea and the sensual, abstractly universal and abstractly individual is consolidated in medieval scholasticism with the painful search for unity. The very kingdom of the particular is divided into a dualism of ideas and things, into subjective and objective ideas in the New Time. The undoubted merit of Descartes is the return to the Platonic-Augustinian idea of the Good, the perfect thinking substance given exclusively to reason as the unity of concept and being and therefore the universal basis of two special ideas, two substances, *res cogitans* and *res extensio*. Thanks to Descartes, a moment of endless subjectivity and freedom of thought emerged as a necessary moment of the definiteness of the idea, the universal. Transcendental idealism developed a subjective idea, or idea in the form of subjectivity,

that is, as a transcendental idea, and developed the form of thought, idea to its universality, in particular, through the development of the concept of a synthetic universal in Kant and Fichte. Because of this, in his natural philosophy, Schelling proceeded to develop the content of the idea to its universal definiteness, to the discovery of the absolute identity of the subjective and objective idea. The way of understanding the idea — intellectual intuition — remained a special form of thinking of the idea as a universal content, beginning with Plato to Schelling, which was historically justified in developing the very form and content of the idea. However, even for Schelling, intellectual intuition became an obstacle to the development of the definiteness of the absolute identity of the subjective and objective idea and an understanding of their genesis. Therefore, the great merit of Hegel is the unfolding of the definiteness of the idea as a substance-subject, as an absolute idea, which is the eternal process of the concrete universal unity of the opposites of being and thinking, due to the development of a positive-reasonable way of thinking, dialectics of universal negativity. In this sense, the general dialectic of Hegel's idea is a worthy completion of the process of development of the definiteness of the universal being, the idea begun by Plato and Aristotle.

НИКОНЕНКО СЕРГЕЙ ВИТАЛЬЕВИЧ, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии, профессор, доктор филос. наук

МИСТИЧЕСКИЙ ЛИ МИР? КОММЕНТАРИЙ
К ПОЛОЖЕНИЮ 515 С, Д «ГОСУДАРСТВА»
ПЛАТОНА И К ПОЛОЖЕНИЮ 6.44 «ЛОГИКО-
ФИЛОСОФСКОГО ТРАКТАТА» ВИТГЕНШТЕЙНА

В основе доклада лежит обсуждение философского тезиса, который мы называем Мистическим Аргументом о мире. Суть его заключается в том, что мир, взятый в своей сущности и как целое, непостижим для естественной рациональности и требует особого мистического опыта.

В «Мифе о пещере» Платон учит о том, что, если с человека снимут оковы неразумия и обратят к свету истины, то ему будет «мучительно» видеть истинное бытие. В положении «Трактата» Витгенштейн пишет, в сущности, о том же самом:

мир, взятый как бытие, непостижим и не может быть предметом высказывания.

При сопоставлении двух версий Мистического Аргумента предлагаются следующие тезисы:

1. Мир в своей сущности есть бытие.
2. Мир в своей сущности скрыт для обыденного рассудка.
3. Мир как бытие может восприниматься в особом мистическом опыте.
4. Мистический опыт восприятия мира крайне затруднительно выразить как с точки зрения понятия, так и с точки зрения языка.
5. Разумны существенные ограничения, которые субъект накладывает на себя при высказываниях о мироздании.
6. Вопрос об определении космологической сути бытия лежит вне компетенции нашего сознания.
7. Из мистического аргумента относительно сути и познания мироздания можно сделать как скептические, так и религиозные выводы.
8. При всех различиях своих воззрений Платон и Витгенштейн оставляют теоретическую возможность метафизического познания бытия.
9. Мир как целое не есть ни идея, ни факт.
10. Мир есть мир и такой, какой он есть.

SERGEY NIKONENKO, St Petersburg State University,
Institute of Philosophy, Professor, DSc in Philosophy

WHETHER THE WORLD IS MYSTICAL? THE
COMMENTS TO PLATO'S *THE REPUBLIC* (515 c,
d) AND WITTGENSTEIN'S *TRACTATUS* (6.44)

The matter of the speech is to discuss the assertion on the world that we call Mystical Argument of being (the world taken as the whole is unknowable for rationality: and we need the mystical experience for grasping its essence).

Plato teaches in his "The Myth about Grave" that it is a torture for any man to watch the light of high truth. Wittgenstein asserts that the world itself cannot be a matter of any possible proposition.

There are any points to be proposed here:

1. The essence of the world is being.
2. The essence of the world is unknowable for an ordinary reason.
3. The world needs the special mystical experience.
4. The Mystical experience of the world is difficult to express whether in concepts or words.
5. It is reasonable for any man to restrict himself in any proposition on being.
6. The essence of the world is not a competence of our consciousness.
7. There are two possible conclusions from Mystical Argument: a). Skeptical; b). Religious.
8. Plato and Wittgenstein (irrespective of all the difference in theoretical presumptions) think that the knowledge of the world is possible for metaphysics.
9. The world as the whole is not an idea or a fact.
10. The world is the world and not another thing.

ДОРОФЕЕВ ДАНИИЛ ЮРЬЕВИЧ, Санкт-Петербургский горный университет, Северо-Западный государственный медицинский университет им. И. И. Мечникова, профессор, доктор филос. наук

ВИЗУАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ
в АФИНАХ И ВЕНЕЦИИ: ПЛАТОН,
ТОМАС МАНН И ФЕНОМЕНОЛОГИЯ*

Ключевые слова: Платон, Т. Манн, «Смерть в Венеции», визуальная коммуникация, образ, умозрение, эстетическое восприятие, теория идей, феноменологическое созерцание.

Основу выступления составляет анализ повести Томаса Манна «Смерть в Венеции» (*Der Tod in Venidig*, 1912), написание которой, как известно, немецкого писателя вдохновила прежде всего эротическая философия платоновского «Пира». Однако на этот раз в центре рассмотрения будет находиться не она, а специфика визуальной межличностной коммуникации, фундированная

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-511-00015Бел_а «Антропологические и аргументологические основания межкультурной коммуникации и диалога культур».

установкой на созерцание красоты, воплощенной в подростке Тадзио, который сам выступает медиумом красоты как таковой, а значит и истины (ведь по Платону красота — чувственное явление истины). Подобное созерцание определяется не эротической установкой на обладание телом (что отличает пошлого Эрота, по классификации Павсания, второго выступающего в «Пире»), а эстетической, характеризуемой Кантом как «незаинтересованное удовольствие». Но если у Канта эта характеристика относится к суждению, т. е. языковой форме, то у Платона и Т. Манна — к чистому созерцанию, к чистой визуальной коммуникации, способной обходиться и без вербальной составляющей. Такая коммуникация если и причастна Эроту, то особому, созерцательно-эстетическому, бескорыстному, и такая любовь не нуждается во взаимности (о чем писал еще Гете), а если ее и предполагает, на что намекает в своем сочинении Т. Манн, то опять-таки созерцательную, на уровне взглядов. Герои «Смерти в Венеции», писатель Ашенбах и юный Тадзио, не разговаривают друг с другом, но их отношения осуществляются предельно активно, насыщенно и лично исключительно на уровне визуального общения. Так встает фундаментальная проблема соотношения человеческого образа и слова в визуальной коммуникации, которая является одной из ключевых в антропологической эстетике.

Подобный анализ обращает выступающего пересмотреть теорию идей афинского философа Платона. В Древней Греции в целом и в Афинах IV в. до н. э. в частности миро-воззрение, т. е. картина мира отличалась ярко выраженным визуально-пластическим колоритом. Эта особенность не могла не сказаться и на теории идей, которые ошибочно понимать как некую интеллектуальную абстракцию. Несмотря на выразительно заявленное у Платона различие идей и материальных чувственно воспринимаемых предметов, первые с полным правом могут быть поняты как феномены, доступные конкретному умо-зрению, созерцанию разума. Идея предстает как интеллигибельный образ, ноэма, имеющая свою, преображенную разумом визуальную (а также, возможно, и других чувств) составляющую. Все это сближает теорию идей Платона и концепцию мюнхенских феноменологов (М. Шелер, М. Гейгер), заявивших фундаментальное родство феноменологии — а значит и платоновской теории идей — и эстетики, феноменологического

познания и интуитивного созерцания. Причем эстетику здесь следует понимать не только в предельно расширенном виде, как делает это А. Ф. Лосев, но и в более конкретной кантовской перспективе, как восприятие прекрасного. Идея и есть эстетически созерцаемый разумом (или другой интуитивной способностью) феномен интеллигибельной красоты, имеющей свою, независимую от чувственной, визуально-пластическую определенность, восприятие которой отнюдь не обязательно требует обращения к языку (что особо подчеркивал М. Шелер), хотя и находится с ним в глубинной связи.

DANIIL DROFEEV, St Petersburg Mining University;
North-Western State Medical University named after I. I.
Mechnikov, Professor, DSc in Philosophy, Professor

VISUAL COMMUNICATION IN ATHENS AND VENICE:
PLATO, THOMAS MANN AND PHENOMENOLOGY

Keywords: Plato, Thomas Mann, “The Death in Venice”, visual communication, image, intellectual intuition, aesthetical perception, theory of idea, phenomenological intuition.

The basis of the presentation is an analysis of Thomas Mann’s “Death in Venice”(Der Tod in Venidig, 1912) which, as we know, was inspired primarily by the erotic philosophy of the Platonic “*Symposion*”. However, now in the focus of consideration will be not it, but the specificity of visual interpersonal communication, grounded in an attitude toward contemplation (intuition) of beauty embodied in a teenager Tadzio who himself acts as a medium of beauty as such, and therefore truths, *veritas* (according to Plato, beauty is a sensual phenomenon of truth) . Such contemplation is not determined by the erotic attitude toward the possession of the body (which distinguishes the vulgar Eros, according to the classification of Pausanias, the second speaker in “*Symposion*“), but the aesthetic, characterized by Kant as “uninteresting pleasure.” But if Kant has this characteristic of judgment, that is, language form, then Plato and T. Mann — to pure contemplation, to pure visual communication, able to do without the verbal component. Such communication, if it is involved in the Eros, is special, contemplative-aesthetic, disinterested, and such love does not need reciprocity (as Goethe wrote about it), and if it is suggested by what T. Mann hints

at in his composition, still contemplative, at the level of views. The heroes of “Death in Venice,” writer Aschenbach and young Tadzio, do not talk to each other, but their relationship is realized extremely active, intensive and personal at the level of visual communication. This raises the fundamental problem of the correlation between the human image and the word in visual communication, which is one of the most important to anthropological aesthetics.

This analysis draws the speaker to revise the theory of the ideas of the Athenian philosopher Plato. In ancient Greece in general and in Athens IV century BC. in particular, the world-view, the picture of the world was marked by a pronounced visual-plastic color. This cultural specific was determined Plato’s theory of ideas, which is mistakenly understood as an intellectual abstraction. In spite of Plato’s expressively declared difference of ideas and material sensible objects, the former can rightly be understood as phenomena accessible to concrete insight, contemplation of the mind. The idea appears as an intelligible image, a noema having its own, transformed by the mind of the visual (and also, perhaps, other senses) component. All this brings together the theory of Plato’s ideas and the concept of Munich phenomenologists (M. Scheler, M. Geiger), who declared the fundamental relationship of phenomenology — and the Platonic theory of ideas — and aesthetics, phenomenological cognition and intuition. And aesthetics should be understood here not only in the most expanded form, as A. F. Losev does, but also in a more concrete Kantian perspective, as the perception of the beautiful. The idea is a phenomenon of intelligible beauty, aesthetically contemplated by reason (or other intuitive ability), having its own, independent of sensory, visual-plastic certainty, whose perception does not necessarily require an appeal to language (which was emphasized by M. Scheler), although it is with him in a deep connection.

Синицын Александр Александрович, Русская христианская гуманитарная академия; Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии, доцент, канд. историч. наук

СОВЕТСКИЙ СОКРАТ: АНТИЧНЫЙ МУДРЕЦ
И ПОРОКИ КАПИТАЛИЗМА В ФИЛЬМЕ
ГЕОРГИЯ ШУКИНА «РАЙСКИЕ ЯБЛОЧКИ»

Ключевые слова: Сократ, Платон, древнегреческий философ, кинематограф, пропаганда, политический памфлет, Г. Шукин, «Райские яблочки», М. Ларни, «Сократ в Хельсинки», Р. Росселлини, СССР, западная демократия, социализм vs капитализм, наш мудрец.

Образ афинского мыслителя Сократа, занятого поисками истины, добродушного ироничного спорщика, неустанно задающего свои странные вопросы, мудрого наставника, научающего юношей добродетели, и непреклонного борца за справедливость, — это образ героя-философа на все времена. Сократ, каким он изображен в диалогах благодарных учеников Платона и Ксенофонта, стал не просто легендой, а суперлегендой, быть может, одной из самых интересных и загадочных фигур древности. Из античных и всех мировых деятелей культуры и политики, по популярности и востребованности с Сократом сопоставим разве что его старший современник, политик Перикл, прославленный афинский «Олимпиец», да и то, пожалуй, что лишь отчасти. В течение двадцати пяти веков происходила борьба за «нашего» Сократа — актуализированного различными идеологиями в разные эпохи. Это было и в Средние века, и в Новое время, но особенно показательно проявилось в последнем столетии. И здесь, конечно, немаловажную роль сыграл кинематограф.

В 1974 году на экраны советских кинотеатров вышел художественный фильм Георгия Шукина «Райские яблочки» («Мосфильм», 1973). Фильм был снят по мотивам рассказа известного финского писателя Мартти Ларни «Сократ в Хельсинки». Действие в картине перенесено из столицы Финляндии в Грецию, поближе к родине исторического Сократа, но не в «школу Эллады», Афины, а в условную Лаконию (но все надписи — афиши, рекламы, тексты газет, названия улиц, салонов, магазинов и проч. — даны в «Яблочках» не на греческом, а на английском языке). Жанр картины сами

авторы определили как сатирическая трагикомедия. В «Райских яблочках» изображен собирательный капиталистический «рай», с его всевозможными изъянами. В фильме Г. Б. Шукина Сократ показан на советский лад, он совесть эпохи, *наш герой*, обличающий всевозможные пороки капитализма (проститутки и конкурсы красоты, алчность и двуличие министров, несправедливость полиции, разгон демонстрантов, джаз, рок, танцы в клубах, всевозможные развлекательные шоу и прочие язвы общества, неприемлемые для человека советской системы).

При обсуждении фильма «Райские яблочки» обращается внимание на два аспекта.

Первый: на рубеже 1960–1970-х гг. в СССР наблюдается возрастание интереса к Платону, платоновским темам, понятиям и героям, в частности, к Сократу (причем, интерес не только научный, в среде историков-антиковедов, философов, филологов-классиков). Показателем этого является осуществленный в 1968–1972 гг. грандиозный проект по академическому изданию сочинений Платона в трех томах (четырёх книгах); выход в 1969 г. второго тома «Истории античной эстетики» А. Ф. Лосева, посвященный классической эпохе: софисты, Сократ, Платон; статьи и монографии Ф. Х. Кессиди, В. Ф. Асмуса, В. С. Нерсисянца, И. Д. Рожанского и др. ученых; появилась пьеса Э. Разинского «Беседы с Сократом», которая ставилась в театрах Советского Союза в 70-е гг.; в 1968 г. был опубликован русский перевод «Сократа в Хельсинки» М. Ларни и многое др. Можно сказать, что в эту пору наблюдается утверждение *наших* героев-мыслителей — «советского» Сократа и «советского» Платона. Наверное, можно согласиться с нынешними российскими «либералами» и «демократами», что в ту пору в экономике СССР зрел «застой». Но следует признать, что в культурном аспекте это был Ренессанс отечественного платоноведения и актуализации сократовской темы — и в науке, и в искусстве.

Второй аспект заключается в следующем. Это были годы напряженного противостояния между социалистической и капиталистической системами. Мир находился в состоянии Холодной войны, между двумя ведущими сверхдержавами шла борьба за Космос, за Луну, продолжалась гонка вооружений, идеологическая борьба, соперничество двух систем за сферы влияния

в странах третьего мира... Мы можем сказать, что в определенном смысле шла борьба и за Сократа, и за Платона. В понятиях советской идеологии образ Сократа был чужд капиталистическому миру, и сам этот алчный, лживый, прогнивший в развлечениях мирок «райских яблочек», не может быть близок Сократу. В 1971 г. на Западе вышел фильм «Сократ» прославленного итальянского режиссера Р. Росселлини. Принимая во внимание популярный (исходно — ленинский) лозунг «догнать и перегнать развитые капиталистические страны», ставший в те годы политическим клише, СССР нужен был *свой* Сократ — мудрец, учитель, борец за справедливость, пацифист, антимилитарист, противник полицейского бесчинства и европейской демократии на новый лад. Сатирическая трагикомедия Г. Б. Щукина была своего рода «нашим ответом Чемберлену». Во всяком случае, так это видится теперь, спустя почти полвека. Но «Яблочки» получились чересчур пропагандистской картиной, нацеленной на идеологическое воздействие, и она уступала в художественности росселлиниевскому фильму о Сократе.

Впрочем, надо признать, что в чем-то создатели советской сатирической трагикомедии о Сократе были правы... И ныне, когда мы оказались в «капиталистическом раю», эта щукинская трагикомедия воспринимается как притча. И нынешней эпохе как никогда нужен свой Сократ.

ALEKSANDER SINITSYN, Russian Christian Academy for the Humanities; St Petersburg State University, Institute of Philosophy, Associate Professor, CSc in History

THE SOVIET SOCRATES: THE ANCIENT SAGE
AND THE VICES OF CAPITALISM IN GEORGY
SHCHUKIN'S FILM *THE PARADISE APPLES*

Keywords: Socrates, Plato, Ancient Greek philosopher, cinema, propaganda, political pamphlet, Georgy Shchukin, *The Paradise Apples*, Martti Larni, *Socrates in Helsinki*, R. Rossellini, USSR, Western democracy, socialism vs capitalism, our wise man.

The character of Socrates, the Athenian thinker forever searching for truth, a kindly, ironic debater with his endless queer questions, a wise tutor instilling virtues in his young charges, and a staunch advocate

of justice is an image of a hero philosopher for years to come. Socrates, as he appears in the exchanges between his grateful disciples, Plato and Xenophon, has outgrown a mere legend to become something greater, perchance one of the most interesting and enigmatic figures of the ancient times. There is hardly anyone, if at all, in the realm of culture and politics from the ancient times onwards to match Socrates in popularity and demand except perhaps Pericles, the celebrated Athenian “Olympian” statesman, his older contemporary. The fight for ‘our’ Socrates instigated by ideologists has been on for twenty five centuries. It happened in the Middle Ages and in the Modern Age, but it was especially impactful in the last century. Last but not least, cinematograph proved highly instrumental here.

In 1974, Georgy Shchukin released his feature film *The Paradise Apples* (“Mosfilm”, 1973) to be shown in the Soviet cinema houses. The film was loosely based on the story entitled *Socrates in Helsinki* by a Finnish writer, Martti Larni. The setting of *The Paradise Apples* is relocated from the Finnish capital to Greece, closer to the homeland of the historical Socrates, yet not to the School of Hellas, Athens, but to a factitious Laconia (though all names and signs — billboards, advertisements, newspaper texts, names of streets, salons, shops, *etc.* — are given in English, not in Greek). The authors themselves defined the genre of the motion picture as a satirical dramedy. *The Paradise Apples* shows a generalized character of the capitalist ‘paradise’, with all its variegated flaws. G. B. Shchukin’s picture represents Socrates in the Soviet style — he is the conscience of the Age and *our hero* condemning the vices of capitalism (prostitutes and beauty competitions, avarice and duplicity of ministers, injustice of the police, crackdown on demonstrations, jazz, rock, club dancing, entertainment shows and other sores of society, unacceptable for the people of the Soviet regime).

The discussion of *The Paradise Apples* highlights two aspects. The first one: at the turn of the 1970s the interest in Plato, the Plato themes, notions and heroes, in particular, Socrates, is on the rise (and not only among the historians of Antiquity and scholars). Indicative of this was the monumental project of the academic edition of Plato’s works in three volumes (four books) published in 1968–1972 and the second volume of A. F. Losev’s *History of Ancient Aesthetics* devoted to the classical age: Sophists, Socrates, Plato. F. Kh. Kessidi, V. F. Asmus, V. S.

Nersesyants, I. D. Rozhansky and others had their articles and monographs published. Edvard Radzinsky wrote a play *Talks with Socrates*, which was put on the stage and was on at Soviet theatres throughout the 1970s; in 1968 M. Larni's *Socrates in Helsinki* was translated into Russian *et al.* One may say that this epoch saw the consolidation of the "Soviet" Socrates and "Soviet" Plato.

The second aspect may well be outlined as follows: Shchukin's film was "our answer to Chamberlain". In 1971 Roberto Rossellini, the renowned Italian director, made a film *Socrates*. The leading superpowers were engaged in the struggle for the outer space, the Moon; the arms race, the ideological war and the rivalry of the two systems for spheres of influence in third world countries were underway... Likewise, Socrates was a coveted object of war, for Socrates, alien to the capitalist world, *our* Socrates could not possibly feel for the avid, mendacious, rotten in amusements, the world of *The Paradise Apples*. At least, this is how it looks in hindsight, almost half a century later.

And in large measure the authors of this satiric dramedy were right...

ТАНТЛЕВСКИЙ ИГОРЬ РОМАНОВИЧ, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии, зав. кафедрой еврейской культуры, профессор, доктор филос. наук,

ДВИЖЕТСЯ ЛИ ДУША? СОПОСТАВЛЕНИЕ
ОТДЕЛЬНЫХ РЕЛЕВАНТНЫХ ВОЗЗРЕНИЙ

ПЛАТОНА И АРИСТОТЕЛЯ НА ДУШУ ЧЕЛОВЕКА*

Аннотация: В своем сопоставлении отдельных воззрений Платона и Аристотеля на душу человека И. Р. Тантлевский выявляет, в частности, ряд основных аспектов переосмысления и модификации Стагиритом концепции Платона об анамнесисе (см., напр.: Менон, 81d–e, Федон, 75a–e, Федр, 250a–d, Государство, X, 614b–621b), нашедшие отражение в дошедших до нас фрагментах, парафразах, реминисценциях его ранних произведений (прежде всего в диалоге «Евдем, или О душе»), засвидетельствованных у античных авторов.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 15-18-00062); Санкт-Петербургский государственный университет.

Рассматривается также имплицитная критика Аристотелем доктрины Платона о «самодвижении души». Так, по учению Платона, «душа» — «подобна» «божественному» (см., напр.: Федон, 80a–b; ср., напр.: Федр, 246a) и «движет саму себя» (ср., напр., определение «души» в «Законах», X, 896a: «Душа — это движение, способное двигать само себя»; ср. также: Федр, 245c–246a). Аристотель же не согласен с мнением о том, что «сама душа движется» (ср., напр.: О душе, I, 4, 408b.1–13); он также утверждал, что «началом движения в душе» является «бог» и что «божество в нас каким-то образом приводит в движение все» (Евдемова этика, VIII, 1248a.24–29).

IGOR TANTLEVSKIJ, St Petersburg State University,
Institute of Philosophy, Chairman of the Department
of Jewish Culture, Professor, DSc in Philosophy

IS THE SOUL MOVING? COMPARISON
OF SOME RELEVANT VIEWS OF PLATO
AND ARISTOTLE ON MAN'S SOUL

Summary: Comparing some relevant views of Plato and Aristotle on the human soul, I. R. Tantlevskij reveals, in particular, certain aspects of the reinterpretation and modification by Stagirite of the concept of Plato about the anamnesis (see, for example: Meno, 81d–e, Phaedo, 75a–e, Phaedrus, 250a–d, Republic, X, 614b–621b), reflected in surviving fragments, paraphrases, reminiscences of his early works (primarily in the dialogue “Eudemus, or On the Soul”), attested by ancient authors.

Aristotle's implicit criticism of the doctrine of Plato about the “self-movement of the soul” is also considered. Thus, according to Plato's teaching, the “soul” is “like” the “divine” (see, e. g.: Phaedo, 80a–b; cf., e. g., Phaedrus, 246a) and “moves itself” (cf., e. g., the definition of “soul” in the “Laws”, X, 896a: “The soul is a movement that can move itself”, cf. also: Phaedrus, 245c–246a). Aristotle does not agree with the opinion that “the soul itself is moving” (cf., e. g.: On the soul, I, 4, 408b.1–13); he also claimed that “the beginning of the movement in the soul” is “god” and that “the deity in us somehow sets everything in motion” (Eudemian Ethics, VIII, 1248a.24–29).

НЕШИТОВ ПЕТР ЮРЬЕВИЧ, Санкт-Петербургский
государственный университет телекоммуникаций им.
проф. М. А. Бонч-Бруевича, доцент, канд. филос. наук

ТРУДНЫЕ МЕСТА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО КОММЕНТАРИЯ К ПЛАТОНУ

Аннотация: Несмотря на то, что в школьной трактовке идеалистическая философия Платона и проникнутая духом контовского позитивизма социология представляются несовместимыми, в действительности социологию можно и следует понимать как комментарий к учению Платона об обществе и государстве. В настоящее время этот комментарий малоинформативен, что не отменяет необходимости продолжать его, руководствуясь принципами более основательной философии, чем позитивизм.

Ключевые слова: Платон, общество, Конт, социология.

Платон в распространенной школьной трактовке — идеалист. Идеалистично его учение о бытии вещей, идеалистично его учение о познании, идеалистично, среди прочего, его учение об обществе. Какого бы предмета ни коснулась мысль Платона, чувственная сторона этого предмета непременно обнаруживает свою противоречивость, несамостоятельность, бытийную и познавательную зависимость от сверхчувственной идеи. Оценивая действительную жизнь людей как неудовлетворительную, Платон усматривает идеал общественной жизни в государстве, построенном на основе справедливости. Под справедливостью он понимает такой порядок, при котором каждый человек занимает в обществе место, сообразное своим способностям, а именно, место ремесленника, стража или правителя. Поскольку существующие нравы враждебны становлению справедливого общества, оно является предметом умозрения, а не практических устремлений.

О. Конт в распространенной школьной трактовке — противник идеализма. Его позитивная философия противостоит метафизике в целом, равно религиозной и рационалистической, и метафизическому взгляду на общество в частности. Социальная физика Конта изучает явления общественной жизни, выясняя их ближайшие, доступные опытному познанию причины. По мысли создателя слова «социология», понимание конкретных причин общественных явлений должно послужить основой для

преобразования социальной действительности подобно тому, как постижение законов природы привело к техническому прогрессу. Другие классики социологии тоже более или менее последовательно равняются на теоретические и практические стандарты опытного знания и дистанцируются от идеализма как от малопродуктивного в научном плане мировоззрения.

За пределы школьной трактовки платоновского учения выходит определение А. Уайтхеда, согласно которому не только идеалистическая, а вся традиция европейского философствования представляет собой комментарий к Платону¹. Очертив круг принципиальных вопросов и предложив известные ответы, античный гений обратил последующие поколения мыслителей в своих сторонников или оппонентов. Кроме того, как минимум, в теории познания Платон избегает односторонности крайнего идеализма и отдает должное опыту: в «Пире» любовное влечение к телам служит необходимой предпосылкой совершенного познания, в «Государстве» созерцанию солнца истины предшествуют этапы привыкания к освещению разной интенсивности. Таким образом, в контексте определения Уайтхеда позитивная философия с ее социологическим пафосом оказывается одной из вариаций на темы Платона, достаточно вольной и полемически окрашенной.

Впрочем, при внимательном рассмотрении обнаруживается, что социология причастна платоновской традиции также благодаря собственному идеалистическому содержанию. Таковое, вопреки продекларированным намерениям Конта, присутствует в обоих разделах социальной физики — и в социальной статике, и в социальной динамике. В рамках социальной статике Конт описал социократию, т. е. такой порядок взаимодействия, при котором четыре общественных элемента (патриции, пролетарии, священники и женщины) ставят свой долг перед обществом выше частных интересов. Например, патрициям, руководящим экономикой, вменяется отношение к собственности как к обязанности, а не как к праву. Очевидно, подобное положение дел далеко отстоит от наличной социальной практики, зато перекликается с мыслью Платона о том, что правители правят не добровольно и что «для приступающих к правлению должно существовать

¹ Уайтхед А. Н. Приключения идей / Пер. с англ. Л. Б. Тумановой, предисл. С. С. Неретиной. — М., ИФРАН, 2009. — С. 18.

вознаграждение — деньги либо почет или же наказание для отказывающихся управлять»². В рамках социальной динамики Конт сформулировал закон трех стадий общественного развития. Существенным признаком нахождения общества на определенной стадии выступает образ мыслей, склонность людей объяснять явления ссылками на вмешательство сверхъестественных сил (теологическая стадия), на действие вечных вселенских законов (метафизическая стадия) или посредством указания конкретных причин для конкретных изменений (позитивная стадия). Конт связывает общественное развитие с развитием сознания, с идеальным уровнем бытия.

Таким образом, вне зависимости от намерений отдельных авторов идеальное содержание, принимая разные формы, неустранимо присутствует в построениях О. Конта, К. Маркса, Ф. Энгельса, Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, М. Вебера, их последователей и критиков. Безотносительно и подчас вопреки заявлениям исследователей социология представляет собой комментарий к платоновской теории общества. Понимание этого факта позволяет с высокой точки зрения оценить трудности, с которыми сталкиваются в своей работе социологи.

Во-первых, в социологии отсутствует ясное и отчетливое определение изучаемого предмета. Те исследователи, которые признают неудовлетворительность эмпирических определений общества, всегда частичных и случайных, для указания на предмет своей науки обычно прибегают к инженерной или органической метафоре. Общество предстает в виде конструкции (К. Маркс) или механизма (Л. Мамфорд), искусственно созданных и подлежащих усовершенствованию, либо в виде организма, обладающего собственной логикой развития (Г. Спенсер, Э. Дюркгейм). Преобразование метафоры в элемент развернутого понятийного аппарата помогает уточнить взаимосвязь частей внутри общественного целого, а также рассмотреть внешние границы социальной реальности, ее соотношение с другими областями бытия. Тем самым сила объясняющего действия метафоры зависит от потенциала философской системы, продолжением которой является социологическая концепция. Однако, несмотря на то, что

² Платон. Государство / Пер. с древнегреч. А. Н. Егунова. — М., Академический проект, 2015. — С. 56.

по видимости, исследователями общества освоены все основные философские подходы, включая высшие достижения немецкого идеализма, в действительности культура определения первых понятий в социологии носит характер софистической эрудиции. В отсутствие точного определения изучаемого предмета социологи лишены представления о полном числе и сравнительной значимости стоящих перед ними проблем.

Во-вторых, социология не имеет основательного метода получения знаний об изучаемом предмете. Активно применяемые наблюдение, эксперимент и моделирование, бесспорно, дают материал для суждений о количественной и качественной стороне явлений общественной жизни, а статистические таблицы, результаты опросов и экспериментов, схемы стратификации будят теоретическое вдохновение и служат основой для практических рекомендаций. Но, столь же бесспорно, за внушительными массивами цифр и графиков, составляющих гордость и своего рода охранную грамоту социологии, теряется то обстоятельство, что предмет и порядок научного исследования зависят от свойств понятийного аппарата. Социологи не считают нужным методично приводить в прочную и непротиворечивую взаимосвязь с остальными словами каждое слово, используемое для описания наблюдаемых явлений и тенденций, для составления анкетных вопросов, для разделения социального целого на страты. Избирательное внимание социологов к терминологии или полное пренебрежение ею рождают в требовательных умах законное недоверие к статистике, к соцопросам, к научности социологии в целом.

В-третьих, отсутствуют убедительные доказательства целесообразности социологических изысканий. Вначале социология притязала на то, чтобы объяснить социальный мир и преобразовать его. После того, как обнаружили себя сумасбродное прожектерство Конта и вдохновенный цинизм авторов «Манифеста коммунистической партии», обрекших гибели вместе с буржуазным строем понятия свободы и справедливости, среди социологов стало хорошим тоном воздерживаться от составления масштабных реформаторских программ. Следствием подобного воздержания, еще трудного для Дюркгейма и Вебера, явилась блаженная неспособность обществоведов иметь какие бы то ни было убеждения относительно наилучшего и желательного социального порядка.

Свободное от всякой нормативности, в том числе от нормативности, связанной с понятием истины, описание общественных структур и феноменов, интеракций и репрезентаций превратилось в занятие насколько безвредное, настолько же в научном плане бесполезное. Софистическим оправданием странного существования современной социологии служит ее приспособление к интересам власти и коммерции.

Если смысл комментария заключается в том, чтобы прояснить содержание основного текста, то существующий социологический комментарий к Платону следует признать слабым. В то же время, очевидно, что труд социологического комментирования может и должен быть плодотворно продолжен. Во-первых, созданный Платоном образ идеального общества не идеален, допускает усовершенствование; для этого требуется преодолеть позитивизм, ассимилировавший в рамках социологии все другие философские направления. Во-вторых, искусную диалектику Платона, как способ осмысления проблем общества, тоже возможно обогатить за счет способов эмпирического познания, согласных с основными понятиями. В-третьих, современная культура достаточно сильна, чтобы противопоставить платоновской печали по поводу общественной деградации не истеричный романтизм или самодовольное приспособленчество, а трезвую бодрость духа, взыскующего блага.

Итак, социологам будущего принадлежит завидная участь, осмысленно наследуя Платону, выработать внутренне динамичный идеал общества, укрепиться в сознании возвышенных целей своей науки и довести до тонкости практические рекомендации, составляемые на основе прочной теории.

КРАВЦОВ Илья ВАСИЛЬЕВИЧ, независимый
исследователь, предприниматель, канд. филос. наук

**СТРЕМЛЕНИЕ К МАТЕРИАЛЬНОМУ ИЗОБИЛИЮ
КАК ИДЕАЛИСТИЧНАЯ КОНЦЕПЦИЯ И АНТИТЕЗА
СПРАВЕДЛИВОСТИ В СОЧИНЕНИЯХ ПЛАТОНА**

Аннотация: В понимании Платона «богатство» (πλοῦτος)— это одно из благ (το ἀγαθόν) и его следует считать доблестью (ἀνδρεία). Однако, приоритет всегда должен оставаться

за интересами государства с одной стороны и интересами человеческой души с другой. Сегодня данные тезисы воспринимаются несколько оторванными от жизни и все попытки «практикующих» бизнесменов жить по этим принципам или не приводят ни к чему, или даже ведут к финансовому фиаско.

Ключевые слова: Платон, благо, богатство, справедливость, доблесть, материальность, духовность, экономика, бизнес.

ILYA KRAVTSOV, independent scholar, businessman, CSc in Philosophy

ASPIRATION TO MATERIAL WEALTH
AS AN IDEALISTIC CONCEPTION
AND AS AN ANTITHESIS TO THE
JUSTICE IN PLATO'S WRITINGS

Summary: In the understanding of Plato, “wealth” (πλοῦτος) is one of the common good (το ἀγαθόν) and it should be considered valor (ἀνδρεία). However, priority should always remain for the interests of the state on the one hand and the interests of the human soul on the other. Today, these theses are perceived as somewhat divorced from life and all attempts by “practicing” businessmen to live according to these principles either do not lead to anything, or even lead to a financial fiasco.

Keywords: Plato, the good, wealth, justice, virtue, the material, spirituality, economics, business.

ГОНЧАРОВ ИГОРЬ АНАТОЛЬЕВИЧ, Сыктывкарский
государственный университет им. Питирима Сорокина,
заведующий кафедрой политологии и международных
отношений, профессор, доктор филос. наук

МИФ О СМЕРТИ ФИЛОСОФА И НИСХОЖДЕНИИ
ДОБЛЕСТИ: ПРЕУВЕЛИЧЕНИЕ ИЛИ ПРОРОЧЕСТВО?

Аннотация: Образ философа у Платона интерпретируется П. Адо через параллель с Эротом. Эрот олицетворяет собой стремление к совершенству, но логика Платона по этой же причине лишает даймона и красоты и совершенства, поскольку стремится к чему-либо тот, кому этого не хватает.

Образ философа, а именно, Сократа является как бы земным воплощением Эрота, что проявляется, как показывает П. Адо, в знающем незнании Сократа. В свою очередь, Ксенофонт в своем Пире делает образ Сократа-Эрота более зримым, показывая, что из двух человек более прекрасен Сократ, нежели Критобул. Так, шутка Сократа о том что толстые губы прекраснее тонких, курносый нос красивее правильного, а глаза на выкате прекраснее глубоко посаженных, становится иллюстрацией к платоновскому Пире. Амбивалентность логики Платона заключается в том, что этот алгоритм разрушает не только прекрасное, но и совершенное, по крайней мере, человеческий образ красоты и совершенства.

Несколько в ином свете предстает перед нами образ философа в Гиероне Ксенофонта. Теперь это советчик тирана, развенчивающий то, что привлекательно для многих людей, а именно, совершенство, даруемое властью. То что советует Симонид Гиерону, можно назвать нисхождением тирании, что вполне укладывается в мягкий вариант критики, то есть критики ложных кумиров и предпочтений. В этом контексте в рамках известной полемики Л. Штрауса и А. Кожева формируется тезис А. Кожева от том, что с окончанием эпохи господства и рабства должна умереть и философия. Это можно понять как то, что Симонид становится ненужным, когда отпадает необходимость критики ложных ценностей, порожденных тиранией. Смерть господина одновременно является и смертью философа и философии.

Но если обратиться к тому варианту нисхождения, который предлагается Сократом, то здесь, как видно из вышесказанного, речь идет о нисхождении совершенства в целом, и нисхождении доблести в частности. То есть речь идет не о локальной критике господства как тирании, но о нисхождении человеческого достоинства к недостойнству, то есть к тому, что отчасти олицетворял сам Сократ, а в целом Антисфен с Диогеном.

В заключение можно поставить вопрос о том, какая из философий должна умереть. Если смертен Симонид, то смертен ли Сократ?

Ключевые слова: доблесть, смерть философии, амбивалентность логики Платона, тирания, нисхождение ценностей у Платона и Ксенофонта.

IGOR GONCHAROV, Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin, Head of Department of political science and international relationships, DSc in Philosophy, Professor

THE MYTH OF PHILOSOPHER'S DEATH AND THE
DESCENT OF VIRTUE: A HYPERBOLE OR A PROPHECY?

Summary: P. Hadot interprets the image of a philosopher by the compare it with the Eros. Eros is the form of embodiment of the human desire of the perfection. But the platonic logic by the same cause deprives the daemon perfection and beauty. That's because the all unfully being wish that things which it not possess. Socrates as a philosopher is the Earth incarnation of the Eros, that's why, by Hadot, he teaches about the learned ignorance. At the same time Xenofontes in his Feast performs Socrates as the daemons image and make it more visible by the interlude with Kritobules, where Socrates had argued that his bulging eyes, snub nose, and fat leaps more beautiful then the Kritobules eyes, nose and leaps. This interlude became the joke illustration of Plato's discourse. Plato's logic gives us the algorithm of ambivalence, wich destroyes not only the beauty, but all dignities which human beings possess.

We have another type of philosopher in Xenofontes Gieron. Here we see the advisor of the tyrant. Symonides criticize all attractive for many peoples values, which given by power. Symonides advices could be defined as the descent value of the tyrannical power. This is the soft critic of the human perfection. In this context in the Kozhev and Straus polemic, Kozhev makes the conclusion that philosopher and philosophy must die at the end of the epoch of the domination and slavery. Symonides became needless when descent of the values of the tyranny became out of the date. Death of philosopher escorts the death of a tyrant.

But if we consider Socrates version of the descent, we can see that here means the descent all perfection and valor in human world. Here is not the partial critic of the tyrant, but the critic the all human dignities and discent valor to dishonor. This descent forms partially Socrates behavior and Antisphens one generally.

As a conclusion, we have only one question: who is the mortal being as a philosopher Symonides or Socrates?

Keywords: valor, death of philosophy, ambivalence of the platonian logic, tyranny, Platos and Xenofontes models of the descent of values.

МАЛЫШКИН ЕВГЕНИЙ ВИТАЛЬЕВИЧ, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет свободных искусств и наук, доцент, доктор филос. наук

ОБ ЭРОТИКЕ В ОТКРЫТЫХ СООБЩЕСТВАХ.
ОПЫТ ФОРМАЛИЗАЦИИ

В докладе речь пойдет об экономике неизбывного: эротического, интимного, соседства. Сообщества и организуются, и существуют благодаря эротике и интимности, но есть различие как в самих сообществах, так и в том, как в них распределяется (всегда) избыточное.

Сообщества мы будем делить на декларативные и тайные. Первые — такие, в которых заявленные цели совпадают с действительностью. И есть такие, в которых собственно цели сообществ не предъявлены или даже не могут быть предъявлены. И однако же во всех сообществах выполняется требование дружелюбного всматривания, значимого и для Платона (Alc. I, Phaedr) и для Аристотеля (ММ 1213а 20-25). И для того, и для другого типа сообщества значимой является маргинальная для них обоих фигура соседства, близость по месту, но не по филии. Эта фигура и помогает провести границы в неизбывном интимного и эротического.

EUGENE MALYSHKIN, St Petersburg State University, Faculty of liberal arts and sciences, Associate Professor, DSc in Philosophy

ON EROTICISM IN OPEN SOCIETIES:
AN ATTEMPT OF FORMALISATION

My paper is on the economy of inexhaustible: erotic, intimate, neighborhood. Communities are organized and exist due to eroticism and intimacy, but there is a difference as in the communities themselves, as in the mode they distribute the inexhaustible goods.

There are declarative and secret communities. The first is those in which the stated goals coincide with the activities. The last are those

in which the objectives of the communities themselves are not presented or even cannot be presented. And yet, in every type of communities, the requirement of friendly scrutiny is fulfilled, which is significant both for Plato (Alc. I, Phaedr) and Aristotle (MM 1213a 20-25). For both types of community the marginal figure of a neighborhood (proximity in place, but not in philia), is important. This figure helps to draw the boundaries between intimate and erotic.

ДѐМИН РОСТИСЛАВ НИКОЛАЕВИЧ, Русская христианская гуманитарная академия, гимназия «Петершуде», преподаватель

БРИСОН КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЬ МЕГАРСКОЙ ШКОЛЫ*

Аннотация: В выступлении рассматриваются вопросы о происхождении, сочинении, круге учеников, друзей и знакомых Брисона (Поликсен, Геликон из Кизика), вопросы, связанные с анализом его взглядов, в том числе и на квадратуру круга, с его возможной принадлежностью к мегарской школе. Высказываются соображения по поводу приписываемого Платону историком Феопомпом Хиосским плагиата у Брисона.

Ключевые слова: Брисон, квадратура круга, мегарская школа, школа имен.

ROSTISLAV DYOMIN, Russian Christian Academy for the Humanities, St Petersburg; "Peterschule" gymnasium, lecturer

BRISON AS A REPRESENTATIVE OF THE MEGARIAN SCHOOL

Summary: In the speech discusses issues about the origin, composition, circle of pupils, friends and acquaintances, the ancient Greek philosopher Bryson (Polyxenes, Helikon of Cyzicus), issues related to the analysis of his views, including on the quadrature of the circle, and his possible belonging to the Megarian school. There are suggestions about the plagiarism attributed to Plato by the historian Theopompus of Chios from Bryson.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ по проекту № 17-03-00616 «Сократические школы как явление античной философии и культуры».

Keywords: Bryson, squaring the circle, the Megarian school, Chinese School of Names.

Выступление посвящено анализу некоторых свидетельств о жизни и деятельности древнегреческого мыслителя Брисона (Брифона). В историко-философской литературе этот мыслитель обычно почти не упоминается. Иногда его упоминают как учителя Пиррона, иногда — как учителя киника Кратета, иногда — как представителя мегарской школы. О нем, к сожалению, нет упоминания ни в старой философской энциклопедии, ни в Новой философской энциклопедии, ни в словаре античной философии. Говоря о Брисоне, следует учитывать, что ряд ученых различает двух Брисонов: Брисона Гераклеяского и Брисона Ахейского. Проблема различения философов, мыслителей, носящих одно имя, но живших иногда в одно время, иногда в разное, свойственна не только истории древнегреческой философии (например, проблема двух Фалесов, проблема двух Антифонов — современника Брисона или одного из Брисонов, проблема нескольких Оригенов, соучеников Плотина у Аммония), но и философским традициям других культур. Например, в истории древнеиндийской философии говорят о двух Капилах, в истории древнекитайской о двух Гунсунь Лунах (один современник Конфуция, а другой, жил значительно позднее).

Значительно чаще, чем в истории философии, упоминается Брисон в истории математики. Это обусловлено тем, что Брисон, подобно Анаксагору, Антифону и Гиппократу Хиосскому, занимался квадратурой круга. По мнению некоторых ученых, предложенный им способ решения проблемы предвосхитил решение Архимеда. Интерес к Брисону сохранялся длительное время. Как отмечают, предложенная Брисоном «предпосылка» применялась Ибн ал-Хайсамом в его трактате о квадратуре круга. О его решении рассуждает английский схоласт Роберт Килуордби. Имя Брисона мы встречаем на страницах древнееврейского математического трактата XIV века «Выпрямляющий кривое», автор которого положительно отзывается о «предпосылке» Брисона. Представляется, что отсутствие внимания к Брисону, в частности, к проблеме квадратуры круга в истории философии, не позволяет увидеть близкие явления в древнекитайской философии («Великий квадрат не имеет углов» «Дао дэ цзин», «угломер не квадратный, циркуль не круглый», «паз не окружает клин» школы имен).

ГОНЧАРКО ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ, Российский
государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербургский государственный технологический
институт (технический университет), доцент, канд. филос. наук
ГОНЧАРКО ОКСАНА ЮРЬЕВНА, национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербургский
горный университет, доцент, канд. филос. наук

ПЛАТОНОВСКИЙ «ПИР» И ЗАКОН ТОЖДЕСТВА*

Аннотация: В докладе обосновывается тезис о том, что в тексте платоновского «Пира» используется прототип аристотелевского закона тождества и другие логические законы. При этом каждому логическому закону можно сопоставить драматический поворот сюжета самого диалога.

Ключевые слова: платоновский диалог, «Пир», категория отношения, закон тождества.

DMITRY GONCHARKO, Herzen State Pedagogical University
of Russia, St Petersburg; St Petersburg State Technological Institute
(Technical University), Associate Professor, CSc in Philosophy
ОКСАНА GONCHARKO, National Research University
Higher School of Economics; St Petersburg Mining
University, Associate Professor, CSc in Philosophy

PLATO'S *SYMPOSIUM* AND THE LAW OF IDENTITY

Summary: This paper presents an argumentation that the text of Plato's *Symposium* contains some reflections concerning the identity principle. We also try to point out some examples of prototype formulations of other logical principles in the dialogue and represent their dramatical connotations within the dialogue plot.

Keywords: Platonic dialogue structure, *Symposium*, Aristotelian relatives, law of identity.

* This paper is part of the research project № 18-011-00669 funded by the Russian Foundation for Basic Research. Исследование проводится при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-011-00669.

Plato puts forward a great logical and at the same time dramaturgical issue, which involves both the dialogue thought building and the dialogue composition development as the parallel constructions. Plato's dialogues impress with compositional diversity. For example, in *Alcibiades I* the logical and dramaturgical movement develops while the Socratic "know yourself," "take care of yourself" does change from the abstract everyday maxim to the fundamental identity of two different demands (the ability to control oneself and the ability to control the others). So, in order to manage others, one must first understand him/ or herself. The reverse situation is presented in the *Republic*: in order to know the whole state it is necessary to know a separate soul, regarded as a model of the state. *Phaedo* has the other compositional feature, which consists of the asymmetry of evidence: the first two arguments are constructed logically, the other two — as dramaturgical ones, being the "proto-autobiographical fragments" of the life of Socrates.

The *Symposium* is a special case in this respect. It consists of both the plot and argumentation coherence. First of all, compositionally it is the dialogue within the dialogue. Moreover, the central speech of Socrates, being a part of the dialogue itself, also includes the dialogue in the dialogue part (Diotima's speech). Second, the dialogue in praise of Eros, who is the god of love and desire, and the "son" of Aphrodite, occurs at the same time to be the dialogue in praise of Agathon, who is the famous tragedian and the victor in the dramatic festival, mentioned in the text. This dialogue comes into being during the feast in honor of Agathon, and Eros as a phenomenon also occurs, according to the myth of Plato, during the feast in honor of the birth of Aphrodite. So, the *Symposium* has a multiple concentric dramatic structure. And finally, its dramatic tension is supported by the logical tools and techniques, used by Socrates to build a thought on Eros by deconstructing the previous speeches. He builds it using the identity principle defining a concept of Eros in such a manner, in which Aristotle will define the relative notions in the *Categories*: "Is Love the love of something or of nothing?" (ὁ Ἔρως ἔρως ἐστὶν οὐδενὸς ἢ τινός; (Plat. Sym. 199e–200a)). This question is not the question to be answered "no". Formally, it is equal to the questions "Whether the eros is eros?" being a question about the identity law not less than being a question about the logical features of eros as a concept (i. e. to be a relative notion, for example). The same identity principle via the double negation

is presented in the structure of the dialogue: the negation of all the speeches by Socratic questioning with the further negation of negation by the speech of Diotima, which is, in fact, the Socratic one.

АФОНАСИНА АННА СЕРГЕЕВНА, Новосибирский
государственный университет, преподаватель

ПЛАТОН И ЭМПЕДОКЛ: СВИДЕТЕЛЬСТВА И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ИДЕЙ

После выхода в свет монументальной работы Тэйлора «Комментарий на Тимей Платона», мысль о том, что Эмпедокл оказал большое влияние на формирование некоторых идей о строении космоса, стала популярной во многих исследованиях последующих лет. Серьезный отпор эта мысль получила в статье Хершбелла «Влияние Эмпедокла на Тимей», где автор последовательно разбирает все попытки связать Эмпедокла с Платоном, отбрасывает их как неубедительные и соглашается признать влияние со стороны Эмпедокла только в области физиологии, а именно на учение Платона об устройстве человеческого тела (ногтях и волосах). Основной аргумент Хершбелла состоит в том, что нигде в Тимее мы не находим прямого заимствования Эмпедокловых терминов, тогда как очевидная созвучность идей слишком поверхностна и может быть общим местом (Hershbell 1974, p. 151). Попытка устроиться где-то между восторженным Тэйлором и критичным Хершбеллом меня не устраивает. Поэтому в этом выступлении я постараюсь посмотреть на вопрос о связи Эмпедокла с Платоном несколько иначе. В первую очередь я собираюсь рассмотреть все упоминания об Эмпедокле и его учении в разных диалогах, и во-вторых, обратить внимание на некоторые слова, имеющие явный технический подтекст, которые встречаются и у Эмпедокла, и у Платона. Наиболее интересным мне представляется сходство образов платоновского Демиурга и Афродиты Эмпедокла.

ANNA AFONASINA, Novosibirsk State University, lecturer

PLATO AND EMPEDOCLES: EVIDENCES AND THE CONTINUITY OF IDEAS

The paper deals with a controversial question about possible Empedoclean influence on Plato's Timaeus. First, I will consider all

references on Empedocles and his teaching in Plato's dialogues; secondly, I will give attention to several words that have a clear background, which we can find both in Empedocles and in Plato. Finally, I intend to show that Empedocles affected some aspects of Plato's physiology and cosmology, the most interesting parallel being a similarity of the images of Platonic Demiurge and Empedoclean Aphrodite.

РОМАНЕНКО ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии, профессор, доктор филос. наук

ПАРАДОКСАЛЬНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКОГО
СПОРА МЕЖДУ ПЛАТОНОМ И АРИСТОТЕЛЕМ
В СВЕТЕ ОНТОЛОГИИ М. ХАЙДЕГГЕРА*

Аннотация: В работе предпринимается попытка онтологического истолкования спора между Платоном и Аристотелем. “Предмет” их разногласия парадоксален, вызывая необходимость постоянной трансформации частных мнений друг в друга. Хайдеггеровское онтологическое учение на современном витке историко-философской спирали воспроизводит основные моменты данного спора. В качестве сравнения проводится параллель с парадоксальным взаимодействием германской и русской философских традиций.

Ключевые слова: Платон, Аристотель, М. Хайдеггер, онтология, спор, парадокс, история философии.

YURIY ROMANENKO, St Petersburg State University,
Institute of Philosophy, professor, DSc in Philosophy

THE PARADOXICALITY OF THE HISTORICAL
DISPUTE BETWEEN PLATO AND ARISTOTLE IN THE
LIGHT OF THE ONTOLOGY OF M. HEIDEGGER

Summary: An attempt is made to conduct an ontological interpretation of the dispute between Plato and Aristotle. The “subject” of their disagreement is paradoxical, implicating the

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 18-011-00753 “Рецепция и трансформация идей Мартина Хайдеггера в русской философской мысли”.

constant transformation of private opinions into each other. The Heideggerian ontological doctrine reproduces the main points of this dispute on the modern coil of the historical spiral. As a comparison, a parallel is made with the paradoxical interaction of German and Russian philosophical traditions.

Keywords: Plato, Aristotle, M. Heidegger, ontology, dispute, paradox, history of philosophy.

Кульматов Владимир Александрович, Русская христианская гуманитарная академия, научный сотрудник, канд. филос. наук

ПЛАТОНОВСКАЯ ПРОПОРЦИЯ И ПРАВИЛЬНОЕ
МЫШЛЕНИЕ: ДВА СПОСОБА ДЕМОНСТРАЦИИ
ИСТИННОГО РАССУЖДЕНИЯ, ДВА
РАЗЛИЧНЫХ КРИТЕРИЯ ИСТИННОСТИ

Аннотация: Платоновская пропорция: трудности ее понимания и выражения. Проекция на числа. Философская интерпретация (круги тождественного и иного). Изображение (демонстрация) движения понятия как способ доказательства. Различные варианты изображения аналогичного отношения в разных культурах (Китай, Япония, Германия). Реальная противоположность и абсолютное тождество (Гегель).

Ключевые слова: противоположный подход Аристотеля, непротиворечивость рассуждения, сведение метода платоновской пропорции к риторике, к аналогии.

VLADIMIR KULMATOV, Russian Christian Academy for the Humanities, St Petersburg, Research fellow, CSc in Philosophy

PLATO'S PROPORTION AND PROPER THINKING:
TWO WAYS OF DEMONSTRATING TRUE REASONING,
TWO DIFFERENT CRITERIA OF TRUTH

Summary: The Platonic proportion of the difficulty of understanding and expression. A projection on numbers. Philosophical interpretation (circles of identical and other). Image (demonstration) of the concept movement as a way of proof. Different versions of the image of a similar relationship in different cultures

(China, Japan, Germany). The real opposite and the absolute identity (Hegel).

Keywords: the opposite approach of Aristotle, the consistency of reasoning, reduction of the Platonic proportion method to rhetoric, to analogy.

СЕЛИВЁРСТОВ ВИКТОР ЛЕОНИДОВИЧ, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, доцент, канд. филос. наук

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПЛАТОНОМ СВОЙСТВ ЧИСЛА «ДВА» В «ПИРЕ» И «ФЕДОНЕ»

Истории философии не известно, писал ли Платон отдельные математические трактаты для широкой публики. Прямых свидетельств этому нет. Однако требование быть «геометром» было предварительным условием для вступления в среду учеников. Знание простейших математических и геометрических закономерностей, равно как и умение решать простые диалектические упражнения, должно было предшествовать постижению онтологических и социально-политических положений Платона. Так, геометрическая последовательность заполнения объема от куба к сферической завершенной форме космоса в диалоге «Тимей», помимо понимания идеального единства сущего в благе, предполагает обязательное знакомство со свойствами чисел и простейшими математическими закономерностями. Античная математика вплетается Платоном в существо философского способа восприятия и в существо познавательного процесса, несет вполне определенную смысловую нагрузку и рассматривать ее как-либо отдельно довольно трудно.

В нашем сообщении рассмотрим диалектические упражнения с использованием Платоном свойств первых простых чисел в более ранних диалогах «Пир» и «Федон». Оставим пока в стороне принципиально важное для понимания диалектики и онтологии Платона основное упражнение в противопоставлении *одного* и *иного* в «Пармениде», поскольку это, вероятно, следующий шаг в прояснении отношений первичной парности чего-либо, имеющего отношение к сущему. В выбранных нами произведениях легко увидеть тесную связь античной математики и метафизики.

Как и большинство сочинений Платона, «Пир» носит характер логически выверенного знания-припоминания о давно прошедшем событии (см. об этом более ранние статьи и в том числе: *Селиверстов В. Л.* Достоверность и память в платоновских диалогах // Вестник РХГА. 2012. Т. 13. Вып. 4. С. 82–85). В сюжетной линии используется числовая последовательность о «одного» до «семи». Первый рассказчик и «пылкий почитатель Сократа» Аристодем запомнил из множества речей о любви только семь, которые записывает Платон со слов Главкона (см. об этом в статье: *Селиверстов В. Л.* Число Эроса. Диалектика числа, или математика любви в «Пире» Платона // Вестник РХГА. 2013. Т. 16. Вып. 3. С. 61–68).

Отдельно остановимся на речи второго участника застолья, в которой Платон предлагает сделать своего рода логический переход от некоего единого и автохтонного существования бога Эроса как персонажа мифологического «прошлого» к действительному «настоящему». Поскольку известны две Афродиты — небесная и всенародная, то и спутников ее тоже два — небесный и земной Эроты. Один служит возвышенным целям и способствует созерцанию прекрасного и развитию искусств, второй — вседоступен, так как покровительствует физической любви и продолжению рода смертных.

Здесь следует обратить внимание на довольно очевидные вещи. Старшая Афродита родилась от мужского начала без участия женского рода, что может означать отсутствие смешанности с инаковой природой. Другими словами, нечто несмешанное и однородное всегда будет логически первым при наличии чего-то еще. Младшая Афродита произошла от мужского и женского начал и уже имеет смешанную природу, а потому может покровительствовать только смешанным связям полов для продолжения рода. Это может означать логический переход от некоего первичного *единства* ко *многому*, имеющему тенденцию к приумножению, ибо *инаковая* природа теперь включена в целостность природы второй Афродиты. Отсюда понимание состояния двойственности сущих при первом их сосчитывании: *одно + иное* по отношению к одному. Считая до «двух», мы переходим в самой операции счета к иному по отношению к первому. Двойка в этом смысле — первое (с) четное число, удерживающее в себе инаковость. Возможно,

поэтому слово «число» содержит в себе отрицательную приставку «α» перед корневой основой «ритм». Итак, в «двойке» происходит переход от *одного* как такового ко *многому*, природа которого смешанна, неоднородна и несовершенна, а значит, по Платону, неустойчива сама по себе.

В «Федоне» Сократ комментирует характер связи души и тела, прибегая к свойствам чисел «один», «два» и «три» и их отношениям. Среди прочего приводится простейшая этимология числа «два», которая, по Платону, объясняет то, почему происходит наблюдаемый нами переход от «нечетности» к «четности» в первой сумме нечетных чисел. Рассмотрим ее подробнее.

Примерно за полчаса до казни Сократ рассуждает о том, что его не устраивает в концепции Ума Анаксагора как источника сущего. Он говорит, что каким-то странным образом этот самый Ум остается безучастен к происхождению стихий космоса и самого космоса, т. е. не происходит ни математического, ни диалектического перехода от единства ко множеству. Альтернативно, как всегда, Сократ своего вероучительного ничего не утверждает, но в качестве примера предлагает ученикам простое математическое упражнение с происхождением «двойки». По его мнению, мы «двойку» можем получить как сумму сложения «1+1», либо как результат деления чего-то «одного».

В первом случае происходит, как он показывает, довольно странное изменение свойств «сближающихся» единиц: нечетное само по себе вдруг меняет свойства и становится в сумме четностью. Это означает внезапное изменение качеств числа, что трудно понять. Действительно, в школьной арифметике мало заботятся о том, почему может происходить переход качеств чисел в их суммах:

четное + четное = всегда дают четное

нечетное + четное = всегда нечетное.

Но в третьем случае:

нечетное + нечетное = четное?

Напротив, если мы будем получать «двойку» делением, то этимология слова «два» подсказывает, что это верный ход мысли, ибо оно прямо происходит от глагола «делить».

Итак, во втором случае имеет место «сближение» между собой частей уже заведомо *инога* и делённого (= многого) по отношению

к неделимому *одному*, а значит, нарушения логики рассуждений нет. Число «одно» по прежнему сохраняет свои свойства, а «двойка» свою «двойственность» с включением *инаковости* в свою природу с тенденцией к генезису *многого*. При этом сама по себе «двойственность» неустойчива и сохраняется только вместе с тем, что «превозмогает» деление и распадение. Так, именно число «три» может содержать в себе без противоречия и распада четность «двух» (образ телесной оболочки человека), поглощаемую нечетностью «одного» (образ неделимой души, удерживающей тело от самораспадения).

VICTOR SELIVERSTOV, St Petersburg State University for
Telecommunications, Associate Professor, CSc in Philosophy

PLATO USAGE OF PROPERTIES OF THE NUMBER
“TWO” IN THE *SYMPOSION* AND *PHAEDO*

Apparently, Plato did not write individual mathematical treatises for the general public. However, the requirement to be a “geometer”, as we know, was a prerequisite for pupils to enter the school. The geometric sequence of filling the volume from the cube to the spherical completed form of the cosmos in the “Timaeus” dialogue presupposes an obligatory acquaintance with the mathematical regularities. Consider the simplest dialectical exercises of Plato in the earlier dialogs “Feast” and “Phaedo”, as they demonstrate well the close relationship of ancient mathematics and metaphysics.

In the first composition “two” is used into the second speech of participant of Pausaniya’s feast. Plato offers listeners to make a kind of logical transition from some single and autochthonous existence of the God of Eros as a personage of the mythological “past” to the real “present”, that is, to known now to the two satellites of Aphrodites, opposite each other heavenly and all-accessible. The juxtaposition of the male and female principles in the characterization of the earthly Eros can serve as an indication that the “Symposion” is a literary form of existence in the Platonic school of the Pythagorean tradition.

In “Phaedo” Socrates comments on the nature of the connection between the soul and the body, resorting to the properties of the numbers “one”, “two” and “three” and their relationship. Among other things, the simplest etymology of the number “two” is given, which, according to Plato, explains why the observed transition from “odd” to “parity” occurs in the first sum of odd numbers.

ЛИТВИН ТАТЬЯНА ВАЛЕРЬЕВНА, Русская христианская гуманитарная академия, доцент, канд. филос. наук

ЧИСЛО И ОБРАЗ В ФИЛОСОФИИ
ВРЕМЕНИ ПЛОТИНА

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению представлений об образе и числе в контексте учения о времени и вечности Плотина в седьмой книге третьей Эннеады. Проводится параллель с излагаемыми в «Тимее» идеями Платона, на которые опирается Плотин, анализируется преемственность пифагорейской математической традиции. Символика и мифологичность в описании процесса становления рассматриваются и с эстетической точки зрения, и как геометрические категории. Заостряются вопросы платиновского понимания образности и подобия, значимые для дальнейшей христианской мысли.

Ключевые слова: Плотин, «Эннеады», неоплатонизм, философия времени, Платон, «Тимей», вечность, образ, число, символ, креационизм.

TATIANA LITVIN, Russian Christian Academy for the Humanities, St Petersburg, Associate Professor, CSc in Philosophy

NUMBER AND IMAGE IN THE PLOTINUS'
PHILOSOPHY OF TIME

Summary: The article is focused on the concepts of image and number in the context of the doctrine of time and eternity by Plotinus, in the seventh book of the third Ennead. In the paper is drawing the parallel with the setting in the Plato's «Timaeus» ideas, which inspired Plotinus. I also examine the continuity of the Pythagorean mathematical tradition. The symbolism and mythological character in the description of the process of formation are considered from both the aesthetic point of view and geometric categories. It is addressed the issues of the Plotinus understanding of the imagery and the likeness, so important for the future of Christian thought.

Keywords: Plotinus, «Enneads», Neo-Platonism, the philosophy of the time, Plato, «Timaeus», eternity, image, number, symbol, creationism.

ПЛЕШКОВ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), Институт гуманитарных историко-теоретических исследований им. А. В. Поletaева, заместитель директора, канд. филос. наук

ПОНЯТИЕ «ВЕЧНОСТЬ» У ПЛАТОНА: СТРАТЕГИИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

Аннотация: Понятие «вечность» играет важную роль в философии Платона. «Вечные идеи», «вечный мир идей» — столь часто встречающиеся в литературе словосочетания, что «вечное» воспринимается практически как синоним идей как таковых. Тем не менее, само определение «вечности» (так же, как и «вечного») в текстах Платона неоднозначно и вызывает споры в историко-философской литературе. Во второй половине XX века, на фоне актуализации метафизической проблематики в аналитической философии, были предложены разнообразные способы концептуализации понятия, как в более широком теологическом контексте, так и непосредственно в контексте платоновской философии. Можно выделить несколько стандартных стратегий интерпретации понятия «вечность» в англоязычной литературе: метафизическая, логическая, физическая, онтологическая. У каждой из этих стратегий есть как авторитетные сторонники, так и влиятельные оппоненты. Соответственно, в докладе будет предложен анализ ключевых идей, а также намечена история борьбы этих интерпретаций на фоне более общей дискуссии о категории вечности в аналитической философии.

ALEKSEI PLESHKOV, National Research University Higher School of Economics, Poletayev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities (Moscow), Deputy director, CSc in Philosophy

THE CONCEPT OF ETERNITY IN PLATO: THE STRATEGIES OF CONCEPTUALIZATION

Summary: The concept of eternity plays a crucial role in Plato's philosophy. "Eternal forms," "eternal world of forms," such phrases are so widely met in the research literature that "eternal" is perceived almost as a synonym for the forms *per se*.

Nevertheless, the very definition of “eternity” (as well as “eternal”) is ambiguous in the *Corpus Platonicum* and debated in the historical and philosophical literature. In the second half of the 20th century, with the actualization of metaphysical problematics in analytic philosophy, various ways of conceptualizing of the concept were proposed, both in a broader theological context and in the context of Plato’s philosophy specifically. There are several standard strategies for interpreting the concept of “eternity” in the English-language literature: metaphysical, logical, physical, ontological. Each of these strategies has both authoritative supporters and influential opponents. In the paper, I will analyze the core ideas and the history of the struggle of these interpretations in a more general discussion about eternity in analytic philosophy.

ЛИХТЕР ПАВЕЛ ЛЕОНИДОВИЧ, Пензенский государственный университет, доцент, канд. юридич. наук

ДЕЛО «ПОППЕР ПРОТИВ ПЛАТОНА»: ЭССЕНЦИАЛИЗМ И ИСТОРИЦИЗМ

Визитной карточкой диалога «Государство» является особый психологический конформизм между идеей блага (счастья) и идеей справедливости (включая, идею равенства) в том смысле, что трудно представить несправедливое благо, а также неблаговую справедливость. Данную сопряженность блага и справедливости старается не замечать в платонизме его главный идеологический противник Карл Поппер [1].

Как известно, Поппер упрекает Платона, прежде всего, в том, что он является родоначальником таких вредных по Попперу идеологий, как историцизм, холизм и эссенциализм.

Будучи методологическим номиналистом, Поппер создал неологизм «историцизм» лишь для того, чтобы не вносить путаницу в уже известный термин «историзм». При этом попперовские инвективы против историцизма весьма эвристичны, если мы анализируем «исторический метод» марксизма-ленинизма. Однако совершенно непонятно, как в компанию историцистов попал Платон. Политическую доктрину Платона можно рассматривать в терминах утопии, но при чём здесь историцизм?

Платон вовсе не был сторонником исторического метода в духе Маркса-Энгельса-Ленина. Он вовсе не стремился обнаружить

в прошлом закономерности, при помощи которых можно было бы прогнозировать будущее, а Поппер ведь настаивает, что «все помыслы и вся деятельность историцистов направлены на интерпретацию прошлого для того, чтобы предсказывать будущее» [2].

Быть может, Поппер считает историцистским изречением высказывание из Восьмой книги «Государства», которое Поппер же окрестил «платоновским законом революций»: «Вы не сможете осуществить победоносную революцию, если правящий класс не ослаблен внутренней междоусобицей или поражением в войне» [3]. Но где доказательство того, что Платон пришёл к этому выводу посредством анализа исторического материала? Гораздо легче допустить, что Платон пришёл к такому результату логически.

Поппер явно нарушает и другой рациональный запрет, обязательный для историка. Речь идёт о запрете модернизации прошлого, или — в терминах профессора Робинсона — о привычке историка находить в прошлом намёки будущего.⁴ Это, тем более, удивительно, что методология модернизации прошлого никак не уживается с попперовским индетерминизмом.

Что касается упрека Платона в эссенциализме, то он опять бьёт мимо цели. Во-первых, сам Платон никак не мог считать себя «эссенциалистом», поскольку говорил и писал по-древнегречески и латынью не владел. Но даже если признать некое сходство по смыслу между древнегреческим термином «ousia» и латинским термином «essentia», то остаётся ещё одна серьёзная проблема: как совместить инквизиторский пафос Поппера в его бескомпромиссной битве против платоновского «эссенциализма» с платоновской же иронией? Если предположить, что платоновский Сократ способен на самоиронию, а для этого предположения есть все основания, то многие мрачные инвективы Поппера против Платона становятся по сути беспредметными.

Таким образом, Поппер не смог опровергнуть Платона по существу ни по одной из трех позиций обвинения (эссенциализм, холизм, историцизм): платоновский эссенциализм вовсе не исключает эвристичный и, следовательно, инструментальный характер философии Платона; для Платона характерно не только метафоричное, но и структурное мышление, например, в диалоге

«Государство», а носитель структурного мышления может быть «попперовским холистом» типа (б), но не вмещается в клише недифференцированного холиста типа (а); то, что Платон был «историцистом», и вовсе надуманный тезис.

Литература

1. См. Popper K. R. *The Open Society and Its Enemies*. Vol. 1: *The Spell of Plato*. [1945] L.: Routledge and Sons. 1947.
2. Popper K. R. *Op. cit.* P. 50.
3. Popper K. R. *The Poverty of Historicism*. Boston: The Beacon Press. 1957. P. 54.
4. Robinson R. *Plato's Earlier Dialectic*. Ithaca, N. Y.: Cornell UP, 1941. P. 3.

АЛЫМОВА ЕЛЕНА ВАЛЕНТИНОВА, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии, доцент, канд. филос. наук

ЦАРСКОЕ ИСКУССТВО ТКАЧЕСТВА: KAIROS и LOGOS*

Аннотация: Одно из самых энигматических и мистифицированных понятий античной мысли — кайрос. Оно предстает тем более загадочным, что, встречаясь весьма часто в различных контекстах как поэтических (например, в эпиникиях Пиндара и сочинениях греческих драматургов), так и в прозаических (скажем, у Горгия и Эсхина-сократика, у Платона и в *Corpus Hippocraticum*), нигде не получает определения, зато спектр его толкований велик, свидетельство этому мы обнаруживаем, в том числе, и в переводах: мера, удобный случай, возможность, обстоятельства, кризис, цель, подходящее время, «свой час» (М. Л. Гаспаров), «пора» (В. В. Библихин, А. В. Ахутин), и этот ряд можно продолжить. Кайрос попал в фокус внимания и современных мыслителей (М. Ямпольский). Потенциал этого загадочного понятия оказался столь значительным, что область его применения рискует стать практически безграничной. Мы предложим

* Доклад подготовлен в рамках научного проекта: РГНФ № 17-03-00616 а: «Сократические школы как явление античной философии и культуры». 2017–2019.

собственное толкование, основанное на изначальной связи кайрос с искусством ткачества, а его рассмотрим как парадигму для искусства плетения логосов и драматического сюжетосложения.

Ключевые слова: кайрос, логос, искусство ткачества, диалог, Эсхин-сократик, Платон.

ALYMOVA ELENA, St Petersburg State University, Institute of Philosophy, Associate Professor, CSc in Philosophy

THE ROYAL ART OF WEAVING: KAIROS AND LOGOS

Summary: One of the most enigmatic and mystic concepts of Ancient Philosophy is *kairos*. Its meaning is especially obscure since being present in various contexts such as poetry (e. g. the victory odes of Pindar or dramatic poetry) and prose compositions (e. g. of Gorgias, Aeschines Socratucus, Plato and the authors of *Corpus Hippocraticum*) it has no special definition. On the other hand, the range of interpretations of *kairos* is rather vast. We find numerous testimonies not only in philosophical explications but also in translations: due measure, opportunity, possibility, circumstances, crisis, aim, season, timing, “the day of destiny” (M. Gasparov), “high time” (V. Bibikhin, A. Akhutin) and this list can be continued. *Kairos* appears to be in the focus of attention of the modern intellectuals (M. Jampolsky). The potential of such a mysterious concept is so great that it runs the risk to be applied to a quite indefinite number of phenomena. We propose our own interpretation based on the original affinity of the *kairos* with the art of weaving, which, in its turn, will be considered as the paradigm of the art of interweaving of *logoi* and dramatic composition.

Keywords: *kairos*, *logos*, the art of weaving, dialogue, Aeschines Socraticus, Plato.

Философский язык имеет свою историю — это история становления философских понятий, которые оформляются в терминах. История понятий и сама уже не просто неотъемлемый конститутивный элемент историко-философских исследований, но легитимный историко-философский дискурс. Для истории мысли такой статус истории понятий — ее переход от,

как казалось раньше (хотя, возможно, некоторым так кажется и сейчас), подсобной дисциплины к дисциплине, без которой никакое современное историко-философское исследование уже невозможно, — очень важно: история понятий не может состояться без внимательного отношения к способу бытования понятий, к топосу их присутствия — текстам. Мысль таким образом возвращается той стихии, вне которой она не могла бы состояться — стихии языка. Главный путь формирования философских понятий (мы тут ограничиваемся контекстом греческой философии) берет свое начало в обыденном языке, причем часто прошедшем инициацию в сочинениях поэтов.

Слово, ставшее обозначением понятия, помнит о своем начале (мы имеем в виду скорее семантику и изначальную область применения, нежели этимологию, хотя и она в ряде случаев объясняет смысл), но эта память часто игнорируется в контексте философского бытования слова: из конкретности всех возможных семантических потенциалов реализуются и осмысливаются лишь некоторые, именно они и воспринимаются как «подлинные», возникает презумпция заданного смысла, которая порождает спекуляции второго порядка, интерпретации интерпретаций.

Одно из самых энигматических и мистифицированных понятий античной мысли — кайрос. Оно предстает тем более загадочным, что, встречаясь весьма часто в различных контекстах как в поэтических (Гесиод, Феогнид, Пиндар, греческая драматургия), так и в прозаических (Горгий, Эсхина-сократик, Платон, авторы *Corpus Hippocraticum*), нигде не получает определения, зато спектр его толкований весьма обширен, о чем свидетельствуют переводы: мера, удобный случай, возможность, обстоятельства, кризис, цель, подходящее время, «случай» [7, с. 255], «свой час» (М. Л. Гаспаров) [7, с. 267], «пора» (В. В. Биbihин [4], А. В. Ахутин [3, с. 128–129]), и этот ряд можно продолжить. Потенциал этого загадочного понятия оказался столь значительным, что область его применения рискует стать практически безграничной. Однако возникает вопрос, что связывает кайрос как *меру* (а именно такой смысл традиционно обнаруживается в «Трудах и днях» Гесиода, у Феогнида), кайрос как *возможность* и кайрос как «пора»? Последнее толкование, по всей видимости, и вовсе оформилось в силу попадания кайрос в христианский контекст, где

произошло переосмысление тоже, видимо, не изначального смысла кайрос — кайрос как *время*: Иисус говорит (Иоан. 7, 6), что его кайрос еще не наступил. В богословской интерпретации кайрос оказывается моментом, в котором сбывается судьба, конечное встречается с бесконечным (например, в работах Пауля Тиллиха [11]). Такое толкование катахронически переносится и на более ранние контексты.

И дело вовсе не в том, чтобы непременно ниспровергнуть все традиционные понимания, — дело в том, чтобы найти ту точку, которая позволит собраться всем исторически предъявленным смыслам.

Наше толкование концепта кайрос возникло под влиянием результатов труда Бернара Галле [9]. Б. Галле соглашается с замечанием Р. Онианса, который предлагает усматривать родство между двумя словами — *kairos* и *kairos* [5, с. 336], существование последнего обнаруживается в «Одиссее» Гомера (кстати сказать, собственно *kairos* в гомеровском эпосе не встречается ни разу). Согласно убедительной реконструкции французского ученого *kairos* — это нить, гибкое соединение, вплетенное между нитями основы, натянутыми вертикально на ткацком станке, нить, чья функция — одновременно разъединять и соединять. Таким образом, путь, по которому следует Б. Галле, ведет нас к искусству ткачества. Если возвести кайрос к такому началу, то многое проясняется, так как *kairos* оказывается:

1. направляющей и регулирующей нитью, которая упорядочивает нити основы и удерживает их в вертикальном положении, а отсюда естественно развитие смысла — порядок и мера;

2. нитью, вплетенной между другими нитями (нитями основы), роль которой обеспечивать равное расстояние между ними и не позволять им запутываться. Чем аккуратнее зафиксирована эта регулирующая нить, тем более качественной оказывается ткань (лат. *textum*).

Итак, роль *kairos* двояка: эта нить соединяет и разделяет одновременно.

Отсюда становится понятно, почему Платон неоднократно (*Софист*, *Политик*) прибегает к метафоре ткачества: политик, как и поэт, — ткач, ткач и сам Платон, ладно слагающий логосы своих диалогов (у Платона были предшественники, получившие

риторическую выучку у Горгия, например, Эсхин из Сфетта [2]). Приведем пассаж из *Законов* Платона. В этом контексте слово *kairos*, с очевидностью, сохраняет память о своем происхождении: «В государственном устройстве имеется немало *приспособлений*¹ (курсив здесь и далее наш. — Е. А.), оберегающих его от *распада*², все равно как канаты и скрепы на корабле или сухожилия у какого-нибудь живого существа. Хотя называются они по-разному, суть у всех них едина. Одно из таких *приспособлений*, благодаря которому государство сохраняется, без которого же *распадается* и гибнет, состоит в следующем...» [8, с. 410].

Кайрос практически всегда подразумевает логос. Это видно на примере эпиникиев Пиндара, это проявляется в риторике и в сюжетосложении греческой драмы³, где кайрос становится временем разворачивания патоса, или трагического сюжета, он держит смысл, реализующийся в зрителе как испытываемый им катарсис.

Список литературы

1. Алымова Е. В. Миметическое начало поэтического искусства // Античный мимесис. Сборник статей, посвящённый памяти профессора Константина Андреевича Сергеева. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2008. С. 8–28.

2. Алымова Е. В. Эсхин из Сфетта и традиция сократического диалога // Платоновские исследования. 2017. Т. 7. № 2 (7). С. 97–116.

3. Ахутин А. В. Открытие сознания (Древнегреческая трагедия и философия) // Ахутин А. В. Тяжба о бытии. Сборник философских работ. М.: Русское феноменологическое общество, 1997. С. 117–160.

4. Биbihин В. В. Пора (время-бытие). СПб.: Владимир Даль, 2015.

¹ Слову *приспособление* в переводе А. Н. Егунова соответствует *kairos* оригинала [10, р. 403].

² Распад и распадаться — *lysis* и *dialyein*, что буквально значит — «развязывание», «развязывать».

³ О чем подробнее в нашей статье «Миметическое начало поэтического искусства» [1].

5. Онианс Р. KAIROS // Онианс Р. На коленях богов. Истоки европейской мысли о душе, разуме, теле, времени, мире и судьбе. М.: Прогресс-Традиция, 1999. С. 334–339.

6. Пиндар. Пифийские песни. IV / Перевод М. Л. Гаспарова // Античная лирика. Греческие поэты. М.: Рипол Классик, 2001. С. 255.

7. Пиндар. Пифийские песни. IX / Перевод М. Л. Гаспарова // Античная лирика. Греческие поэты. М.: Рипол Классик, 2001. С. 267.

8. Платон. Законы / Перевод А. Н. Егунова // Платон. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1994. С. 71–437.

9. Gallet B. Recherches sur kairós et l'ambiguïté dans la poésie de Pindar. Lille: Presse universitaire de Lille III, 1990.

10. Platonis Leges // Platonis Opera / Recognovit brevique adnotatione critica instruxit I. Burnet. T. V. Oxonii: E typographeo clarendoniano, 1907. P. 14–436. P. 403

11. Tillich P. Kairos // Tillich P. The Protestant Era. Chicago: The University of Chicago Press, 1957. P. 32–51.

ПРОКОПОВ КИРИЛЛ ЕВГЕНЬЕВИЧ, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), аспирант

**ФИЛОСОФИЯ КАК ИНИЦИАЦИЯ
В «ФЕДОНЕ» ПЛАТОНА**

KIRILL PROKOPOV, National Research University
Higher School of Economics, PhD student

**MYSTERIES OF PLATO'S *PHAEDO*:
PHILOSOPHY AS INITIATION**

Summary: The *Phaedo* is famous for puzzling its reader: from the arguments for the immortality of a soul to Socrates' enigmatic last words. A flavour of secrecy is added by the reference to 'an ancient doctrine' (70c: παλαιὸς τις λόγος) that was 'given in mysteries' (62b: ἐν ἀπορρήτοις λεγόμενος) and further mentions of mysteries (69cd: φασιν οἱ περὶ τὰς τελετάς, ναρθηκοφόροι μὲν πολλοί, βάκχοι δὲ τε παῦροι) accompanied by the notion of ritual *κάθαρσις*. In this paper I will argue that Plato's addressing to mysteries is not merely a stylistic preference or an attempt to push cultic elements through

a rational discourse but a depiction of philosophy as a specific way of living — a primary σκοπός of the *Phaedo* in general. In case of the *Phaedo*, Plato structures a philosopher's *modus vivendi* by having in mind the process of initiation in relation to 1) the direction of the way of living (ascension to knowledge and, eschatologically, to the upper regions of cosmos as it pictured in the *Phaedo*) 2) steps and efforts that philosopher has to make during his life (*κάθαρσις* as a practice of philosophy and philosophy as *μελέτη θανάτου*) 3) result (pure and blessed life). That idea of philosophy as a progressive ascension while it unfolds in cave imagery of the *Republic* and becoming like god digression of the *Theaetetus* (besides it is echoed in Diotima's speech in the *Symposium* and Socrates' palinode in the *Phaedrus*, both coloured by references to mysteries) in the *Phaedo* has all its strength because of dramatic setting of the dialogue and the figure of dying Socrates who is trying to defend a vision of philosophical life in his 'second apology' and in 'autobiography', that reveals his own quest for knowledge and divergence with *περὶ φύσεως* type of thinking. From this perspective, we can add a vivid stroke to our understanding of the *Phaedo*: on the background of Pythagorean *τρόπος τοῦ βίου* Plato draws a figure of Socrates, who personally represents a renewed sense of philosophy and philosopher in contrast to *φυσιολόγοι*, a transition that can be understood by analogy to the initiation into mysteries.

При всей плодотворности платоновских исследований, диалоги во многих аспектах остаются «загадочными» для читателя. «Федон» — не исключение. Этот диалог, однако, ставит в тупик в особом смысле: речь идёт о многочисленных отсылках в диалоге к некоему загадочному древнему учению (70c: *παλαιὸς τις λόγος*), которое прикровенно (62b: *ἐν ἄπορρήτοις λεγόμενος*) сообщает знание о душе, ее отношении к телу и последующей жизни души после смерти тела. Это учение несомненно опознается как связанное с орфической религией и мистериальными культами либо напрямую, либо косвенно через их осмысление в пифагореизме: контекст, который необходимо иметь в виду читателю диалога в связи с упоминанием Филолая и пифагорейским прошлым собеседников Сократа, перечисленных в каталоге пифагорейцев Ямвлиха. Определяя практику философии как религиозное очищение, а истинных философов как вакхантов, платоновский

Сократ для особых целей проводит общую линию между религией и философией Мы предлагаем выявить цели сближения двух способов говорения о душе через следующих три шага:

1. Указание на фрагменты текста, где Платон отсылает к предшествующей нефилософской традиции в философском контексте;

2. Поиск доплатоновских упоминаний этой традиции и выявление ее определяющих черт;

3. Указание на платоновский способ трансформации предшествующей традиции для целей собственной философии.

То, что использование мистериальной лексики и отсылки к орфическому учению в диалоге не заканчиваются на так называемой «второй апологии» Сократа, показывает заключительный миф «Федона». В нем Сократ, со ссылкой на принятые древние обычаи, показывает как душа, ведомая демоном к месту суда, переселяется согласно степени чистоты в подобающее ей место: либо в подземный мир, где терпит наказание за собственную нечистоту, либо на поверхность Земли, на так называемую «истинную Землю». Описание подземной области имелось и в орфической литературе, по свидетельствам античных комментаторов «Федона», а подземная география, инспирированная сицилийским пейзажем (остров упомянут напрямую в мифе) отсылает к Сицилии как важному месту для элевсинских мистерий и культа Деметры и Персефоны. В свою очередь, «истинная Земля» — обитель чистых душ, их чистый взгляд позволяет созерцать Землю, небо и свет такими, какие они есть. Эта область по своему описанию близка традиционному изображению Островов блаженных в греческой литературе, преимущественно в тех источниках, что окрашены орфическими представлениями (у Пиндара и в «Лягушках» Аристофана).

Есть ли здесь место собственному платоновскому творчеству или речь идёт о заимствовании с преобразованиями, незначительными для философского смысла диалога? Решающим философским жестом Платона становится переосмысление религиозного понятия катарсиса: если на религиозном поле очищение достигалось посредством отправления культов, то в «Федоне» очищение состоит в практике добродетельной жизни, а в предельном случае — практике философии. В этом смысле закономерным

выглядит добавление Платона, которое не находит прообразов в предшествующей традиции: область, которая выше «истинной Земли», обиталище совершенно бестелесных душ, что очистились благодаря философии. Иерархия обиталищ душ сближает миф диалога с мифом о пещере из «Государства», что для некоторых исследователей позволяет сделать вывод о метафорическом характере платоновского мифа, ещё одной иллюстрацией различных форм жизни и утверждение преимущества философского способа быть, где эсхатологическая перспектива выполняет скорее риторическую, чем позитивную роль. Однако с точки зрения вечной жизни души, доказанной в диалоге, не имеет смысла проводить строгого различия между тамошней и здешней жизнью, а значит и устранять его, сводя описание тамошнего к описанию здешнего порядка. Суть платоновского образа как раз и состоит в указании на неразрывность жизни и зависимость ее бестелесного отрезка от того, что происходит с душой здесь и сейчас. Философия с перспективы Платона задаёт направление и цель для этой жизни в виде восходящего движения к знанию. Для иллюстрации этой идеи Платон избирательно использует лексику из мистериального словаря, служащей за пределами философии также для изображения духовного прогресса души, но в рамках религиозного культа.

КАРАВАЕВА СВЕТЛАНА ВИКТОРОВНА, Северо-Западный
государственный медицинский университет им.
И. И. Мечникова, ассистент, канд. филос. наук

ОБРАЗ СОКРАТА-КИНИКА В ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ*

Аннотация: Доклад посвящен кинической интерпретации образа Сократа в постклассический период античной мысли, которая создает свой альтернативный платоновской традиции образ Сократа как исторического, так и литературного персонажа. Делается попытка рассмотреть, как соотносится образ Сократа-киника в поздней античности — эпатирующего

* Доклад подготовлен в рамках научного проекта: РГНФ № 17-03-00616 а: «Сократические школы как явление античной философии и культуры», 2017–2019.

поборника аскетизма и норм этического поведения (причем, образа достойного как подражания, так и пародийного) с образом Сократа, представленного у Платона, Ксенофонта, Антисфена.

Ключевые слова: киники, Платон, Антисфен, сократические школы, античная философия.

KARAVAEVA SVETLANA, North-West State Medical University, assistant professor, CSc in Philosophy

THE IMAGE OF SOCRATES THE CYNIC IN LATE ANTIQUITY

Summary: The paper deals with the Cynic interpretation of the image of Socrates in late antiquity, which established an image of Socrates as both a historical and literary character as an alternative to that created by the Platonic tradition. An attempt is made to analyze how the image of Socrates the Cynic, a provocative advocate of asceticism and ethical behavior norms (an image simultaneously worthy of emulation and a paradoxical one) in late antiquity corresponds to the image of Socrates established by Plato, Xenophon, Antisthenes.

Keywords: Cynics, Plato, Antisthenes, Socratic schools, ancient philosophy.

Обращение к фигуре Сократа в поздней античности было обусловлено в значительной мере следующими факторами: либо попыткой позднеантичных мыслителей найти свои основания, которые они усматривали в своей преемственности от Сократа, что мы видим у киников, стоиков, академиков-скептиков, либо были связаны с критикой Сократа, имеющей место в первую очередь у перипатетиков и эпикурейцев. Заметим, образ Сократа в поздней античности, как, собственно, и платоновский Сократ, являлся образом интерпретируемым и формировался в зависимости от интеллектуальных запросов той или иной философской школы. В рамках кинической традиции образ Сократа — это в первую очередь образ эпатирующего поборника аскетизма и норм этического поведения (причем, образ достойный как подражания, так и пародийный).

Однако данный образ нельзя ограничить только рамками кинизма. Так, образ Сократа-киника заимствуется стоиками, которые, согласно Цицерону [3, с. 219], претендуя на свою преемственность от Сократа, возводили себя к одной из форм кинизма. Они смягчают эпатирующий и вызывающий образ Сократа-киника, представляя его как строгого моралиста, чье этическое совершенство основано в первую очередь на благоразумии. В свою очередь созданный ими образ Сократа модернизируется в результате их полемики с академиками-скептиками, в результате которой «незнающему» Сократу скептиков они противопоставляют образ Сократа-ироника. Хотя, как замечает американский ученый Энтони Артур Лонг, изначально такой образ Сократа, скорее всего, не был близок стоикам, и появляется впервые в их дискуссии со скептиками [4, с. 367]. Совершенно в ином ракурсе видится образ Сократа, имеющего явно кинические черты, у эпикурейцев и перипатетиков, их Сократ — это объект критики, прототипом которого они делают стоического или скептического мудреца. И, наконец, в эпоху Римской Империи, фигура Сократа становится по большей части риторическим топосом. Образ Сократа-киника присутствует как в ироническом, анекдотическом ракурсе, таким его представляет Апулей в «Метеморфозах»¹, так и как образец для подражания, например, у Иустина Философа он является предвестником Христа.

Вопрос, который не может нас не волновать: а на каких, собственно, источниках формируется образ Сократа-киника в поздней античности? Источников много, это — комические поэты, эллинистические биографы, перипатетические и эпикурейские полемисты, академические и стоические философы, и все же основные, являющиеся первоисточниками, — это Платон, Ксенофонт, Антисфен.

Начнем с Платона, как самого авторитетного в интерпретации образа Сократа для поздней античности. В первую очередь интерес для кинических авторов представляли его ранние диалоги, в особенности — «Апология Сократа». В фокусе их внимания — жизнь Сократа, несправедливый обвинительный приговор, судебное разбирательство, его мужественная смерть.

¹ См.: Алымова Е. В. Сократ во второй софистике: Апулей «Метаморфозы» I, VI–XIX [1].

Биография Сократа, в интерпретации которой акцент ставился на его безусловном этическом совершенстве, становится образовательной моделью для кинической и стоической жизни, сам же Сократ — образец и пример для подражания. Также важными диалогами, обеспечивающими сократический авторитет для кинических и стоических доктрин, затрагивающими вопросы знания, добродетели, этического совершенства, являлись в первую очередь «Евтидем» и «Горгий». Что касается Ксенофонта, сыгравшего немаловажную роль в формировании кинического образа Сократа, особо отметим его представление о Сократе как о мудреце, который не задавался вопросами о том, «как устроен так называемый философами «космос»», а посвятил себя «беседам о делах человеческих»: исследованию этических понятий, знание которых, по мнению Сократа Ксенофонта, и составляет суть «человека благородного» [2, с. 7-8]. И наконец, последний авторитетный автор — Антисфен, которого традиционно принято считать основателем кинической школы. Довольно сложно сегодня проследить его влияние на позднеантичных авторов в силу того, что до нас дошли только фрагменты его работ, из которых законченными являются две небольшие речи — «Аякс» и «Одиссей». Мы можем только предполагать, что его основные этические положения совпадают с доктринами кинической и стоической этики. Однако заметим, что в своих положениях, касающихся, например, определения одного из важнейших для этической философии понятий как добродетель, он не противоречит ни Платону, ни Ксенофону.

Список литературы

1. Алымова Е. В. Сократ во второй софистике: Апулей «Метаморфозы» I, VI-XIX // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Т. 16. № 3. С. 176-181.
2. Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. М.: Наука, 1993.
3. Марк Туллий Цицерон. Учение академиков. М., Издательство «Индрик», 2004.
4. Long A. A. Socrates in Later Greek Philosophy / The Cambridge Companion to Socrates. 2011

МИНАК ВЯЧЕСЛАВ СЕРГЕЕВИЧ, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, студент

О ПОЗНАНИИ ИСТИНЫ В «ТИМЕЕ» ПЛАТОНА

Аннотация: Как известно, Платон высказывался крайне отрицательно о различных риторических приемах и софистических спекуляциях, направленных не столько на достижение истины, сколько на убеждение своих оппонентов. При этом метод, избранный им в «Тимее», а именно приравнивание к истине, максимально приближенной к абсолютной (сам Платон не раз говорил о том, что абсолютная истина доступна только Богам, люди же не могут претендовать на нее), наиболее правдивой и благозвучной речи, то есть убедительной и красивой, весьма похож на отмеченные выше софистические ухищрения, однако здесь есть существенное различие: гносеология Платона изначально направлена именно на получение истины (сам Тимей, от лица которого выступает Платон, не раз говорит в тексте, что при опровержении собственных тезисов с легкостью готов согласиться со своей неправотой и перейти на сторону оппонента), а не на убеждение оппонентов, получение авторитета и т. д. При внимательном разборе столь интересной теории познания у Платона, а также его идеи антропного принципа, выведенного им в заключении, планируется рассмотреть эффективность его метода, а также проблему воспроизведения этого метода в настоящее время.

Ключевые слова: Платон, «Тимей», гносеология, антропология.

VYACHESLAV MINAK, Herzen State Pedagogical University of Russia, St Petersburg, student

ON THE KNOWLEDGE OF TRUTH IN PLATO'S *TIMAEUS*

Keywords: Plato, "Timaeus", gnoseology, anthropology.

The work will consider the gnoseology and anthropology of Plato, deduced by him in "Timaeus." The effectiveness of its methodology will be investigated, as well as the possibility of its application at the present time.

РУСИНОВА ЛЮДМИЛА АНДРЕЕВНА, Русская
христианская гуманитарная академия, студент

ГНЕВЛИВЫЙ НЕВЕЖДА, ДВОЕЖЕНЕЦ,
ВЗРОСЛЫЙ ЭРОМЕН. НЕГАТИВНЫЙ ОБРАЗ
СОКРАТА У АРИСТОКСЕНА ТАРЕНТСКОГО*

Аннотация: Автор рассматривает негативные черты афинского мыслителя, описанные в книге Аристоксена «Жизнь Сократа». Особое внимание уделяется неоднозначным внутренним качествам Сократа и сомнительным фактам его биографии. Автор задается вопросом: «Критиковал ли Аристоксен Тарентский философа или лишь показывал его с нетипичных сторон?».

Ключевые слова: античность, Сократ, биография, критика, бигамия.

LUDMILA RUSINOVA, Russian Christian Academy
for the Humanities, St Petersburg, student

INCONTINENT, IGNORANT, BIGAMIST, AN ADULT
EROMENOI: A NEGATIVE IMAGE OF SOCRATES
FROM ARISTOXENUS OF TARENTUM

Summary: The author analyzes the negative characteristics of Socrates, described in Aristoxenus' *Life of Socrates*. She focuses on the ambiguous internal qualities of Socrates and the controversial facts of his biography. The topic the author dwells upon is: did Aristoxenus criticise Socrates or did he just show him from unusual angles?

Keywords: antiquity, Socrates, biography, criticism, bigamy.

Aristoxenus' *Life of Socrates* has traditionally been perceived by ancient, medieval and modern scholars as a work critical of Socrates. Many scholars find Aristoxenus' text unreliable and even hostile towards Socrates. This is not surprising because the portraying of Socrates given

* Исследования проводились при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-011-00968 «Сократ: pro et contra. Миф о Сократе в отечественной и мировой культуре».

by Aristoxenus is very much different to the stories from earlier sources, especially Plato and Xenophon, who were idealizing him.

However, the image presented by Aristoxenus did not contradict the images created by the first generation of the Socratics. Such qualities of Socrates as a quick temper, impulsiveness and excessive eroticism are described in particular by Plato and Xenophon. So is Aristoxenus' description a criticism of Socrates or an attempt to create a more versatile image?

In his biographical text, Aristoxenus refers to his own father Spinatra, according to whom Socrates had an extraordinary power of persuasion, which is reflected in his voice, his mouth, character, and unique appearance. But sometimes, when Socrates was enraged, his transformation was terrible and he wasn't able to control his own words and deeds. Aristoxenus calls Socrates hot-tempered and irritable, but these qualities in his interpretation do not look like shortcomings, as he emphasizes the special connection between Socrates' appearance and his eloquence.

In Aristoxenus' description, Socrates' anger, intemperance, bad manners and ignorance were tamed by philosophy. In the extant fragments of the *Life of Socrates* we find a description of an episode when a philosopher Archelaus visited a seventeen-year-old Socrates. He then began teaching Socrates philosophy and made him his beloved (eromenoi). In these excerpts, Socrates does not only appear again as an intemperate and ignorant person, but also acquires the role of an eromenos. The first characteristic was found in texts by other biographers of Socrates of that period, the second is inherent exclusively to Aristoxenus.

There are several problems here. First, it follows from these passages that Socrates became Archelaus' lover, yielding to his own sexual desire, while the exemplary eromenoi had to remain uninterested in physical intimacy. Secondly, Socrates becomes eromenoi at the age of seventeen, while the appropriate age for this role was thirteen or fourteen years. Moreover, he continues this relationship, even having reached maturity, when by all the rules he had to put a stop to this connection.

We can assume that a number of earlier authors, in their turn, found this model of the relationship between Socrates and Archelaus potentially problematic. For example, in Plato's dialogue *Symposium* Socrates expounds his erotic doctrine referring to the mysterious prophetess Diotima. According to some researchers, this is due to the fact that if Socrates did

not put his theory in someone else's (especially women's) mouth, people would have decided that the theory belongs to Socrates' lover (erastai), which would have caused his authority a significant damage.

Some researchers think that a similar damage to Socrates' reputation was done by Aristoxenus describing his bigamy. According to the biographer, the philosopher had two wives at the same time. They were Xanthippe and Myrto and they always quarreled with each other and with their husband. However, Aristoxenus stresses that Socrates' bigamy did not violate Athenian laws.

Again, here we come upon a description of Socrates' passionate nature, which Aristoxenus regularly refers to in his biographical text. Socrates had this trait in him his whole life: tamed by philosophy, but not extinct. This feature was what allowed him to be so eloquent and convincing. It had a great influence on his life reflected on his appearance. However, this feature didn't cause him to indulge in illicit actions, although sometimes his behavior still was not typical for a philosopher and a worthy Athenian.

КУПРИЯНОВ ВИКТОР АЛЕКСАНДРОВИЧ, Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники РАН, научный сотрудник, канд. филос. наук

ИСТОРИЯ АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ В МЕТАФИЗИКЕ Б. Н. ЧИЧЕРИНА

Аннотация: В статье рассматривается интерпретация истории античной философии в метафизике Б. Н. Чичерина. Производится реконструкция основных принципов метафизики Б. Н. Чичерина. Показано, что, согласно Чичерину, логическое развитие категорий разума совпадает с историческим развитием философии. История философии оказывается прогрессирующим процессом выявления определений абсолютного. Античная философия выявляет уже всю полноту категорий. Развитие философии Нового времени Чичерин понимает по аналогии с историей античной философии. В статье показана связь философии истории философии Чичерина с его логикой. Также предложена таблица, систематизирующая ход истории философии в понимании Чичерина.

Ключевые слова: Чичерин, либерализм, метафизика, история философии, гегельянство.

VICTOR KUPRIYANOV, St Petersburg Branch of the S. I. Vavilov
Institute for the History of Science and Technology of the Russian
Academy of Sciences, Research Fellow, CSc in Philosophy

HISTORY OF ANCIENT PHILOSOPHY
IN BORIS CHICHERIN'S METAPHYSICS

Summary: The article considers the interpretation of the Ancient philosophy in B. N. Chicherin's metaphysics. The author reconstructs the basic principles of Chicherin's metaphysics. It is shown that according to Chicherin, logical development of the rational categories coincides with the historical development of philosophy. History of philosophy turns out to be a progressive process of expression of the absolute. Ancient philosophy shows the full range of the categories. Chicherin understands modern philosophy to analogous to the ancient one. The article shows the ties of the Chicherin's philosophy of the history of philosophy with his metaphysics. The author proposes the table schematically representing Chicherin's understanding of the history of philosophy.

Keywords: Chicherin, liberalism, metaphysics, history of philosophy, Hegelianism.

АСТРАХАНЦЕВА ЮННА ЮЛИАНОВНА, Санкт-Петербургский
государственный университет, Институт философии, магистрант

ПЕРСПЕКТИВА В «КАРТИНАХ»
ФИЛОСТРАТА СТАРШЕГО

Проходят годы, а споры вокруг «Картин» Филострата до сих пор не утихают. Часть исследователей настаивает на существовании материала, который подвергся экфрасису, часть утверждает, что их никогда не существовало, а третьи склоняются к тому, что факт наличия или отсутствия совершенно не важен. Такой мысли, как правило, придерживаются сторонники философского понимания. Например, Н. В. Брагинская, которая пишет: «Нам представляется очевидным, что Филострат создавал свою книгу как художественное произведение, рассчитанное на читателя в любом конце империи, а не как памятку-конспект своей лекции в неаполитанской галерее. И независимо от того, существовала ли в неаполитанском предместье галерея или нет, в книге разумно

искать упорядоченности литературной композиции, а не музейной экспозиции»¹. И все-таки, несмотря на то, что нюансы композиционного построения описываемых картин и не несут ключевого значения для философского восприятия текста, эти до их пор не разгаданные моменты будоражат исследовательскую мысль.

Таким интересным нюансом в картинах, описываемых древнегреческим писателем, является наличие перспективы. Сложно говорить о перспективе в «Картинах» Филострата, учитывая, что даже композиционное построение субъектов на картинах приходится додумывать. Однако можно было бы обойти стороной этот вопрос, если бы сам Филострат не делал бы акцента на вопросе перспективы. Так, впервые уточнение Филостратом того, где и как расположена перспектива, встречается в картине № 4 под названием «Менекей». Филострат подчеркивает мастерство изображения осады Фив следующим образом. «Умно и красиво составил художник план этой картины: он окружил стены города вооруженными воинами; он даёт возможность видеть одних вполне, у других не видно лишь ног, третьи видны лишь до пояса, а дальше — до груди, затем видны только головы, шлемы и копья. Это, о мальчик, называется перспективою, законами соотношения: уходя с соответственным кругом предметов всё дальше, глаза должны воспринимать этот обман зрения»². Соответствует ли это понимание перспективы современному? Ибо как нам понять, подразумевается ли под перспективой именно то, что понимаем мы в современное время? Б. Виппер пишет, что задача перспективы в создании для зрителя условий восприятия предметов, как в реальном пространстве. Более чем, он прописывает следующее: «Все масштабы предметов по мере удаления от зрителя уменьшаются; предметы, находящиеся один за другим, скрывают друг друга (пересечение). Все линии, удаляющиеся от плоскости картины, сокращаются (ракурс)»³. Ключевое понятие в определении перспективы в трактовке Филострата

¹ Брагинская Н. В. О композиции «Картин» Филострата Старшего. Электронный ресурс: <http://www.philology.ru/literature3/braginskaya-81.htm>

² Филострат Ст. Картины. 1936. М.: ОГИЗ ИЗОГИЗ. С. 26.

³ Виппер Б. В. Введение в историческое изучение искусства. М: Изобраз. искусство, 1985. С. 174.

и в трактовке Б. Виппера является удалением. Следовательно, под перспективой в обоих источниках понимается похожее явление. Отталкиваясь от этого, можно прийти к выводу, что, как минимум, одна из картин, описываемых Филостратом, обладала перспективой в нашем понимании.

В современном искусствознании принято считать, что перспектива сформировалась в эпохе Возрождения. Отсюда встает вопрос, была ли перспектива в картинах Филострата такой же, как в поздних картинах Возрождения, была ли она похожа на подобие перспективы живописи Интернациональной готики или же вообще была иной? Вопрос, ответ на который, пожалуй, можно только предполагать. Однако, для того, чтобы удостовериться, что перспектива была не только на одной из картин, попробуем найти еще примеры. Так, могла бы стать отличным примером картина «Вакханки». Сначала автор описывает действие вакханок: «А вот это сосна, что лежит на земле, по воле Диониса, трудное дело вакханок. Упала она, скинув с себя Пенфея на волю вакханок, принявших его за льва. Они рвут на части эту добычу охоты...»⁴. Потом автор описывает Диониса: «Сам Дионис стоит на возвышенном месте, смотря на всё это, лицо его полно гнева, и «жалом святого безумия» он еще более приводит в иступление женщин...»⁵. Возможно в этой картине между местом, где находятся вакханки и возвышенностью, на которой стоит Дионис, заметно расстояние, уходящее вдаль. Это было бы логично, ведь вакханки описаны более подробно, а, значит, они более проработаны художником, значит, они на переднем плане. Дионис же, возможно, стоит где-то позади на возвышенности. Однако он находится на таком плане, что зрители все-таки могут увидеть его лицо, которое «полно гнева». Сложность в том, что это лишь наше предположение, так как сам Филострат это не поясняет. Именно поэтому существует вероятность того, что все герои картины находятся на одной линии или же на одной картине размещено, будто несколько кадров, подобно «Изгнанию из рая», созданного во времени интернациональной готики. Стоит отметить, что подобные описания совершенно разных мест: возвышенность и плоская земля, пещера у горы и Олимп,

⁴ Филострат Ст. Картины. М.: ОГИЗ ИЗОГИЗ, 1936. С. 43.

⁵ Там же.

встречаются во многих картинах автора, однако, пояснения в перспективе ли они, отсутствуют. По крайней мере во всей первой части больше таких нет.

Во второй части книги возможно наличие четко обозначенной перспективы в картине № 12 «Пиндар». Можно сделать такой вывод по тому, как подробно описываются Филостратом пчелы, которые, по его словам, очень подробно прописаны. Кроме того, на картине присутствуют и другие персонажи, в частности нимфы, однако их черты лица, в отличие от хоботков пчел, не поддаются подробной характеристике. «Ты видишь ясно их хоботок, лапки, крылья, цвет их тельца; и всё это нарисовано не мимоходом, не кое-как, ибо разнообразием красок картина передает всё так, как бывает в природе»⁶. Но опять, как и в других примерах, нет однозначного указания на то, что другие персонажи изображены в перспективе. Во второй части также нет картины, где Филострат бы сделал акцент на её существовании.

Возможно, перспектива действительно существует на многих описываемых картинах, но акцент был сделан только на её наличии в самом начале в «Менекее», чтобы обозначить, что она была, или чтобы объяснить мальчику, которому дается «экскурсия», что это за удивительное явление, когда, уходя дальше, глаза воспринимают обман зрения. В любом случае, существовала ли перспектива в картинах Филострата или нет, главное, что нам дает этот источник — пример блестяще построенного экфрасиса. Как пишет Н. В. Брагинская: «Простой и очевидный факт, что в книге ничего, кроме Предисловия и 65 описаний отдельных картин, нет и что книгу поэтому невозможно отнести ни к какому известному жанру, заявляет о том, что создан новый жанр»⁷.

Вопрос остается открытым, как и существование картин, однако, в данном случае, характер описания различных сюжетов все-таки склоняет в сторону проявления перспективы.

Список использованных источников:

1. Брагинская Н. В. Генезис «Картин» Филострата Старшего.
URL: http://ivka.rsuh.ru/binary/2628603_96.1367757444.37331.rtf

⁶ Там же, с. 75.

⁷ Брагинская Н. В. Генезис «Картин» Филострата Старшего.
URL: http://ivka.rsuh.ru/binary/2628603_96.1367757444.37331.rtf

2. Брагинская Н. В. О композиции «Картин» Филострата Старшего. Электронный ресурс: <http://www.philology.ru/literature3/braginskaya-81.htm>

3. Виппер Б. Р. Введение в историческое изучение искусства / Б. Р. Виппер. М: Изобраз. искусство, 1985. 288 с.

4. Филострат Ст., Картины / Филострат ст. М.: ОГИЗ ИЗОГИЗ, 1936. 192 с.

АНИКИНА ЕЛИЗАВЕТА ЮРЬЕВНА, Русская
христианская гуманитарная академия, студент

РАССУЖДЕНИЯ О *DAEMON PAREDROS*.

ОТ ПЛАТОНА — К ИРАНСКОМУ
СУФИЗМУ, ОТ БИБЛИИ И АПУЛЕЯ —
К ФЛОРЕНТИЙСКОМУ РЕНЕССАНСУ

Аннотация: Французский философ, исламовед Анри Корбен в своей книге «Световой человек в иранском суфизме» приводит пример рассуждений у Платона о *daemon paredros*, проводя многочисленные параллели в раскрытии этой темы в различных религиозно-философских традициях Востока и Запада.

В том числе Корбен упоминает сюжет из «Книги Товита» о Товии и ангеле, который, в свою очередь, нашёл отражение в искусстве Флорентийского Ренессанса. Сходный Корбену взгляд на символический смысл сюжета о Товии высказывает историк искусства, бывший сотрудник и директор «Института Варбурга» в Лондоне Эрнст Гомбрих. Также Гомбрих предлагает интересную и созвучную, с точки зрения основной темы доклада, гипотезу, раскрывающую скрытый в картине Боттичелли «Весна» философский посыл. Не случайно в XIX веке эта работа носила название «Суд Париса».

В докладе также предполагается рассмотрение образцов восточного изобразительного искусства, отображающих тему *daemon paredros*.

Ключевые слова: *daemon paredros*, ангел, свет, человек, душа, путь, Платон, Плотин, Апулей, Анри Корбен, Эрнст Гомбрих, картина, сюжет, традиция, неоплатонизм, суфизм, христианство.

ELISABETH ANIKINA, Russian Christian Academy
for the Humanities, St Petersburg, student

REASONING ABOUT *DAEMON PAREDROS*. FROM
PLATO TO IRANIAN SUFISM, FROM THE BIBLE AND
APULEIUS TO THE FLORENTINE RENAISSANCE

Summary: French philosopher, theologian and iranologist Henry Corbin in his book “The Man of Light in Iranian Sufism” apply to Plato and his reasoning about *daemon paredros*, comparing to an extension this theme in the religious-philosophical traditions of the East and of the West.

Also, Corbin gives an example from the Book of Tobit, concerning the story about Tobias and Angel. This subject was very popular in the period of the Florentine Renaissance. Other researcher and art historian, (who during his life was a member “The Warburg Institute” in London), Ernst Gombrich like Henri Corbin tell about the symbolical sense of the subject of Tobias and Angel.

Also, Gombrich suggests one hypothesis very interesting about the secret philosophical sense of the picture of Botticelli “The Spring”, that in the XIX s. was named “The Judgement of Paris”.

At the end, we shall look at some example of the east art, reflecting the theme of Iranian Sufism and Zoroastrianism.

Keywords: *daemon paredros*, angel, light, man, soul, way, Plato, Plotinus, Apuleius, Henry Corbin, Ernst Gombrich, picture, subject, tradition, sufism, neoplatonism, christianity.

ПОПОВ ДАНИЛ СЕРГЕЕВИЧ, Санкт-Петербургский
государственный университет, Институт философии, студент

РЕАКТУАЛИЗАЦИЯ СТОИЧЕСКОГО НАРРАТИВА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ
И ПРАКСЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Аннотация: Доклад анализирует судьбы стоического философского нарратива в XX веке. В первой его половине стоическая философия часто имела негативный или откровенно превратный образ в художественной литературе (А. П. Чехов, Э. М. Ремарк, Г. Сенкевич, Т. Драйзер, Т. Уайлдер и др.); остро критиковалась по целому ряду позиций в философской среде (В. Виндельбанд, Ж. П. Сартр, Б. Рассел, А. Тойнби,

философы франкфуртской школы и др.). Во второй половине XX века возникает интерес к стоической философии не только как к моралистике, но и как к нарративу, лежащему на пересечении этики, эпистемологии и политической философии, фундаментальному для поиска возможностей практик свободы в ситуации биополитики, «общества контроля» (М. Фуко). Этот теоретический интерес сопровождается значимыми случаями обращения к стоицизму «на практике»: в условиях военного плена (случай Д. Стокдейла) или тюремного заключения (случай Б. Стиглера). Важное место занимает и интерпретация стоицизма П. Адо, который призывает освободить античные философские практики (прежде всего стоические) от сопровождающей их «мифической речи». Изучение генезиса и развития рецепций стоицизма в прошлом веке позволяет отчётливее рефлексировать характер современных интерпретаций данного феномена.

Ключевые слова: стоицизм, художественная литература, биополитика, субъект, забота о себе, эстетика существования, Чехов, Сартр, Фуко, Адо.

DANIL POPOV, St Petersburg State University,
Institute of Philosophy, student

ACTUALISATION OF THE STOIC NARRATIVE
IN THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY:
THEORETICAL AND PRAXEOLOGICAL ASPECTS

Summary: The report analyzes the fate of the Stoic philosophical narrative in the 20th century. In its first half, stoic philosophy often had a negative or blatantly distorted image in fiction (A. P. Chekhov, E. M. Remarque, H. Sienkiewicz, T. Dreiser, T. Wilder and others); it was sharply criticized for a number of positions in the philosophical quarters (W. Windelband, J. P. Sartre, B. Russell, A. Toynbee, philosophers of the Frankfurt school, etc.). In the second half of the 20th century, interest in Stoic philosophy arises: it is considered not only as a moralism, but also as a narrative, which appears at the intersection of ethics, the theory of knowledge and political thought. It is fundamental for searching of opportunities of freedom practices in a situation of biopolitics, «control society» (M. Foucault). This theoretical interest was accompanied by significant cases of resorting to Stoicism «in practice»: in conditions of military captivity (the

case of J. Stockdale) or imprisonment (the case of B. Stiegler). The interpretation of Stoicism by P. Hadot became important as well. He called for the liberation of ancient philosophical practices (primarily stoic) from the accompanying “mythical speech.” The study of the genesis and development of receptions of Stoicism in the last century makes it possible to reflect the nature of contemporary interpretations of this phenomenon more clearly.

Keywords: Stoicism, fiction, subject, biopolitics, self-caring, aesthetics of existence, J. P. Sartre, Chekhov, Hadot, Foucault

МАКОВЦЕВ ВЛАДИМИР СТАНИСЛАВОВИЧ, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии, магистр

ОРФЕЙ ИЛИ ИСТОРИЯ ОДНОГО СОМНЕНИЯ

Но хотя бы здесь мы уже можем позволить себе отказаться от назойливых вопросов о смыслах и значениях, от бесконечных поисков доказательств твердости собственного пути, — словно на этой земле мы нашли бы хотя бы тусклую тень того, кого сполна бы удовлетворили доказательства бытия Бога или неизбежности смерти, кто смог бы пройти и пару шагов, не спросив себя: «Зачем?» С этого начинается новая глава в истории мысли, но еще совсем недавно оно ничто иное, как соль на острие ножа в тяжелой руке рыцаря веры, занесенной над головой любимого сына. Текст мифа с его подвижным пространством смыслов, времени и событий свершается в акте прочтения настоящего, — перед глазами, каждого, кто уже понял, сколь безумно требовать подлинного прочтения свершившегося пути, словно под его стопами мы не отыщем собственных следов.

Возвращаясь за возлюбленной, за этим отблеском скудной тени, — или, зная, что нет выхода из этого ада, кроме попытки смирения перед ним, — находясь в бесконечном поиске своей любви, герой, едва приближаясь к цели, терпит поражение. Словно в аду, из которого на свет жизни он пытался вытащить свою любовь, мог бы быть какой-то другой исход; — вот только он живой среди теней, и не был наказан, но подобно Танталу уже познал тщетность любой надежды насытить собственный голод и тоску. Наказан на вечный поиск любви за дар оживлять пением и музыкой деревья, смирать сердца богов, и будут падать к ногам его брошенные в него камни за дар едва ли не поднимать мертвых из-под земли, за дар поэта.

И ему, стоило лишь оглянуться, досталась смутная тень в награду за путь, — если предел любого пути мыслить как неизбежный рассвет. Влажная тень, тающая каждый раз на его глазах, лишь стоит ему повернуть голову назад, и убедиться, развеять тревожные сомнения, — шагая по этой земле, что убеждает его признавать собственные следы? Все, что досталось, лишь смутный образ, тающий в призрачном воздухе, — не многие могли похвастаться хотя бы тем, что смотрели в глаза Аиду: откровение свершается сейчас. Тень, которую и до этого он готов был сжимать в своих тяжелых объятиях, не замечая за ней присутствия смерти.

Хочет Орфей обнять тень Эвридики, но остановил его бог Гермес, сказав:

— Орфей, ведь ты обнимаешь лишь тень. Пойдем скорее; труден наш путь [1].

Что он мог знать о ней, если принимает ее холодную тень за нее саму? Что она ему, если его плач оказывается целью всего пути, и кроме того — ничто.

Так тает бывшее очарование великой возлюбленной, — перед его взором лишь горсть серой пыли, лишь пепел, оставшийся от поглощенных огнем слов, и больше того — ничего, и кроме того — ничто. *Как обстоит дело с этим ничто?* Но он еще не готов преодолеть ни собственную надежду, ни отчаянье, сквозящее в каждом его взгляде, в каждом шаге по этой дороге, навстречу призрачной тени, возлюбленной Эвридики. И потому готов вновь и вновь спускаться в Царство теней, вновь и вновь призывать своей лирой к милости богов. Обвинить его в нетерпении — значит вновь пройти мимо искомого выхода, и оказаться перед лицом отпечатков собственных ступней, и не признать в них ни своего голоса, ни своей отчаянной немоты. Найти смысл его сомнения — значит пройти мимо искомого вопроса о поисках человека, поскольку он только и возможен быть явленным в бесконечном риске. И разве ему, подобно последнему пророку ушедшей эпохи, не было известно, чтоб мы могли довольствоваться подобным ответом: «Опасно прохождение, опасно быть в пути, опасен взор, обращенный назад, опасны страх и остановка»? [2]

В самом деле, проделав путь достойный любого пророка, — и он по праву пророк, — и видя свет рассвета впереди, и чувствуя в груди своей тревожный зов, что ему стоило вырваться из едва

ли не утратившей силы таинственной ночи загробного мира? (Здесь же заметим, что, зная об условности и шаткости границ любого начала, кроме начала собственно мира, рассвет оказывается пределом пути, а вовсе не отправной точкой во времени). Полшага вперед. Стало быть, боги вновь надсмехаются над дерзнувшим нарушить предначертанный свыше, и даже не ими установленный ход вещей, судеб и событий.

У Платона в диалоге «Пир» мы так же находим указание на это мгновение, и как на нечто должное быть:

«Боги тоже высоко чтут преданность в любви. Зато Орфея, сына Эагра, они спровадили из Аида ни с чем и показали ему лишь призрак жены, за которой тот явился, но не выдали ее самой, сочтя, что он, как кифаред, слишком изнежен, если не отважился, как Алкестида, из-за любви умереть, а умудрился пробраться в Аид живым. Поэтому и боги наказали его, сделав так, что он погиб от рук женщин» [3].

И мудрец ослепляет себя, разочаровавшись в открытости явленного взору мира. И даже сладкая лира не в состоянии пробить стены сомнений. Он оглянулся перед самым рассветом, а стало быть усомнился в подлинности реальности ее любви, ее живого дыхания, идущей следом за ним — и ни в чем ином. И, как и любое сомнение, исток его собственное сердце. Не выдерживая тяжести напряжения, — непосильная ноша даже для смотревших в черные глаза Аиду, — мысль тает в туманном воздухе предрассветного часа. С первыми лучами солнца он обнаружит в себе пустоту, не способную теперь заполниться ни новой надеждой, ни отчаянной мольбой.

«Ему пришлось пережить вторичную смерть Эвридики, и виновником этой второй смерти был он сам» [4].

Все, что ему остается, так протянуть руку и в слепоте нащупать в очередной раз собственное присутствие на пустынном берегу. И это было время, когда мир еще не знал ни о любви, ни о вере, ни о губительности надежды, вырывающей человека из тишины присутствия, из недолжного быть в неясность грядущего, в то, что только и может иметь очертания в воображении мышления. Но сомнение уже крушило любые попытки человеческой мысли приблизиться к божественному порядку истин и быть мерилом собственному пути.

Примечания

1. Н. А. Кун. Мифы и легенды Древней Греции. М., 1957. С. 201.

2. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Сочинения. Т. 2. С. 9.
3. Платон. Пир. 179d.
4. Н. А. Кун. Мифы и легенды Древней Греции. М., 1957. С. 202.

СПИРИДОНОВА ЛИДИЯ ВАЛЕНТИНОВНА, Русская христианская гуманитарная академия, канд. историч. наук
КУРБАНОВ АНДРЕЙ ВИКТОРОВИЧ, Русская христианская гуманитарная академия, канд. историч. наук

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ АНЕСТЕЗИИ В ГРЕЧЕСКОЙ МЫСЛИ*

Аннотация: Греческое слово «анестезия» (ἀναισθησία) вошло в лексикон различных языков мира во второй половине XIX в. в качестве медицинского термина, который сегодня обозначает нечувствительность к боли и тактильным ощущениям, позволяющую проводить болезненные операции. Однако, изначальное философское значение этого термина ещё не было рассмотрено и проанализировано. В этом докладе мы исследуем этимологические, лингвистические, философские, богословские и литературные аспекты этого термина в греческой мысли.

Ключевые слова: анестезия, «Филеб» Платона, Ориген, Евagriй Понтийский, Иоанн Лествичник.

LYDIA SPYRIDONOVA, Russian Christian Academy for the Humanities, St Petersburg, CSc in History
ANDREY KURBANOV, Russian Christian Academy for the Humanities, St Petersburg, CSc in History

PERCEPTION OF ANAESTHESIA IN THE GREEK THOUGHT

Keywords: anaesthesia, Plato's *Philebus*, Origen, Evagrius of Pontus, John Climacus.

The Greek word *anaesthesia* (ἀναισθησία) has passed as a loanword into many languages and introduced into the scientific from the 2nd

* This paper is part of the research project 18-011-00669 funded by the Russian Foundation for Basic Research. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00669.

half of the XIXth century onwards. Today, it defines the insensibility to pain and other sensation, induced to permit the performance of painful procedures, but the original philosophical meaning of this term has not been analyzed yet. In this communication, we will examine the etymological, linguistic, philosophical, theological and literary aspects of this word in the Greek thought.

Anaesthesia is derived from the adjective ἀναίσθητος, which, in turn, is a compound word consisting of ἀν privative and αἴσθησις (perception). It is important, that the Greek concept of αἴσθησις, particularly of Plato, includes not only the physical senses but also an endless list of mental states and conditions—including, notably, such intentional states as desire and fear (156b).

Plato, in *Philebus*, discussing perception and memory, uses the word *anaesthesia* with a philosophical meaning as the oblivion of the soul from the mental representations of senses of the body (34a), and hence *anaesthesia* is unawareness. The term *anaesthesia* was traditionally used by Aristotle to mean insensibility to pleasure or pain; in the *Ethics*, he describes *anaesthesia* as a state between ἀκολασία (profligacy) and σωφροσύνη (temperance) (1221a.2); he stated, that *akolasia*, or excess of feeling, is more opposed to *sophrosyne*, or moderation in sensual desires, than is *anaesthesia* (1109a.1–5).

In order to get a good view of the patristic period, the usage of this term may be divided into two opposite ways. On the one hand, *anaesthesia* is a concept with a strong negative connotation, such as a state nature that is deaf and insensible to higher truths. For Origen, God made man a living soul, but sin makes man an insensible soul and, in fact, dead (Contra Celsum, lib. III, 43, 75; VIII, 20; II, 20; In Jeremiam, hom. VI, §2.21; Dialogus cum Heraclide, 5, 22; etc). Evagrius even observes that *anaesthesia* is a demonic obstacle to both *empathia* and *apatheia* (Capita, 80 π'). This subject was also taken up by John Climacus, who dedicated the XVIII step of his *Ladder of Divine Ascent* to *anaesthesia* that is the deadening of spiritual feelings and the death of the human soul (cap. 18, col. 932.1–6).

On the other hand, the Christian writers often speak about the perfect *anaesthesia* (τελεία ἀναισθησία) that is a positive one. Gregory of Nyssa attributes it to the impassibility of the Christian martyrs (In Canticum canticorum (hom. 15), vol.6, p. 312.6); these martyrs were not insensible but merely unaffected by pain. John Climacus

maintains that “truly blessed is he who has acquired perfect *anaesthesia* to everybody and colour and beauty” (cap. 15, col. 881.14–16). Therefore, the perfect *anaesthesia*, according to the Christian writers, is indeed unresponsiveness to the senses of the human body, but not that of the soul.

ВОРОБЬЕВ ВАЛЕРИЙ, Русская христианская гуманитарная академия, канд. филос. наук

АЛЕКСАНДРИЙСКИЕ НЕОПЛАТОНИКИ
КОММЕНТИРУЮТ АРИСТОТЕЛЯ*

Аннотация: В докладе будет приведен перевод и анализ комментариев, имеющихся в известном издании корпуса греческих комментариев *Commentaria in Aristotelem Graeca*, некоторых представителей школы александрийских неоплатоников на 9 главу «Об истолковании» Аристотеля.

Ключевые слова: неоплатонизм, Александрийская школа, Аммоний, Стефан, Боэций, божественное предвидение.

VALERY VOROBYEV, Russian Christian Academy for the Humanities, St Petersburg, CSc in Philosophy

ALEXANDRIAN NEOPLATONIC PHILOSOPHERS
COMMENT ARISTOTLE'S WORKS

Summary: The paper presents translation and analysis of the commentaries of some Alexandrian Neoplatonic school representatives on Aristotle's Chapter 9 of «De Interpretatione» that are contained in the well-known corpus of Ancient Greek commentaries (CAG).

Keywords: Neoplatonism, Alexandrian school, Ammonius, Stephanus, Boethius, foreknowledge of God.

Неоплатонизм, возникший еще в III веке, постепенно (к V в.) стал основным философским направлением в Византии. Это было

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00669. This paper is part of the research project 18-011-00669 funded by the Russian Foundation for Basic Research.

комплексное (объединяющее в себе несколько составляющих) учение. Главным образом, неоплатоники попытались объединить идеи двух наиболее выдающихся авторов античности — Платона и Аристотеля. При этом аристотелевская логика считалась введением и инструментом понимания философии Платона. Важно было также согласовать результаты, получившиеся как следствие подобного синкретизма, с религиозной (христианской) идеологией, которая стала уже не только официальной и господствующей, но после 529 года формально единственной. Тем не менее, преподавание велось в соответствии с прежними (в принципе «языческими») образцами, и знание логики Аристотеля считалось весьма полезным и широко использовалось отцами церкви.

В Александрии, еще со времен эллинизма бывшей одним из столпов античного образования и науки, к концу V века сформировалась известная неоплатоническая школа — Аммоний Гермий (435/445–517-526 гг.) и его многочисленные ученики, среди последователей которых выделяется Стефан (вт. Половина VI — нач. VII в.). И Аммоний, и Стефан комментировали «Об истолковании», в частности знаменитую 9 главу. В предлагаемом докладе будут приведены и проанализированы эти комментарии, сделан вывод, что древние авторы поддерживают так называемую традиционную интерпретацию 9 главы, а именно, что Аристотель не считал «сегодня истинными» высказывания о «завтрашнем морском сражении». Будет проведено также сравнение взглядов Аммония и Боэция (480-525) на эту тему с целью установить возможность взаимовлияния, а также сделан вывод, что сходство в достаточной степени объясняется наличием у текстов данных авторов общих источников. Также будут рассмотрены те аспекты комментариев, где Аммоний и Стефан излагают темы, которых Аристотель впрямую не касался. Речь идет о так называемом «божественном всеведении» (или, пользуясь другими терминами, «теологическом фатализме»), что для мыслителей, приверженных христианской идеологии было одной из очень острых и, в определенном смысле, имеющей чисто практическое измерение темой.

Ноговицин Олег Николаевич, Институт
социологии Российской академии наук, старший
научный сотрудник, доцент, канд. филос. наук

ВОПРОС О ЕДИНСТВЕ ПОНЯТИЯ
СУЩЕГО В ТРАКТАТЕ ГЕОРГИЯ ГЕМИСТА
ПЛИФОНА «О ТОМ, ЧЕМ РАЗЛИЧАЮТСЯ
ПЛАТОН И АРИСТОТЕЛЬ»

Доклад посвящен анализу аргументации Георгия Гемиста Плифона относительно вопроса о единстве понятия сущего, предложенной им в трактате «О том, чем различаются Платон и Аристотель». Привлекается также аргументация Плифона в трактате «Против сочинения Схолария в защиту Аристотеля», написанном в качестве ответа на возражения Георгия Схолария к первому трактату Плифона. Данный ключевой онтологический вопрос Плифон рассматривает исходя из противоположности между позицией Аристотеля, утверждавшего, что сущее сказывается омонимично (в различных смыслах), и позицией Платона, которого Плифон рассматривает в качестве главного автора, поддерживавшего мнение о единстве понятия бытия — сущее сказывается синонимично (в единственном смысле). Для Плифона эта синонимия есть следствие креационистской установки: Бог есть творец всякого сущего, и в этом смысле порядок творения в его родо-видовых связях обладает принципиальным единством упорядоченного в замысле всего сотворенного целого частей. Аристотель, напротив, исходит из понятия о Боге, как принципе согласования множества самостоятельного по своей сущности сущего. Собственная аргументация Плифона строится на попытке критики Аристотеля понятийными средствами учения самого Аристотеля. И хотя данное обстоятельство обусловлено философской школой Плифона, т. е. школьной традицией неоплатонических комментариев к Аристотелю, Плифон не подгоняет понятия Аристотеля под учение Платона, но дает в своем трактате образец оригинального обращения смыслового содержания некоторых из них, что позволяет Плифону использовать эти понятия в полемике с самим Аристотелем и его последователями среди ученых христиан.

OLEG NOGOVITSIN, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Senior Researcher, CSc in Philosophy, Associate Professor

THE QUESTION OF THE UNITY OF BEING IN THE
TREATISE “ON THE DIFFERENCE BETWEEN PLATO
AND ARISTOTLE” BY GEORGE GEMISTOS PLETHON

The paper is dedicated to analysis of the rationale George Gemistos Plethon puts forth in regard of the unity of the concept of essence in his treatise “On the difference between Plato and Aristotle”. The arguments of Plethon from the treatise “Against the writing of Scholarios in defense of Aristotle”, which was written in response to George Scholarios’ objections to the first Plethon’s treatise, are joined hereto as well. Plethon considers the key ontological issue on the basis of the difference between Aristotle’s position, who affirmed the being to be spoken out as a predicate in homonymic way (in different senses) and Plato’s view, whom Plethon reckons as the core supporter of the thesis on the unity of being, that the being is spoken out as a predicate in a synonymic way (in a single sense). For Plethon, such synonymy appears a consequence of creationist directive that God is a creator of all being, thus the order of creation in its genus and species ties contains principal unity of the regularized within the design of all the created whole of parts. On the contrary, Aristotle proceeds from the concept of God as a principle of arranging the multitude of the self-substantiated being. The Plethon’s own discourse is set on an attempt to criticize Aristotle by the conceptual means of the very Aristotle’s doctrine. And although this is determined by the scholarly tradition of Neo-Platonist comments on Aristotle which has prevailed in the philosophical school of Plethon, he does not accommodate Aristotle’s notions to Plato’s teaching. He rather provides in his treatise a specimen of how to originally treat the conceptual content of some of them, which allows Plethon to apply these concepts in polemics with Aristotle himself and his followers among the learned Christians.

ВАРАМОВА МАРИЯ НИКОЛАЕВНА, независимый
исследователь, канд. филос. наук

ПРИРОДА ЖИВОГО У СИМПЛИКИЯ

Аннотация: Живое тело — это одушевленное органическое тело, которое имеет источник своего движения в себе самом. Аристотель понимал природу живого довольно широко

и рассматривал душу как природную причину, не отделенную от тела, а науку о душе включал в ряд наук о природе. Симпликий в свои комментарии на «Физику» выделяет два источника движения живого тела: природу и душу, и утверждает, что природа и душа являются причинами различных движений. Однако, можно ли говорить о природе органического тела как отдельной причине его движений? Ведь жизнь тела есть действительность его души, а значит, душа и должна быть действительностью и причиной движения каждого органа и всего тела в целом. Что Симпликий понимает под природой, которая должна быть отдельным источником движения? Причиной каких движений может быть природа? И как природа живого подвижного тела соотносится с его энтелехией — то есть с душой? В этом докладе я попытаюсь ответить на эти вопросы через рассмотрение двух традиционных примеров, которые разбирает Симпликий: пример кормчего и корабля, который используется для разъяснения того, как душа движет тело, и движение марионеток (автоматов) как пример развития эмбриона. Я буду опираться на комментарий Симпликия к «Физике» 2.1-3 и комментарий Пс. Симпликия (Прискиана?) к «О душе» 2.1-4.

MARIA VARLAMOVA, independent scholar, CSc in Philosophy

NATURE OF LIVING BODY IN SIMPLICIUS

Summary: The living body is an animate organic body which has the source of its movement in itself. Aristotle understands the nature of a living body quite broadly and considers the soul a natural cause which is inseparable from the body, and consequently he regards the knowledge of the soul as one of the natural sciences. Simplicius distinguishes in his commentaries on Aristotle's *Physics* two principles of the movement of a living body: nature and soul, and claims that nature and soul are the causes of the different movements. The question is however if one can plausibly take the nature of the organic body as the distinct cause of its movements? Indeed, the life of the body is the actuality of its soul, therefore, the soul precisely should be actuality and the cause of the movement of any organ and of the whole body as well. What is exactly the concept of nature in Simplicius, if nature should be conceived as some distinct source of movement? Which movements can this

nature be the cause of? What is the relation between the nature of living mobile body and its *entelecheia*, i. e. its soul?

In my report I try to give some answers to these questions through consideration of two famous traditional examples that Simplicius himself analyzes in his commentaries: the example of helmsman and ship which was traditionally used to explicate the way soul moves the body; and the second example of movement of marionettes (mechanical puppets) used to explain the development of an embryo. I'll draw on the texts from Commentary on *Physics* II, 1-3 by Simplicius and from commentary to *On Soul* II, 1-4 by Ps.-Simplicius (Priscian?).

СЕМИКОЛЕННЫХ МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА, Социологический институт Российской академии наук, Центр изучения зон культурного отчуждения и пограничья, ассоциированный научный сотрудник, канд. культурологии

ПЕРВЫЙ ПЕРЕВОД «ЗАКОНОВ» ПЛАТОНА
НА ЛАТЫНЬ И ЕГО КРИТИЧЕСКИЙ
РАЗБОР В *IN CALUMNIATOREM PLATONIS*
ВИССАРИОНА НИКЕЙСКОГО*

Аннотация: Доклад представляет собой анализ фрагментов первого перевода «Законов» Платона на латынь, выполненного Георгием Трапезундским, в сопоставлении с их критическим разбором в сочинении Виссариона Никейского «Против клеветника на Платона».

Ключевые слова: Платон, «Законы», перевод, Георгий Трапезундский, Виссарион Никейский.

Византийские учёные, перебравшиеся на Запад по собственной воле или неохотно оставившие родину, спасаясь от турецких завоевателей, представлялись их коллегам-латинянам хранителями античного наследия, способными поделиться доселе недоступными богатствами эллинской мудрости: они преподавали греческий язык, давая гуманистам возможность напрямую приобщиться к литературе Античности, и самым активным образом занимались переводом произведений греческих писателей на латынь. Одним из таких учёных мужей был и Георгий Трапезундский

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00669.

(1395-1471/72), в 1427 году открывший в Венеции частную школу и продолживший давать уроки во Флоренции, Риме и Неаполе. Как переводчик Георгий был весьма плодovit: среди его переводов «Альмагест» Птолемея, гомилии Иоанна Златоуста, «Евангельское приуготовление» Евсевия Кессарийского, сочинения Кирилла Александрийского, Василия Великого, Григория Нисского, Гермогена и Аристотеля. Переводил он и Платона: диалоги «Горгий», «Парменид» (для Николая Кузанского) и «Законы» (по заказу покровительствовавшего ему папы Николая V). Сделанный им критический разбор выполненного Теодором Газой перевода аристотелевских *Problemata* показывает, что Георгий не был сторонником свободного перевода: он настаивал, что тексты научные, для которых важна точность в употреблении технических терминов, следует переводить как можно ближе к оригиналу, даже поступаясь для этого стилем.

Хотя Георгий и был опытным и авторитетным переводчиком, он, по-видимому, часто работал в спешке и несколько небрежно, что становилось причиной конфликтов: так, он был обвинён в том, что в своём неудачном переводе «Альмагеста» (который вскоре был повторно переведён немецким астрономом Иоганном Мюллером) использовал комментарий Теона Александрийского, ни разу на него не сославшись, что, вероятно, стало одной из причин потери им места при курии. Мишенью для критики стал и его перевод «Законов» Платона: Виссарион Никейский посвятил пятую книгу своего сочинения *In Calumniatorem Platonis* подробному разбору ошибок, допущенных Георгием при переводе платоновских «Законов», приводя каждый раз сначала греческий оригинал, затем — перевод Георгия, а потом — свой перевод с комментариями и исправлениями. Выявленные Виссарионом ошибки кажутся слишком нарочитыми и грубыми для переводчика с репутацией Георгия Трапезундского (даже если учесть, что иногда он бывал неаккуратен). По мнению американского исследователя Джеймса Хэнкинса, они были допущены Георгием намеренно, с целью очернить Платона.

В докладе мне бы хотелось рассмотреть вторую главу пятой книги *In Calumniatorem Platonis* (где Виссарион разбирает 41 грубую ошибку, допущенную переводчиком) в сопоставлении с первой книгой перевода «Законов», выполненного Георгием

Трапезундским (Urb. Lat. 228). Это позволит, с одной стороны, составить представление о том, какой образ философа древности мог складываться у тех, кто знакомился с ним по переводу Георгия, а с другой — может оказаться интересным в контексте ренессансных дискуссий о теории и практике перевода.

MARIA SEMIKOLENNYKH, The Sociological institute of the Russian Academy of Science, The Research Center for Cultural Exclusion and Frontier Zones, associate research fellow, CSc in Culturology

THE FIRST LATIN TRANSLATION OF PLATO'S *LAWS*
AND ITS CRITICAL REVIEW IN BASILIOS
BESSARION'S *IN CALUMNIATOREM PLATONIS*

Summary: The paper is devoted to the analysis of several fragments from the first Latin translation of Plato's *Laws* (by George of Trebizond) and their comparison to the critical review of this translation in Basilios Bessarion's *In Calumniatorem Platonis*.

Keywords: Plato, the *Laws*, translation, George of Trebizond, Basilios Bessarion.

Latin scholars regarded their Byzantine colleagues, who went to the West of their own accord or reluctantly abandoned their homeland while escaping from the Turkish conquerors, as guardians of the ancient heritage, who were able to share the hitherto inaccessible treasures of Hellenic wisdom. They taught the Greek language, which gave humanists the opportunity to directly enjoy the literature of Antiquity, and most actively engaged in the translation of the works of Greek writers into Latin. One of these learned men was George of Trebizond (1395-1471 / 72), who in 1427 opened a private grammar school in Venice and throughout his life continued to give lessons in Florence, Rome, and Naples. George was a very prolific translator: he translated from Greek into Latin Ptolemy's *Almagest*, some homilies by John Chrysostom, *Praeparatio Evangelica* by Eusebius of Caesarea, the treatises by Cyril of Alexandria, Basil the Great, Gregory of Nyssa, Hermogenes, and Aristotle. He also translated Plato's dialogues: *Gorgias*, *Parmenides* (for Nicholas of Cusa), and *Laws* (this translation was commissioned by the Pope Nicholas V, who patronized George). His critical analysis of Theodore Gaza's translation of *Problemata* by Aristotle shows that George was not an admirer of freer forms of translation close to a traditional rhetorical genre of *imitatio*: he insisted that a translator

of scholarly texts should pay great attention to the use of technical terms and, thus, translate as close as to the original as possible, even at the expense of style.

George was an experienced and authoritative translator, but he, apparently, often worked in a hurry and was somewhat negligent, which caused conflicts: for example, he was accused that in his unsuccessful translation of *Almagest* (which was soon re-translated by a German astronomer Johannes Müller von Königsberg) he had used the comments of Theon of Alexandria without mentioning the source. That probably was one of the reasons why George lost his place in the papal curia. His translation of Plato's *Laws* became another target for criticism: Basilios Bessarion devoted the fifth book of his *In Calumniatorem Platonis* to a detailed analysis of the mistakes made by George in the translation. In each case, Bessarion at first gives the original Greek phrase, then George's translation, and after that his own translation with commentaries and corrections. George's errors revealed by Bessarion seem too deliberate and rude for a translator with the reputation of George of Trebizond (even given that sometimes he was sloppy). According to an American researcher James Hankins, these errors were made intentionally, with the intention to blacken Plato.

In the paper, I would like to consider some fragments of *In Calumniatorem Platonis* (V:1-2, where Bessarion analyzes 41 gross mistakes made by George of Trebizond) in comparison with the first book of the *Laws* in George's translation (Urb. Lat., 228). This, hopefully, will allow, on the one hand, to comprehend the image of the ancient philosopher shaped by George's translation, and, on the other, may be interesting in the context of the Renaissance discussions on the theory and practice of translation.

МАКОВЕЦКИЙ ЕВГЕНИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт философии, профессор, доктор филос. наук

ЭКФРАСИС ТЕЛА В РАННЕВИЗАНТИЙСКИХ
ПЛАТОНОВСКИХ ДИАЛОГАХ*

Аннотация: В докладе рассматриваются классическая и ранневизантийская модели экфрасиса тела. Основная

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00669.

особенность ранневизантийской модели состоит в том, что в её рамках оказывается возможным экфрасис невидимого: описание зачатия и воскресения.

Ключевые слова: ранневизантийская литература, византийский платоновский диалог, экфрасис тела, Мефодий Патарский, Григорий Нисский.

Цель нашего доклада состоит в том, чтобы выявить специфику описания тела в ранневизантийском платоновском диалоге. Важно, кроме того, понять, почему именно так, а не иначе, изображается тело в сочинениях христианских авторов. Мы разбираем экфрасисы тела, во-первых, в диалоге Мефодия Патарского «Пир десяти дев», во-вторых, в диалоге «О душе и о воскресении» Григория Нисского. Для реконструкции модели классического описания тела мы обращаемся к платоновскому «Федону» и к экфрасисам тела, представленным в «Картинах» Филострата Старшего, автора III века н. э.

В первую очередь, обращает на себя внимание, что в ранневизантийском платоновском диалоге изображается не просто и не только живое и мёртвое тело, как это было в классическом экфрасисе тела. В рассматриваемых диалогах ключевыми моментами для изображения тела являются зачатие и воскресение.

В связи с этим — и это обращает на себя внимание во вторую очередь — ранневизантийский экфрасис тела представляется крайне неотчётливым в сравнении с классическим. На наш взгляд, эта неотчётливость не может быть объяснена ничем иным, как, во-первых, спецификой описываемого материала. А во-вторых, намеренным использованием экфрасиса в качестве инструмента для описания этого специфического материала. Зачатие — это таинственный момент начала существования души и тела человека. Воскресение — это уповаемое воссоединение души и тела человека для вечной жизни. Для описания того и другого требуется экфрасис невидимого, результатом которого в первом случае является мгла, во втором — сияние.

Если условно охарактеризовать классический экфрасис тела в качестве статического, предметы и результаты которого задаются в соответствии с канонами красоты, то ранневизантийский экфрасис тела можно охарактеризовать в качестве динамического, поскольку в нём тело предстаёт в качестве динамической природы: убывающей и возрастающей. Предметом первого экфрасиса

является живое и мёртвое тело, тело красивое, тело безобразное. Предметом второго экфрасиса является зачатие, вскармливание, воскресение и т. д. Если применить эту схему для анализа экфрасисов тела, существующих в современной секулярной культуре, то обращает на себя внимание, в третью очередь, тот факт, что сейчас обе эти схемы используются паритетно.

EUGENE MAKOVETSKY, St Petersburg State University,
Institute of Philosophy, Professor, DSc in Philosophy

*ЕКPHRASIS OF BODY IN THE EARLY
BYZANTINE PLATONIC DIALOGUES*

Summary: Classical and Early Byzantine models of ekphrasis of the body are compared in the report. The distinction between these models concerns the body's image. The main feature of the Early Byzantine model of ekphrasis of the body is the ability to show something invisible, namely, Conception and Resurrection.

Keywords: Byzantine Platonic dialogues, *ekphrasis* of body, Methodius of Olympus, Gregory of Nyssa.

I attempt to represent the specifics of the description of a body in the Early Byzantine platonic dialogues. It is important to understand, besides, why the body is represented in these dialogues so and not differently. I analyze the ekphrasis of the body, first, in the dialogue Symposium, or on Virginity by Methodius of Olympus, secondly, in the dialogue On the Soul and the Resurrection by Gregory of Nyssa. For reconstruction of the model of the classical description of a body I have applied the *Phaedo* by Plato and the ekphrasis of body presented in *The Imagines* by the Elder Philostratus, the author of the 3rd century AD.

First of all, attracts attention that in the Early Byzantine platonic dialogues not only live and dead bodies are represented as it was in the classical ekphrasis of body. It is considerably that conception and resurrection are the key moments for the image of the body here.

In this regard — and it attracts attention in the second turn — Early Byzantine ekphrasis of the body is extremely vague in comparison with classical. In my opinion, this vagueness can't be explained with anything else as, first, specifics of the described material. And secondly, by intended use of the ekphrasis as the tool for the description of this specific material. Conception is the mysterious moment of the beginning

of existence of soul and body of the person. Resurrection is the reunification of soul and body of the person for eternal life. So the ekphrasis of the invisible is required for the description of that and another. But the result of the first ekphrasis is the haze and the second — radiance.

If characterize classical ekphrasis of the body as static one which objects and results are set according to beauty canon, then early Byzantine ekphrasis of the body it is possible to characterize as dynamic one because the body appears here as the dynamic nature: decreasing and increasing. A subject of the first ekphrasis is the live and dead body, a beautiful body, an ugly body. A subject of the second ekphrasis is conception, breastfeeding, resurrection etc. If to apply this scheme to the analysis of the ekphrasis of the body existing in modern secular culture — and it attracts attention in the third turn — become clear that now both of these schemes are used equally.

ТОНОЯН ЛАРИСА ГРАЧИКОВНА, Санкт-Петербургский
государственный университет, Институт
философии, доцент, канд. филос. наук

ПЛАТОНОВСКОЕ ВЛИЯНИЕ В ВИЗАНТИЙСКОЙ ЛОГИКЕ*

Аннотация: В докладе будет показано влияние неоплатонической трактовки логики на ряд мыслителей.

Ключевые слова: Платон, неоплатонизм, логика в Византии.

LARISA TONOYAN, St Petersburg State University, Institute
of Philosophy, Associate Professor, CSc in Philosophy

PLATO'S INFLUENCE IN THE BYZANTINE LOGIC

Summary: Quite a few Byzantine thinkers who dealt with logical questions, studied the philosophy of Plato and Neoplatonism. The report will show the influence of the neoplatonic interpretation of logic on a number of thinkers — Ammonius, Filopon, Mikhail Psell, Nikifor Vlemmid, and others.

Keywords: logic in Byzantium, Plato, Neoplatonism.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00669. This paper is part of the research project № 18-011-00669 funded by the Russian Foundation for Basic Research.

В рамках христианской пайдеи византийцы знакомились в обязательном порядке с логикой Аристотеля, философия же Платона не входила в этот круг общеобразовательных дисциплин. Тем не менее, распространено мнение, что в Византии склонялись больше к философии Платона, а Западной Римской империи оказался ближе Аристотель. Это, конечно, чрезмерное обобщение. В разные периоды истории и у разных мыслителей дело обстояло по-разному. Богословские споры и иные причины способствовали тому, что усиливался интерес то к философии Платона, то к философии Аристотеля. При этом в области логики как части философии у Аристотеля не было соперников: авторитет Аристотеля как логика был в Византии непоколебим. И никакие последующие логические школы не рассматривались как соперничающие с логической школой Аристотеля. Считалось, что они лишь дополняют и интерпретируют логику Аристотеля. В области образования логика продолжала играть важнейшую роль, составляя одну из семи частей средневекового образовательного канона, который, к слову сказать, начал складываться уже в философии Платона (см., например, «Государство» — VII, 522a–531c).

Что же касается логики не как учебного предмета, а как метода научного исследования, то ее роль менялась в зависимости от многих обстоятельств. Хотя логические исследования продолжались в течение всей истории Византии, но говорить о византийской логике как специфической логике нельзя, разве только в географическом смысле.

В истории логики в Византии можно выделить следующие основные периоды:

1) позднеантичный или ранневизантийский этап IV-VII вв. (Фемистий, Сириан, Прокл, Аммоний Гермий, Симпликий, Олимпиодор, Иоанн Филопон, Стефан Александрийский, Иоанн Дамаскин);

2) период византийской схоластики XI-XIII вв. (Михаил Пселл, Иоанн Италл, Феодор Продром и др., Никифор Влеммид, Мануил Оловол, Максим Плануд, Георгий Пахимер);

3) поздневизантийский этап XIV-XV вв. (Феодор Метохит, Григорий Палама, Георгий Схоларий и др.).

Основными философскими школами, в которых занимались логическими проблемами, были школы перипатетиков, стоиков

и неоплатоников. В ранневизантийский период возобладала неоплатоническая александрийская школа логики Аммония, нашедшая свое завершение в комментариях его ученика Филопона к трактатам Аристотеля. Влияние Филопона ощущается во многих логических трактатах, написанных на Востоке. Успех и широкое распространение трактатов по логике именно неоплатонической школы могут быть объяснены попыткой неоплатоников взять самое ценное в системах Платона и Аристотеля, не противопоставляя их учения. Самая известная и удачная из этих попыток принадлежала неоплатонику Порфирию, написавшему «Введение» к «Категориям» Аристотеля.

Из приведенного списка византийских мыслителей, занимавшихся логическими вопросами, многие тяготели к философии Платона, к неоплатонизму, будь это Филопон в VI в. или Михаил Пселл в XI в. Если Иоанн Дамаскини выступал против платоновского учения об идеях, то учение о предикациях Порфирия он принимал полностью. Влияние Платона сказывалось больше всего в области риторических и литературных приемов (как, например, в диалогическом построении трактата Феодора Продрома «Ксенедем», посвященного также категориям Аристотеля. Таким образом, можно заключить, что, хотя непосредственно философия Платона не влияла на логические исследования византийцев, неоплатонизм оказывал неизменное влияние на изложение логических идей.

БОГОМОЛОВ АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ, Нижегородский
государственный педагогический университет
им. К. Минина, доцент, канд. филос. наук

РЕЦЕПЦИЯ УЧЕНИЯ ГОРГИЯ О НЕБЫТИИ
В ОНТОЛОГИИ И ЭПИСТЕМОЛОГИИ
ЕДИНОГО В ФИЛОСОФИИ ПЛОТИНА

Аннотация: В рамках настоящего доклада мы обратимся к вопросу об историко-философских основаниях концепции Единого в учении Плотина. Наличие апофатических суждений при описании Единого позволяет предполагать характер историко-философской обусловленности проблемы небытия, поставленной предшествующей традицией, и учением о Едином в неоплатонизме. Автор попытается показать и обосновать

положение, согласно которому одним из историко-философских оснований концепции Единого в философии Плотина является учение Горгия о небытии.

Ключевые слова: неоплатонизм, Единое, проблема небытия, учение Горгия о небытии, Плотин.

ALEXEY BOGOMOLOV, Kozma Minin Nizhny Novgorod
State Pedagogical University — Minin University,
Associate Professor, CSc in Philosophy

THE ADOPTION OF GORGIAS' DOCTRINE OF NON-
BEING IN THE ONTOLOGY AND EPISTEMOLOGY
OF ONE IN THE PHILOSOPHY OF PLOTINUS

Summary: In the framework of this report, we turn to the question of the historical and philosophical foundations of the concept of One in the teachings of Plotinus. When describing One, there are some apophatic judgments prompting suggestions that the problem of non-being was historical-philosophical established and stated by the prior tradition and the doctrine about One in Neoplatonism. The author will try to show and substantiate the position according to which one of the historical and philosophical foundations of the concept of One in the philosophy of Plotinus is Gorgias' doctrine of non-being.

Keywords: Neoplatonism, One, the problem of non-being, Gorgias' doctrine of non-being, Plotinus.

Историко-философский анализ учения Плотина о Едином предполагает обращение к учениям предшествующих философов. Однако для истории философии как науки данная методологическая интенция, безусловно, нуждается в конкретизации, ибо вопрос об историко-философских основаниях учения Плотина один из главных в платоноведении и изучен он основательно.

Мы в своем поиске исходим из следующих посылок. Спор об онто-гносеологическом статусе Единого во многом обусловлен наличием апофатических суждений. Проблема отрицательных суждений, в свою очередь, тесно связана с гносеологическим аспектом проблемы небытия в истории философии. Исток проблемы небытия в истории античной философии — учение Парменида. Более того, известные положения философии элейта

при определенном их рассмотрении позволяют утверждать наличие и гносеологического аспекта проблемы небытия. Так, известна характеристика пути «не есть» как запрета на негативные суждения, что, впрочем, представляется спорным [1, с. 99]. Однако в предшествующей Плотину традиции наличествуют и иные концепции небытия. Историко-философская обусловленность Единого в неоплатонизме учениями предшествующих философов о небытии представляется интересной проблемой для истории философии как науки. Так, мы полагаем, что одним из историко-философских оснований концепции Единого в философии Плотина является учение Горгия о небытии.

Трансцендентность Единого, подчеркиваемая Плотиним апофатически, — ключевой аспект, который позволяет ставить вопрос: «является ли Единое небытием (ничто)?». Здесь в качестве примера можно привести известные строки из трактата «О Благе, или Едином»: «не должно называть это Единое даже Благом» [2, с. 308]. Это суждение, казалось бы, «высшая точка трансцендентности», ведь если Оно даже и не благо, то что Оно есть? По этой же причине Единое здесь максимально приближено к небытию. Однако приведенное суждение имеет и свое продолжение: Плотин указывает на то, что Единое нельзя называть лишь тем благом, которое Оно само дает. Единое, по мнению основателя неоплатонизма, является Благом, существующим «иным образом, Благом сверх иных благ» [2, с. 308]. Таким образом, Единое, с одной стороны, ускользает от какой-либо определенности, и в этом смысле являет собою трансцендирование в небытие. С другой, это трансцендирование являет собою полноту бытия: будучи удалено от всего того, что не есть Оно само, и, являясь при этом первоначалом, Оно и есть истинное бытие. Иными словами, специфика онтологии и эпистемологии Единого в философии Плотина заключается в сочетании бытия и небытия. На «небытийность» Единого указывают также и те суждения в «Эннеадах», в которых с различными коннотациями говорится о том, что Оно не есть [2, с. 301]. В этой связи и возникает предположение о том, что Единое может содержать характеристики небытия, которыми предшествующие философы, в частности, Горгий, наделяли небытие.

Согласно Сексту Эмпирику, трактат леонтийца включает в себя три главы. В них он последовательно обосновывает известные тезисы: ничто не существует; если что-то существует, то оно непостижимо; если что-то постижимо, оно невыразимо [3, с. 279-280]. Соответственно, можно предположить, что Горгий задается вопросами о существовании ничто. В самом деле, если ничто не существует, то существует ли ничто? Но, по Горгию, «ничто не существует» предполагает указание на несуществование и бытия, и небытия, и тождества бытия и небытия. Кроме того, из фрагментов, передаваемых Секстом Эмпириком, можно заключить, что Горгий стремится обосновать тезис о небытии небытия. Следующим является вопрос: «мыслимо ли небытие?». Казалось бы, ответ здесь очевиден — ничто немислимо (второй тезис триады). Но при этом Горгий преодолевает известное заблуждение Парменида, в чем, пожалуй, предвосхищает Аристотеля. Дело в том, что леонтиец полагал: «это нелепо: Сцилла, Химера и многое из не-сущего мыслится» [4 с. 76]. Иными словами, Горгий приходит к важному выводу о том, что несуществующее мыслится. Мы склонны полагать, что в этом заключается некоторое новшество для древнегреческой мысли: запрещая существование небытия, Горгий осознанно указывает на то, что несуществующее мыслимо.

К каким же выводам можно прийти, говоря об историко-философской взаимосвязи учения Горгия о небытии и Единого в философии Плотина? Во-первых, сама триада Горгия. Мы полагаем, что сам принцип противоречия при переходе от одной ступени триады к другой находит свое выражение в онтологии и эпистемологии Единого. С одной стороны, апофатические суждения, которые заставляют обращаться к вопросу об онтологическом статусе Единого, как бы указывают на то, что Единое не есть. С другой, это отрицание преодолевается самим Плотинем, ибо Единое есть первоначало. Далее, сколь бы Плотин не указывал на то, что Единое непознаваемо и невыразимо, он преодолевает и это ограничение, ибо о Едином он говорит и называет Его, по меньшей мере, Благом. Во-вторых, в триаде леонтийца прослеживается и обращение к проблеме небытия, уже хотя бы потому, что обосновывается положение о небытии небытия. Вместе с тем Горгий был, возможно, первым мыслителем, кто

осознанно указал на возможность мыслить небытие, запрещая при этом существование небытия. Можно сказать, что схожая ситуация имеет место в генологии Плотина: непреодолимая трансцендентность Единого, по сути, не позволяет определять Единое даже апофатически и здесь как раз должны были бы соблюдаться второй и третий пункты триады Горгия. Но Плотин использует и апофатические, и катафатические суждения. Следовательно, как и в воззрениях леонтийца, преодолеваются оба пункта при их наличии. Но если противоречия подобного рода в воззрениях Горгия можно объяснить просто тем, что он софист, то в онтологии и эпистемологии Единого в философии Плотина — это некая закономерность или даже методологический прием, применение которого, по нашему предположению, стало возможно, в том числе, благодаря учению Горгия.

Литература

1. Вольф М. Н. Софистика. Горгий Леонтийский: трактат «О не-сущем, или О природе» в современных интерпретациях. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2014. 249 с.

2. Плотин. Шестая эннеада. Трактаты VI-IX / Пер. с древнегреч. и послесл. Т. Г. Сидаша. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2005. 416 с.

3. Diels H. Die Fragmente Der Vorsokratiker. Berlin-Neukölln, Weidmannsche Verlagsbuchhandlung, Bd. II., 1959. 428 S.

4. Секст Эмпирик. Сочинения в 2-х т. Т. 1. М., Мысль, 1975. 399 с.

Курдыбайло Дмитрий Сергеевич, Русская христианская гуманитарная академия, научный сотрудник, канд. филос. наук

О СИМВОЛИЗМЕ В ТРАКТАТЕ ПОРФИРИЯ ТИРСКОГО «ОБ ИЗВЯЯНИЯХ»*

Аннотация: Трактат Порфирия под условным названием «Об извяяниях» сохранился лишь в виде девяти фрагментов без окончания, и во многом поэтому остаётся в тени прочих его произведений. Он посвящён истолкованию описаний

* Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-10061) в Русской христианской гуманитарной академии (Санкт-Петербург).

древнегреческих богов и типологически близок к трактату «О пещере нимф». Оба текста отличаются частым употреблением понятия «символ» и предполагают определённый тип символизма. В статье показано, что в «символических» толкованиях образов и имён богов Порфирий использует анаграмматический метод, известный по «Кратилу» Платона, соединяет его, с одной стороны, со стоической аллегорезой, а с другой стороны, основывает свой символизм в среде древнегреческой мифологии, всегда апеллируя к тому или иному древнему преданию. Отмечены элементы синтеза стоических и платонических концептов в системе взглядов Порфирия. Показана связь символизма в «Об изваяниях» с представлениями Порфирия о языке и принципах именования, высказаны предположения о степени сохранности оригинального текста трактата с точки зрения когерентности излагаемого материала.

Ключевые слова: Порфирий Тирский, «Об изваяниях», символ, миф, сперматический логос, неоплатонизм, стоицизм.

DMITRY KURDYBAYLO, Russian Christian Academy for the Humanities, St Petersburg, Research Fellow, CSc in Philosophy

ON SYMBOLISM IN PORPHYRY'S OF TYRE TREATISE *ON STATUES*

Summary: Porphyry's treatise titled *On statues* (also known as *On images* and *Peri agalmatōn*) survived in nine fragments without an ending. This is one of the reasons why it is less known and poorly studied, compared to other writings of Porphyry. *On statues* interprets verbal and visual descriptions of ancient Greek deities in a manner similar to the interpretations in *On the Cave of the Nymphs*, another work of Porphyry. Both treatises are distinguished by an unusually frequent usage of the term 'symbol,' thus introducing a certain type of symbolism. In the 'symbolical' interpretations of deities' names Porphyry extensively uses anagrams and phonetic likeness, following Plato's *Cratylus*. He combines this approach with the method of Stoic allegory and simultaneously engages the ancient Greek mythology, thus the most of Porphyry's symbols are based on centuries-old tradition. Porphyry fuses Stoic and Platonic concepts into an integral system, which is distinctively revealed

in his linguistic views, the nature of names and the principles of naming. The analysis of the treatise shows the level of the survived fragments' coherence, which allows to estimate the retention of the original Porphyry's text.

Keywords: Porphyry of Tyre, *On statues*, symbol, myth, sper-matic logos, Neoplatonism, Stoicism.

СОБОЛЬНИКОВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА, Русская христианская гуманитарная академия, доцент, канд. филос. наук

«ВЫВОДЫ О НЕВОЗМОЖНОМ»: К ПРОБЛЕМЕ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ МИСТИЧЕСКОГО ОПЫТА
В ФИЛОСОФИИ ДАМАСКИЯ ДИАДОХА

Аннотация: Одна из важнейших традиций философской интерпретации мистического опыта восходит к трудам Плотина. Его схема космоса — Единое, Ум, Душа, Материя, связанные по нисхождению эманацией, — определяет путь мистического восхождения, степени которого, в свою очередь, определяются принципом подобия микрокосма макрокосму. Основой неоплатонической традиции философской интерпретации мистического опыта становится учение Плотина об экстазе как восхождении души к Единому, где экстаз понимается как своеобразный «выход из себя» (вне — себя — бытие), достигаемый отвлечением от всего того, что Единым не является, т. е. от всего чувственно данного и умопостигаемого.

Особое значение для неоплатонической традиции философской интерпретации мистического имел способ постановки (и решения) проблемы соотношения единого и многого в аспекте проблемы бытия, что нашло яркое выражение в трудах Дамаския Диадокха. Единое Плотина получает, в трудах Дамаския, двойственную характеристику: будучи первоосновой, имманентной всякому бытию, оно в то же время остается выше всякого бытия, как трансцендентное миру простое единство. Проблема философской интерпретации заключается в том, что в качестве непричастного множественности, Единое оказывается невыразимым в понятии, то есть, находится за пределами нашего познания, более того, оно находится за пределами бытия (трансцендентно ему), поскольку прибавление предиката бытия к Единому приведет к тому, что

оно может стать двойственным. Однако, трансцендентное — это источник знания, которое в свою очередь, позволяет говорить о нем катафатически, как об иерархии сущего. Следовательно, единство приводит к необходимости вести речь о том, что превышает любую речь, а процесс философской интерпретации стремится к соответствию той «ткани» словесной реальности, в которой возникает вопрошание о первоначале всего.

БИРЮКОВ ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»-Пермь, Социологический институт Российской академии наук, ведущий научный сотрудник, доктор филос. наук, PhD

ПАЛАМИТСКИЙ КОНТЕКСТ УЧЕНИЯ О СИМВОЛЕ СВЯЩ. ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО*

Можно различить два этапа в учении о символе у о. Павла Флоренского: это допаламитский и паламитский этапы. В целом в своем учении о символе Флоренский исходит из радикальных платонических интуиций. Первый этап симвонологии Флоренского отражен, например, в его статье «Эмпирея и эмпирия» (1904 г.), где Флоренский писал о символе для указания на момент единства эмпирического мира и «мира иного» (при их различии): человеческий разум может ухватить эмпирический мир как символ для просвечивающего в нем «иного мира», увидеть первое как бытие последнего (Флоренский П. А. Богословские труды: 1902–1909. М., 2018. С. 111). Затем, после того, как русские религиозные мыслители открыли паламитизм в ходе имяславских споров 1910-х гг., о. Павел стал формулировать понятие символа на языке учения Григория Паламы, т. е. на языке *сущности-энергии*. Так, в его работах имяславческого цикла «Имяславие как философская предпосылка» и «Об имени Божиим» (1919–1922 гг.), где нередко идет речь о паламитских спорах о Фаворском свете и доктрине Григория Паламы, Флоренский пишет о символе следующим образом: это «такого рода существо, энергия

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 18-18-00134, «Наследие византийской философии в русской и западноевропейской философии XX–XXI вв.»

которого срастворена с энергией другого, высшего существа, поэтому можно утверждать... что символ есть такая реальность, которая больше себя самой»; «такая сущность, энергия которой, сращенная или, точнее, срастворенная с энергией некоторой другой, более ценной в данном отношении сущности, несет таким образом в себе эту последнюю»; «сущность, несущая сращенную с ее энергией энергию иной сущности, каковую энергией дается и самая сущность, та, вторая» (Священник Павел Флоренский. Сочинения в четырех томах. Т. 3(1). М., 2000. С. 359, 257, 263). Так понимаемое учение о символе как сущности, энергия которой соединена с энергией более высшей сущности, предполагает концепт «синергии» — действительно используемый Флоренским в его симвонологии (Там же. С. 256, 424). Однако Григорий Палама сам имел довольно развитое учение о символе. Это позволяет задаться вопросом: каково соотношение учение о символе Григория Паламы и о. Павла Флоренского, который в своей симво-логии опирается на общие основания и терминологию паламитской доктрины? Учение о символе у Григория Паламы выражено в первую очередь в его «Триадах», особенно в 1-й части третьей «Триады». Здесь, соединяя учения о символе Дионисия Ареопагита и Максима Исповедника, Палама различает природный и неприродный символы: природный символ соприсущ той природе, символом которой он выступает; в этом случае символ является символом самого себя; символ природным образом исходит из символизируемого. В случае неприродного символа символизирующее символизирует что-то другое, а не само себя. В качестве примеров природных символов Палама приводит Фаворский свет, сущностно созерцаемый при Боге; свет Солнца; тепло огня. Неприродный символ — это, например, знак огня, разжигаемого при нашествии врагов; знаки, являвшиеся ветхозаветным пророкам (его можно назвать коммуникативным типом символа). Природный символ всегда сопутствует природе символизируемого; неприродный символ появляется и исчезает во времени (Триады III.1, 14; 19-20; 36). Анализ сочинений Флоренского показывает, что он как правило не читал святоотеческие тексты в оригинале, а опирался на существующие русские переводы. Мною был произведен анализ того, какие тексты Паламы и паламитов были доступны Флоренскому на русском языке, каков был его возможный круг

чтения паламитской литературы и мог ли Флоренский быть знаком с учением о символе Григория Паламы. Выяснилось, что тексты, содержащие учение Паламы о символе, в эпоху Флоренского не были переведены на русский язык. Так, фрагменты из «Триад» Паламы были переведены Феофаном Затворником в составе «Добротолюбия», но туда не попали места, где Григорий Палама развивает свое учение о символе. Из паламитской литературы, содержащей учение о символе, на русском языке существовал только перевод толкования на слова «Премудрость созда Себе дом» (Притч. IX, 1) паламита Филофея Коккина (Новгород, 1898). Это издание было знакомо Флоренскому (Свящ. Павел Флоренский. Столп и утверждение истины. М., 1914 [Репр.: М., 1990]. С. 772). Но там содержится учение о символе, соответствующее только концепту неприродного символа у Паламы. Можно утверждать, что Флоренский не был знаком с важнейшим аспектом симвонологии Григория Паламы — его учением о природном символе. Связь симвонологии Флоренского и учения Паламы о природном символе не прослеживается ни на текстуальном, ни на концептуальном уровне. Флоренский, отталкиваясь от проблематики имяславских споров, развивает учение о символе, связанное с лингвистическим, коммуникативным символообразованием. За структурой символа у Флоренского стоит актор, устанавливающий символическую связь, синергию между символизирующим и символизируемым. Такой актор отсутствует в концепции природного символа Григория Паламы. Интересно, что в контексте своего учения о символе Флоренский приводит и пример Солнца и его энергии (Он же. Сочинения в 4-х т. Т. 3(1). С. 357-358) — тот же пример, который использует Григорий Палама для иллюстрации своего концепта природного символа, однако у Паламы этот пример в качестве иллюстрации концепта природного символа не имеет коммуникативной нагрузки, в случае же Флоренского такая нагрузка присутствует. Таким образом, Флоренский использовал специфический язык паламитского богословия для разработки своего собственного понимания символа, основанного на предпосылках романтизма (ср. отсылку Флоренского к Гете в контексте его учения о символе в сочинении «Символика сновидений» (1917 г.): Там же. С. 424).

МАЗАЕВ РУСЛАН МИХАЙЛОВИЧ, Санкт-Петербургский
государственный университет, Институт истории, студент

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ
ПОСЛАНИЯ К ДИОГНЕТУ

Аннотация: Доклад посвящен анализу учения о человеке, содержащемуся в христианском апологитическом сочинении II века — Послании к Диогнету. Важной особенностью антропологии «Послания» является ее прямая связь с сотериологией и еклесиологией, что связано с дидактическими и полемическими целями автора сочинения.

Ключевые слова: античная религия, Послание к Диогнету, раннее христианство, христианская апологетика, антропология.

RUSLAN MAZAEV, St Petersburg State University,
Institute of History, student

THE ANTHROPOLOGICAL DOCTRINE
OF THE *EPISTLE TO DIOGNETUS*

Summary: The report is devoted to the analysis of the doctrine of man, contained in the Christian apologetic work of the II century — the Epistle to Diognet. An important feature of the anthropology of the Epistle is its direct connection with soteriology and ecclesiology, which is related to the didactic and polemical purposes of the author of the work.

Keywords: ancient religion, Epistle to Diognetus, early Christianity, Christian apologetics, anthropology.

ПАНТЕЛЕЕВ АЛЕКСЕЙ ДМИТРИЕВИЧ,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, доцент, канд. историч. наук

«ПОБЕГ ИЗ ТЮРЬМЫ»: ПЛАТОНОВСКАЯ
ПЕЩЕРА И ТЕМНИЦА В АНТИЧНОСТИ

Аннотация: В докладе рассматривается сюжет о чудесном спасении из темницы в античной литературе. Он нашел самое яркое выражение в «Вакханках» Еврипида, откуда был заимствован иудейским писателем Артапаном и христианскими

авторами. В христианской традиции концепция божественной помощи переосмысливается: вместо прямого вмешательства появляются видения и чудеса, поддерживающие мучеников.

Ключевые слова: Еврипид, «Вакханки», Аполлоний Тианский, Артапан, «Деяния апостолов», мученичество, агиография, магия.

ALEKSEY PANTELEEV, Institute of History of the St Petersburg University, Associate Professor, CSc in History

“ESCAPE FROM PRISON”: PLATO’S CAVE
AND PRISONS IN ANTIQUITY

Summary: The article deals with the stories of the miraculous prison-escapes in ancient literature. This subject found the most vivid expression in Euripides’ *Bacchae* and this theme was borrowed from Euripides’ tragedy by Jewish author Artapan and Christian writers. In Christian tradition the concept of divine assistance was reinterpreted: instead of direct intervention, we can find visions and miracles to support martyrs.

Keywords: Euripides, “*Bacchae*”, Apollonius of Tyana, Artapanus, Acts of the Apostles, martyrdom, hagiography, magic.

Образ пещеры из платоновского «Государства» по праву считается одним из самых известных не только в европейской, но и всей мировой культуре. Конечно, это не простая пещера, ведь люди там находятся в оковах, а тени им показывают особые служители, так что здесь можно говорить скорее о темнице, а не о пещере. Наш доклад посвящен, однако, не метафоре тела как темницы души, а рассмотрению сюжета о чудесном спасении из тюрьмы в античной, иудейской и христианской традиции. Особое созвучие этой теме с платоновским образом придает то, что для обращения к истинному знанию, созерцанию Солнца, необходима поистине божественная помощь.

Тюрьма в античности, как и в наше время, пользовалась крайне дурной славой, в этом были согласны и античные, и иудейские, и христианские авторы. Однако, иногда темница превращалась из нечистого и порочного места в арену битвы между добром и злом; в языческой литературе это происходило, как правило,

в романах, например, «Левкиппе и Клитофонте», в христианской — в канонических «Деяниях апостолов», апокрифических деяниях и мученичествах.

Впервые о чудесном спасении из оков рассказывает Еврипид в «Вакханках»: пленные менады освободились от цепей и снова оказались на свободе, хотя им никто не помогал ни сбросить оковы, ни открыть двери — они открылись сами собой (*automatos*; *Vacch.* 443–448), а позже из тюрьмы вышел сам Дионис: царь-гонитель Пенфей попытался связать бога, но вместо этого в безумии накинуд веревку на быка, в то время как Дионис стоял рядом; освобождение бога сопровождалось огнем сверхъестественного происхождения и землетрясением, разрушившим царский дворец (*Vacch.* 575–659). Эта история оказывается своего рода образцом почти для всех последующих чудесных освобождений, и как мы увидим, в них присутствуют почти все мотивы истории Диониса. Похожие описания этих освобождений встречаются и у других авторов, обращавшихся к этому сюжету: Овидия (*Met.* III, 699–700; cf. *Trist.* V, 3), Аполлодора (*Bibl.* III, 5, 1), Пакувия (*Serv. Comm.* IV, 469) и Нонна (*Dion.* XLV, 273–284); намеки на него мы находим у Феокрита (*Id.* 26), Горация (*Ep.* I, 16, 73–79) и Лукиана (*Dion.*). Похожа на рассказ об освобождении Дионисом, например, история царя Лика и его дочери Антиопы, возлюбленной Зевса, которую тот освободил из темницы, куда ее заточил отец (*Apoll. Bibl.* III, 5, 5); подобные мотивы заметны и в рассказе Лукана о чудесном спасении Мария во время бегства от Суллы — явившиеся боги остановили его палача и тем самым заставили отпустить его на свободу (*Luc. Phars.* II, 76–83), правда, Тит Ливий, Плутарх и Веллей Патеркул рассказывают об этом событии по-другому: раб-варвар не осмелился казнить столь великого человека (*Liv. Per.* LXXVII; *Plut. Mar.* 39; *Vell. Pat.* II, 19, 3). Особый интерес представляет рассказ Флавия Филострата об Аполлонии Тианском. В этом религиозно-философском романе сохраняются все основные черты мифа о Дионисе и Пенфее. Для нас большую важность представляет его визит в Рим при Нероне, описанный в IV книге (IV, 38–44). Он является, по сути, прямой параллелью к «Вакханкам».

В иудейской традиции безусловно важен фрагмент из сочинения Артапана «Об иудеях» (III–II вв. до н. э.), сохранный

Климентом Александрийским и Евсевием (Clem. Alex. Strom. I, 23, 154, 2–3; Eus. Праер. ev. IX, 27, 23–27). После того, как Моисей обратился к фараону с призывом прекратить гонения на евреев, тот приказал бросить его в темницу. Когда пришла ночь, все двери в тюрьме сами собой отворились, одни стражи умерли, другие были поражены внезапным сном, а их оружие распалось на части. Моисей покинул тюрьму и отправился во дворец, где одержал победу над фараоном. Связь этого эпизода с «Вакханками» несомненна.

В Новом Завете средоточие подобных историй оказываются «Деяния апостолов», где мы находим несколько таких эпизодов (4:1–14; 5:17–24; 6:8–7:60; 12:1–10; 16:16–40). Эти случаи тоже связаны с «дионисийской» традицией. Здесь фигурирует уже знакомая нам идея явления бога и проявление его силы посредством освобождения его посланцев, и общий для язычников, иудеев и христиан контекст позволяет объяснить то, как описывает эти события Лука. Важно отметить, что после каждого из этих пассажей звучит одна и та же мысль: «Слово же Божие росло и распространялось» (12:24; ср. 17:4). Заключение в темницу апостола и его спутников — частый элемент апокрифических деяний Павла, а особенно Иуды Фомы.

Что касается агиографической литературы, то в мученичествах божественная помощь приобретает новые формы. Хотя чудеса не исчезают полностью, но речь идет уже не о спасении из темницы, а о видениях для поддержки и укрепления духа.

КУРБАНОВ АНДРЕЙ ВИКТОРОВИЧ, Русская христианская гуманитарная академия, канд. историч. наук

СПИРИДОНОВА ЛИДИЯ ВАЛЕНТИНОВНА, Русская христианская гуманитарная академия, канд. историч. наук

САТИРА ФЕОДОРА ПРОДРОМА «ПЛАТОНОЛЮБ, или КОЖЕВНИК»*

Аннотация: Сатира Феодора Продрома «Платонолюб, или Кожевник» не рассматривалась в научной литературе. В настоящем докладе мы представим анализ этого византийского

* This paper is part of the research project 18-011-00207 funded by the Russian Foundation for Basic Research. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00207.

юмористического текста и покажем, как его автор творчески адаптировал классические литературные модели греческой комедии и сатиры. С нашей точки зрения, это произведение предназначалось в первую очередь для школьных занятий, на которых ученики могли находить и комментировать щедро разбросанные в тексте цитаты из классических авторов, а также учиться литературной композиции на примере этого произведения Феодора Продрома.

Ключевые слова: Феодор Продром, «Платонолюб», византийская сатира, византийские учебники, византийская система образования.

ANDREY KURBANOV, Russian Christian Academy for
the Humanities, St Petersburg, CSc in History
LYDIA SPYRIDONOVA, Russian Christian Academy for
the Humanities, St Petersburg, CSc in History

THE SATIRE *PHILOPLATON*, OR THE
CURRIER, BY THEODORE PRODROMOS

Summary: The satire *Philoplanton, or the Currier* by Theodore Prodromos has received hardly any scholarly attention. We will present an analysis of this Byzantine humorous text and show how the author transformed the classical literary models of Greek comedy and satire in a very creative way. From our point of view, his target audience was probably the school students who could recognize and understand references to classical Greek authors, reading in the classroom and at the same time could learn the literary composition.

Keywords: Theodore Prodromos, the *Philoplanton*, Byzantine satire, Byzantine textbooks, education system in Byzantium.

The sketch *Philoplanton, or the Currier* by Theodore Prodromos has received hardly any scholarly attention. We will present an analysis of this Byzantine humorous text and show how the author transformed the classical literary models of Greek comedy in a very creative way.

Prodromos starts the satirical monologue with a short eulogy of Plato, and then proceeded to attack an illiterate ignoramus who pretended to be a Platonic scholar and renowned expert on Plato's thought

to the extent that he would even dare to reproach the wording of Plato and to correct alleged mistakes in Plato's manuscripts by writing on the margins his own original inventions. In the end, the author gave this great "lover of Plato" good advice to put the book of Plato aside and never even try to read it, because otherwise, one of Plato's "more noble friends" would tear his book and punch him in the head.

This humorous text is full of the offensive jokes and abusive comparisons, which exaggerate the incompetence of this "fan of Plato" and reveals his stupidity. The inspiration for this insult could be traced to the different sources with which both Prodrornos and his audience were obviously acquainted. Most of all, Prodrornos exploits the literary motifs from Lucian's works, where a mockery of pseudo-intellectuals constitutes a repeated theme. The reference to driveling noses and a nurse wiping them comes from a passage in Plato's *Republic* (343a.7–8). In the course of his monologue, he also addresses to the comedies of Aristophanes and the orations of Demosthenes as well as to Aesop's fables and to many Greek proverbs that can be traced back to classical times. However, he does not simply insert the quotations from classical and oral literature into his work, but plays with them and skillfully intertwined and embedded into a completely new text. In fact, Prodrornos also adjusts the genre of psogos in accordance with the requirements of his own time, his personal preferences, the Byzantine sense of humour and a literary taste of his audience.

But for what kind of audience Prodrornos wrote the *Philoplaton*? From our point of view, his target audience was probably the school students who were able to find and understand references to classical Greek authors and at the same time could learn the literary composition of a prose psogos, which was conventionally considered as a Byzantine school literary form. Therefore, Prodrornos's intention was not to imitate works of Lucian, but rather to create an extensively hyperlinked document to train his students within the Greek tradition of satirical writing and to provide them with the rhetorical tools with which they can construct, take apart, and reconstruct themselves.

ПРИХОДЬКО МАКСИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ, приход
РПЦ в честь Николая Мирликийского, г. Севилья
(Испания), протоиерей, канд. филос. наук

МЕССИАНСКАЯ ИДЕЯ В ГЕРМЕНЕВТИКЕ
АЛЕКСАНДРИЙСКОЙ ШКОЛЫ (КЛИМЕНТ
АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ И ОРИГЕН)*

Аннотация: В докладе рассматривается герменевтика Климента Александрийского и Оригена как выявление особой экзистенции — осуществления царства Христа на земле. Текст священного писания, в толковании александрийских мыслителей, является символом, раскрывающим реальность присутствия Слова Бога. Уразумение тайны Откровения, согласно герменевтике александрийской школы, есть путь преодоления текучести земного бытия и обретение видения реальности метаисторической — земной реальности в свете эсхатона. В этом моменте Климент Александрийский и Ориген развивают, уже на новом основании, основную линию рассуждения Платона в «Пире» и «Федре».

Ключевые слова: христианская герменевтика, платонизм, символ, откровение, эсхатон.

MAXIM PRIKHODKO, Orthodox parish of St Nicolas,
Seville, Spain, priest, CSc in Philosophy

THE MESSIANIC IDEA IN THE HERMENEUTICS
OF THE ALEXANDRIAN SCHOOL (CLEMENT
OF ALEXANDRIA, ORIGEN)

Summary: In the report is considered the hermeneutics of Clement of Alexandria and Origen as the actualization of a special existence — the kingdom of Christ on earth. In the interpretation of the Alexandrian thinkers the text of the Holy Scripture is understood as a symbol that reveals the reality of the presence

* Работа подготовлена в Санкт-Петербургском государственном университете при поддержке РФФ, проект № 17-18-01168 «Модификации социально-политического учения Библии в истории и религиозные основания политико-правовой мысли Российской империи».

of the Word of God. The disclosing of the mystery of Revelation, according to the hermeneutics of the Alexandrian school, is the way to overcome the instability of earthly existence and to acquire a vision of metahistorical reality — earthly reality in the light of the eschaton. At this moment, Clement of Alexandria and Origen develop, on a new basis, the basic Plato's theme in «Symposium» and «Phaedrus».

Keywords: Christian hermeneutics, Platonism, symbol, revelation, eschaton.

КУЗЬМИНА ЕЛЕНА ВИКТОРОВНА, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, доцент, канд. историч. наук

УЧЕНИЕ ПЛАТОНА О БОЖЕСТВЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДИСКУРСЫ*

Аннотация: Замысел этого небольшого исследования отталкивается от одной интуиции. «Присутствие» Платона в христианской теологии — вещь общеизвестная. Даже не утверждая возможность христианского платонизма как такового, можно уверенно заявлять о том, что теология платонизма всегда рассматривается или как источник христианских теологических построений, или как антипод христианского учения о Боге.

Ключевые слова: теология, платонизм, феномен Бога.

ELENA KUZMINA, Omsk State University,
Associate Professor, CSc in History

PLATO'S DOCTRINE ABOUT THE DEITY AND CONTEMPORARY THEOLOGICAL DISCOURSES

Summary: The plan of this small research makes a start from one intuition. Plato's "presence" at Christian theology — a thing well-known. Even without approving a possibility of Christian Platonism per se, it is sue to declare that the theology of Platonism is always

* Материал подготовлен при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Омской области в рамках научного проекта № 17-13-55002–ОГН «Персоноразмерная модель мониторинга религиозных процессов в Омской области: концептуализация, разработка, апробация». The reported study was funded by RFBR according to the research project № 17-13-55002–ОГН.

considered or as a source of Christian theological constructions, or as an antipode of Christian doctrine about God.

Keywords: theology, Platonism, God's phenomenon.

ДВИНЯНИНОВ БОРИС КИРИЛЛОВИЧ, Русская
христианская гуманитарная академия, аспирант

ОБРАЗ ТАТА В ГЕРМЕТИЧЕСКИХ ТРАКТАТАХ

Аннотация: Tat is the spiritual son of Hermes Trismegistus, whose image goes back to Thoth, the ancient Egyptian deity of wisdom, measure, count and letter. It is just Tat, who Hermes reveals gnostic secrets and teaches special mental practices.

Ключевые слова: Tat, Thoth, Hermes Trismegistus, Corpus Hermeticum, Hermetica, Hermetism, Gnosis.

Thoth (/θoʊθ/, toot/; from Greek Θῶθ thóth; derived from Egyptian ḏḥw.ty) is an ancient Egyptian deity of wisdom, knowledge, magic, writing, measure, count and moon, founder of the year in 365 days. The cult of Thoth was common in the territory of Egypt, but the center had in Hermopolis (also known as Shmun or El Ashmunein). In the age of late antiquity, Thoth began to be identified with Hermes Trismegistus, as evidenced by some of his magical papyri. In the tracts of the Corpus Hermeticum, Thoth is more likely associated with Tat, a pupil of Hermes, who bears the name invariant of the Egyptian deity of wisdom. The unification of the ideas about Hermes and Thoth, according to Tadeusz Stefan Zieliński, began even earlier, during the first trade contacts between Egypt and Greece, more precisely between the Arcadian and people of the Nile Delta and the surrounding regions. The relationship between Hermes and Tat, as between father and son or teacher and pupil, is not seen as accidental, that is similar to the transformation of the epithet of Thoth «Twice Great» into the epithet of Hermes «Thrice Great». All this goes to an effort of legal succession of Hermeticism of the late antiquity from the mystery cults of Ancient Egypt, as well as the indication of the superiority of the Hermetic doctrine over the teachings of the priests of Egypt. Thus, Tat becomes an integral figure of the Corpus Hermeticum and other treatises that were discovered in the Stobaeus's Anthology and the Nag Hammadi library. Similarly Tat is mentioned in the texts of practical Hermeticism («vulgar Hermetica» or «technical Hermetica»), thanks

to which he became known even in the times of Arab Hermeticism later. Most of the dialogues, where Tat is present, are impregnated with the formulations of a pessimistic gnosis and refer often to practical ways that can be applied in the way of salvation from materiality after death and transformation through the upbringing of the divine principle, which is in the mind, according to the authors of the manuscripts. Tat is devoted to such important tracts as «The Key», which tells about the forms of metempsychosis, «The General Sermon» of the Corpus Hermeticum, which was lost, Tat receives secret words in the sermon on the mountain in the XIII tract of the Corpus and is possibly an unnamed son from the «Discourse on the Eighth and Ninth» (from the texts of the Codex VI of the Nag Hammadi Library). He acts as a listener in the treatise «Asclepius» or «Perfect Discourse» and the main participant of the equally voluminous treatise «To Tat», where the fundamental 48 theses of Hermetic philosophy are given. In later manuscripts Tat himself becomes a teacher, in «Kore Kosmu» Isis treats him with respect as an outstanding pupil of Hermes. Passing through the image of Tat in Hermetic texts, we will see the core of the secret understanding of the nature of God, Universe and Man through the eyes of Hermetic philosophers.

BORIS DVINYANINOV, Russian Christian Academy for the Humanities, St Petersburg, postgraduate student

THE IMAGE OF TAT IN HERMETIC TREATISES

Summary: Tat — духовный сын Гермеса Трисмегиста, чей образ восходит к древнеегипетскому богу мудрости, меры, счета и письма Тоту. Именно Тату Гермес раскрывает гностические тайны и обучает специальным упражнениям ума.

Keywords: Tat, Тот, Гермес Трисмегист, Герметический корпус, герметика, герметизм, гнозис.

Тот (др.-греч. Θῶθ, Θῶουτ от др.-егип. ḥwtwy) — древнеегипетский бог мудрости, знаний, магии, письма, меры, счета, луны, учредитель года в 365 дней. Культ Тота был общераспространен на территории Египта, но центр имел в Гермополе (г. Шмун или Эшмунен). В эпоху поздней античности Тот стал отождествляться с Гермесом Трисмегистом, о чем свидетельствуют некоторые относящиеся к нему магические папирусы. В трактатах

Герметического корпуса бог Тот скорее ассоциируется с учеником Гермеса Татом, который носит инвариант имени египетского бога мудрости. Объединение представлений о Гермесе и Тоте, по мнению Фаддея Францевича Зелинского, началось еще раньше, во времена первых торговых контактов между Египтом и Грецией, точнее между жителями Аркадии и жителями дельты Нила, и прилегающих регионов. Соотношение между Гермесом и Татом, как между отцом и сыном, учителем и учеником, видится не случайным, так же как трансформация эпитета Тота Дваждывеликий в эпитет Гермеса Триждывеликий. Все это говорит о попытке правопреемственности герметизма времен поздней античности от мистериальных культов Древнего Египта, а также об указании превосходства герметического учения над учениями жрецов Египта. Таким образом, Тат становится неотъемлемой фигурой Герметического корпуса и других трактатов, которые были обнаружены в Антологии Стобея и Библиотеке Наг-Хаммади. Аналогично Тат упоминается и в текстах практического герметизма, благодаря чему становится известным и во времена арабского герметизма позднее. Большинство диалогов, где присутствует Тат, пропитаны формулировками пессимистического гнозиса и часто указывают на практические способы, применимые на пути спасения от материальности после смерти и преобразования через воспитание в себе божественного начала, находящегося, по мнению авторов рукописей, в уме. Тату посвящены такие важные трактаты как «Ключ», повествующий о формах метемпсихоза, «Основные положения» Герметического корпуса, которые были утрачены, Тат получает тайные слова в нагорной проповеди Гермеса в 13 трактате корпуса и, возможно, является неназванным сыном из «Диалога о Восьмерке и Девятке» (из текстов VI кодекса Библиотеки Наг-Хаммади). Он выступает слушателем в трактате «Асклепий или Совершенное слово» и основным участником столь же объемного трактата «К Тату», где даются основные 48 тезисов герметической философии. В более поздних рукописях Тат сам становится учителем, Исида в «Деве или Зенице мира» с почтением относится к нему как к выдающемуся ученику Гермеса. Пройдя через образ Тата в герметических текстах, мы увидим ядро тайного понимания природы Бога, Мира и Человека глазами герметических философов.

ДАНИЛКИНА НАТАЛЬЯ, Голландская исследовательская школа философии (OZSW), координатор группы «Философия в Центральной и Восточной Европе», канд. филос. наук

ПЛАТОНИЧЕСКИЙ ЭРОС В НЕОКАНТИАНСКОЙ ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Неокантианцы Пауль Наторп и Сергей Гессен трактовали педагогику как прикладную философию. Истоки этого подхода они находили у Платона. В частности, в платоновских диалогах утверждался социальный характер воспитания как формы построения общественной жизни. Как и Платон, неокантианцы предполагали важность первоначального «созерцания» общей идеи и ее притяжения. Это притяжение есть не что иное, как «любовь совершенного», платонический эрос, который проявляет себя в стремлении к реализации в жизни духовных ценностей.

В образовании учитель и ученик составляют духовную общность, единство взаимного стремления к высшим сверхиндивидуальным ценностям (платоновского *to kalon*), без которого невозможно ни воспитание личности, ни создание культурных благ. Однако эрос не есть высшая форма любви. С точки зрения Гессена, он является необходимым, но не достаточным условием воспитания. Педагог воздействует на учащихся не как нейтральный носитель традиции объективного духа, некой идеи, но, прежде всего, как живая личность, наполненная любовью к ближнему. Внимание к этой христианской добродетели не только отличает философию образования Гессена от научной педагогики Наторпа, но и выводит ее за пределы неокантианской научной философии. Ведь любить ближнего нельзя научиться или научить, она есть «дар благодати».

Любовь к ближнему, то есть к живой личности человека, составляет дар подлинного воспитателя, без которого, по убеждению Гессена, невозможно воспитание к высшей нравственности. Это жизненный элемент всякого подлинного образовательного акта, поскольку любовь к ближнему конкретна, в отличие от отвлеченной любви к дальнему, к идее. Только благодаря этой любви-милосердию учитель способен быть живым, личностным источником раскрытия воспитанников как личностей.

Далее в докладе сопоставляются философско-педагогические воззрения Гессена и Наторпа с точки зрения восприятия ими

идей Платона и христианской морали. Рассматриваются вопросы о возможности и необходимости концептуального синтеза любви к ближнему и любви к дальнему в процессе становления личности, а также соотнесения проблемы воспитания личности и совершенствования общественного устройства.

Библиография

Гессен С. И. В защиту педагогики // Гессен / Сост. Е. Г. Осовский. М., 2004.

Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М., 1995.

Наторп П. Социальная педагогика. Теория воспитания воли на основе общности. Пер. А. А. Громбаха. СПб., 1911.

Natorp, P. Platons Ideenlehre. Zweite, durchsehene und um einen metakritischen Anhang vermehrte Ausgabe. Leipzig, 1921.

ДОНСКИХ ОЛЕГ АЛЬБЕРТОВИЧ, Новосибирский
государственный университет, профессор, доктор филос. наук

ЧЕТЫРЕ ШАГА ПО ПУТИ ОБОБЩЕНИЯ: РОЖДЕНИЕ ОБЩИХ ПОНЯТИЙ

Аннотация: Рассматривается процесс движения мысли к абстрактным понятиям общего порядка в античной культуре. Показано, что рефлексия над мифом осуществляется параллельно как в рамках собственно мифологического сознания, так и в рамках формирующегося и требующего своего прояснения правового поля. Выделяются следующие этапы отвлечения от образности: появление в мифологических картинах чуждых им структур; создание негативных понятий, отрицающих принятые образы; словесные игры софистов с упором на внутреннее значение слов; формирование мифологических и понятийных систем в школах Платона и Аристотеля. Исследуются особенности каждого этапа.

Ключевые слова: мифология, справедливость, Темис, Дике, беспредельное, логос, софистика.

OLEG DONSKIKH, Novosibirsk State University,
Professor, DSc in Philosophy

FOUR STEPS ON THE PATH OF GENERALIZATION:
BIRTH OF GENERAL CONCEPTS

Summary: The process of the movement of thought towards abstract concepts of general order in ancient culture is considered. It is shown that the reflection on the myth is carried out in parallel within the framework of the mythological consciousness itself, as well as within the framework of the legal field which is emerging and requiring the clarification. The following stages of distraction from imagery are distinguished: the appearance of structures alien to mythological images as such; the creation of negative concepts which deny the common images; the verbal games of sophists with the emphasis on the internal meaning of words; the formation of mythological and conceptual systems in the schools of Plato and Aristotle. The specific features of each stage are investigated.

Keywords: mythology, justice, Themis, Dike, limitless, logos, sophistic.

ШЕВЦОВ КОНСТАНТИН ПАВЛОВИЧ, Санкт-Петербургский
государственный университет гражданской
авиации, профессор, доктор филос. наук

ПЛАТОНОВСКАЯ ФИЛОСОФИЯ КАК
СПОСОБ СОБИРАНИЯ РАЗУМА*

Аннотация: В работе поставлен вопрос о том, что включает в себя понятие разума и как задается формация разума в диалогах Платона. Под разумом понимается порядок, который пронизывает мир и нашу жизнь, позволяя в них ориентироваться, устанавливать связь, находить цель. Признание этого порядка требует усилия, которое позволяет отделить истину от мнимости, страсть к Благу от пристрастности к становлению. Платон предлагает способ собирания разума, который

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 16-03-00566 «Память поколения в современной ситуации кризиса исторического сознания».

может служить примером для попыток понять природу разума в условиях современного цифрового мира.

Ключевые слова: Платон, Декарт, разум, память, созерцание, мышление, собрание, «Я могу».

KONSTANTIN SHEVTSOV, St Petersburg State University
of Civil Aviation, Professor, DSc in Philosophy

PLATONIC PHILOSOPHY AS A WAY OF COLLECTING THE MIND

Summary: The work poses the question of what the concept of mind includes and how the mind is formed in Plato's dialogues. Under the mind is understood the order that permeates the world and our life, allowing us to orientate, establish communication, find a goal. Recognition of this order requires an effort that separates the truth from the false, the passion for the Good from partiality to becoming. Plato offers a way of collecting the mind, which can serve as an example for trying to understand the nature of the mind in the modern digital world.

Keywords: Plato, Descartes, reason, memory, contemplation, thinking, gathering, "I can".

МУРСКИЙ ВАДИМ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ, Русская христианская
гуманитарная академия, канд. филос. наук

СУДЬБА ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИХ СТАНДАРТОВ ПЛАТОНОВСКОГО ДИАЛОГА «ТЕЭТЕТ» В НОВОЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Аннотация: Доклад посвящен исследованию судьбы вопроса о знании, рассматриваемом в платоновском диалоге «Теэтет». В ходе исследования проводится сравнение самой постановки вопроса о знании у Платона и в новое время. При этом внимание обращается как на преемственность новоевропейской философии по отношению к Платону, так и на ее отличие. Особое внимание уделяется таким понятиям, как доказательство и достоверность.

Ключевые слова: знание, мнение, доказательство, достоверность.

VADIM MURSKY, Russian Christian Academy for the Humanities, St Petersburg, CSc in Philosophy

THE FATE OF THE GNOSEOLOGICAL STANDARDS
OF THE PLATONIC DIALOGUE *THEAETETUS*
IN THE NEW EUROPEAN PHILOSOPHY

Summary: The report is devoted to the investigation of the fate of the question about knowledge, which is discussed in the Platonic dialogue «Theaetetus». The investigation compares the very formulation of the question of knowledge in Plato and in modern times. At the same time, attention is drawn both to the continuity of the New European philosophy in relation to Plato, and to its difference. Special attention is paid to such concepts, as demonstration and reliability.

Keywords: knowledge, opinion, demonstration, reliability.

СОТНИКОВА НАДЕЖДА НИКОЛАЕВНА, Санкт-Петербургский университет МВД России, доцент, канд. филос. наук

«ПЛАТОН КАК ФИЛОСОФ»
В ИНТЕРПРЕТАЦИИ В. ВИНДЕЛЬБАНДА

Аннотация: В докладе представлена интерпретация «Платона как философа» немецким мыслителем-неокантианцем В. Виндельбандом, который осмысливал философию Платона с аксиологических позиций. Теория идей и диалектика Платона, по мнению представителя баденской школы, являются главными ценностными моментами философии выдающего античного мыслителя. «Платон как философ», по утверждению Виндельбанда, является аристократическим мыслителем своего времени.

Ключевые слова: Платон, Виндельбанд, ценность, диалектика, мир идей, философия.

NADEZHDA SOTNIKOVA, Saint-Petersburg University of the Ministry of the Internal Affairs of Russia, Associate Professor, CSc in Philosophy

“PLATO AS A PHILOSOPHER” IN THE
INTERPRETATION OF W. WINDELBAND

Summary: The report presents the interpretation of “Plato as a philosopher” by the German neo-Kantian thinker V. Windelband,

who comprehended the philosophy of Plato from the axiological positions. The theory of ideas and Dialectics of Plato, in the opinion of the representative of the Baden school, are the main value points of the philosophy of the outstanding ancient thinker. "Plato as a philosopher," according to Vindelband, is an aristocratic thinker of his time.

Keywords: Plato, Vindelband, value, dialectics, world of ideas, philosophy.

Платон — один из наиболее значительных теоретиков античности, чьи философские мысли не перестают волновать философов на протяжении многих последующих веков. Его метафизика стала не только теоретическим истоком многих философских концепций, но и переосмысливается, интерпретируется последующими философами различных эпох. Платоноведение являет собой одно из важнейшей теоретических исследований в истории мировой философской мысли.

Свой вклад в платоноведение внес один из представителей баденской школы неокантианства Вильгельм Виндельбанд. Он обратил к осмыслению сущности философии Платона и ее значимости для мировой философской мысли в работах «История древней философии» и «Платон», где изложил собственное понимание Платона «как человека, учителя, писателя, философа, теолога, социального политика и пророка». Интерпретация, предложенная баденским неокантианцем, сама по себе представляет собой попытку целостного осмысления Платона и его значимости в древней и мировой философии. Выделение какой-либо из сторон его деятельности, обособление ее, вероятно, может показаться односторонним осмыслением великого философа античности. Однако такое выделение понимания и интерпретации «Платона как философа» Виндельбандом представляется необходимым и оправданным. Следует заметить, что на интерпретации философии Платона, предложенной Виндельбандом, лежит отпечаток его собственной философской позиции. Он прекрасно знал философию Платона, высоко ценил его как мыслителя, осмысливал его философию с ценностных позиций.

Центром философии Платона, по утверждению Виндельбанда, является его учение об идеях как «имматериальных сущностях», которые объединяются и составляют особый высший мир.

Баденский мыслитель утверждал, что мир идей Платона есть мир особых ценностей, который представлен в понятиях и познаваем при помощи понятий. Миру имматериальных существей Платон противопоставляет мир видимый, материальный мир, познаваемый при помощи восприятия и являющий собой подобие невидимого мира. Концепцию Платона Виндельбанд характеризует как «дуализм», в котором сосуществуют имматериальный и материальный мир, именно в единстве и противопоставлении этих двух миров наиболее ярко выражена диалектика Платона, старающегося снять противоречие моменты во взглядах предшествующих ему мыслителей античности. «Открытие имматериального мира, по мнению Виндельбанда, составляет главную заслугу Платона» [1, С. 421].

Виндельбанд особо отмечал ряд проблем, поставленных и разрабатываемых Платоном в процессе его творческого развития в различных диалогах: во-первых, проблема «установления границ содержания мира идей», во-вторых, проблема «о порядке и связи между идеями», в-третьих, проблема осмысления идей как «целевых причин явлений». Попытки решения данных проблем логически, по мнению Виндельбанда, не имели успеха, поэтому античный мыслитель был вынужден решать данные проблемы, «заменив логический порядок в мире идей телеологическим». Платон пришел к выводу, что высшим объемлющим принципом, объединяющим все идеи, является идея добра, или благо, которая есть единственная причина и цель существования и развития мира видимого. В качестве «абсолютной цели добро, как утверждал в своей интерпретации Платона Виндельбанд, означает «смысл мира и господствующий в нем разум, являющие и обозначающие собой Бога. Именно идея добра есть абсолютная цель мира явлений и одновременно есть благо, разум и Божество» [1, с. 439].

В интерпретации Виндельбанда совершенно верно отмечается, что Платон был первым античным и европейским философом, который заложил и разработал основы объективного идеализма в целостном виде. Идеи как прекрасные вечные образцы, по которым строится множественность вещей, образованных из бесконечной материи, в философии Платона определяют жизнь материального мира. Сама материя ничего не порождает, она есть небытие, которому необходима самоорганизующаяся причина, способная придать ей форму, и такой высшей причиной является Бог.

По мере своего творческого развития, как полагал Виндельбанд, Платон с позиций дуализма переходит на позиции «имматериального монизма» или телеологического монизма. Именно самая главная идея — это высшее благо, тождественное абсолютной красоте, и есть, по Платону, начало всех начал, являющаяся основой небесного и человеческого, земного мира, живущего по самым мудрым законам.

Литература

1. В. Виндельбанд Платон //Избранное. М.: Юрист, 1995.

Смирнов Иван Иванович, Русская христианская гуманитарная академия; Общецерковная аспирантура и докторантура, аспирант; протоиерей, клирик Русской Православной Церкви

СПЕКУЛЯТИВНЫЙ МЫСЛИТЕЛЬ В ФИЛОСОФИИ И ТЕОЛОГИИ: ОТ ПЛАТОНА К СОВРЕМЕННОСТИ

Аннотация: В докладе обсуждается особенность спекулятивного мышления в философии и теологии. Спекулятивный подход, восходящий к философии Платона, противопоставляется критическому проекту, свойственному современной философии в лице деконструкции, аналитической метафизики и критической теории. Спекулятивный проект позволяет иначе сформулировать отношения между философией и теологией, трансцендентным и имманентным, избегая критических оппозиций и бинарностей светского и религиозного в постсекулярном мышлении.

Ключевые слова: Платон, спекулятивное мышление, критика, спекуляция, теология, философия, имманентность, трансцендентность, секулярное, религиозное, постсекулярность.

IVAN SMIRNOV, Russian Christian Academy for the Humanities, St Petersburg; St Cyril and Methodius Theological Institute of Post-Graduate and Doctoral Studies; priest of Russian Orthodox Church, postgraduate student

SPECULATIVE THINKER IN PHILOSOPHY AND THEOLOGY: FROM PLATO TO MODERNITY

Summary: The paper discusses the feature of speculative thinking in philosophy and theology. The speculative approach,

which goes back to Plato's philosophy, is opposed to the critical project in modern philosophy which involves deconstruction, analytical metaphysics and critical theory. The speculative project allows differently formulate the relationship between philosophy and theology, transcendent and immanent, avoiding critical oppositions and binary of secular and religious in post-secular thinking.

Keywords: Plato, speculative thinking, criticism, speculation, theology, philosophy, immanence, transcendence, secular, religious, post-secular.

WILLIAM DESMOND, Maynooth University
(National University of Ireland), lecturer

HEGEL'S PLATO

The idea of evolution has become a dominant one in many disciplines, but while the word is associated with Darwin above all, there were many pre-Darwinian thinkers who had also privileged the notion of the evolution, especially in its older sense as the “un-folding” of some primary reality, substance or idea. Some of these thinkers develop their theories in explicit dialogue with the Platonic tradition, and Plato above all: Winckelmann's aesthetic of the Ideal, Goethe's theory of Ur-formen, Schelling's theory of natural “potencies” are prominent examples. With a very brief glance at these, my paper will focus on ways in which Hegel can be seen as mediating between a Kantianized Plato (herald of “the Idea”) and the emerging fascination with temporal evolution as an overriding category of explanation and/or organization. After offering a general explication of this reading, I will turn to one central application of it: in Hegel's Lectures on the History of Philosophy, the Platonic corpus is transformed into the first explicit locus for his Idea, and is understood as itself pervaded by the dialectical dynamism of this self-developing Idea. Here Hegel's quasi-evolutionary scheme of Logic-Nature-Spirit may well do violence to the distinctness of the Platonic Ideas as well as of the individual Platonic dialogues—asserting, as it does, continuities so emphatically vis-à-vis discontinuities, incompatibilities, and aporiai. Moreover, it fails to grapple much with the problem of Plato's own intellectual “evolution,” then emerging as a distinct scholarly question (especially in the wake of Schleiermacher's translation

and Introduction). Nevertheless, its search for a unity logico-thematic perspective (at all levels, e. g. from individual dialogues to the *longue durée* of an entire tradition) has long provided the model for the history of philosophy through the nineteenth century (e. g. J. E. Erdmann, E. Zeller, K. Fisher) and even into the twentieth century (e. g. Coplestone, Reale). The Hegelian approach may therefore remain an indispensable one—good to think with, or against, in ongoing attempts at a history of philosophy. Certainly, it is one whose power scholars of Plato should strive to understand sympathetically, before proceeding to modify or reject it outright.

FLAMINIA INCECCHI, University of St Andrews, School
of International Relations, PhD candidate

GIOVANNI GENTILE'S PLATO AND THE ORIGINS OF ACTUALISM

This paper seeks to investigate a reinterpretation of Plato in the context of a new turn in European culture. In that regard, it observes the ways in which Giovanni Gentile (1875 — 1944) interprets Plato, and studies how Gentile uses such interpretation to ground his own form of idealism, which falls under the name of actual idealism or absolute spiritualism. Gentile's reading of Plato is performed in various texts, and it is a *fil rouge* that accompanies Gentile's entire philosophical elaborations. Throughout his theoretical contributions, Gentile advances three separate readings of Plato: personal, historical, and philosophical. This paper begins by illustrating the key themes of actualism, thereby presenting the actualist philosophical architecture. This section will focus particularly on the centrality of the subject in the act of knowing, the emphasis on thought and its role in the construction of reality, knowing spiritual acts, and that the philosopher should remember his or her humanity — attachments, sense of sentiment, etc. — because the philosopher is a human *par excellence*. The second section will show the two-sided process, or rather, the Gentilian hermeneutical circle, where Gentile's own philosophy was profoundly influenced by his reading of Plato, and how his interpretation of Plato is profoundly Gentilian. In this part of the paper I will present Gentile's three Plato(s): the historical, the philosophical, and the personal. The first, is praised by Gentile for being an idealist, in rupturing the "naturalistic" philosophical traditions before him. The second, is an object of criticism

for the form of idealism he postulated. This is where Gentile grounds his discussion of immanence and transcendence, which is key to the initial formulation of his idealism. In this section I will mainly draw on Gentile's early to middle writings. The third, is a vision of Plato, the person. This is a mode of analysis that is particularly Gentilian, in full accordance with the idea that philosophy and humanity should always go hand in hand.

DOUG CAMPBELL, University of Toronto,
Philosophy department, PhD candidate

THE GAPS IN PLATO'S DIALOGUES

There are times when Plato postpones discussion of some pressing topic, usually by saying that the matter is too difficult or that there is not enough time for it at present. For example, Socrates says of the art of measurement in the *Protagoras* "the nature of this art or science we shall consider some other time" (357b); and in the *Timaeus*, Plato resists discussing the highest principles "solely for this reason, that it is difficult for us to explain our views while keeping to our present method of exposition" (48c).

There are, in fact, over forty such gaps in all of Plato's work. Despite that there are more gaps than dialogues, many scholars tend to ignore them; on the other side of this question, there is the work of Thomas Szlezak and Hans Kramer, among others, who argue that the gaps corroborate the independent testimony of an unwritten theory of principles. Just when Plato would have to say something about the One and the Indefinite Dyad, he refrains.

The goal in this talk is to understand the gaps as structural features of Plato's dialogues. It does not matter for the purposes of this talk what the philosophical content of the unwritten doctrines is, for example. Many English-language scholars (most recently, Meinweld 2016) argue that it is a legitimate interpretative strategy to read the dialogues one by one without bringing to bear the results of any other work. The evidence is the passage at *Phaedrus* 264c where writings in general are held up as well-crafted, self-sufficient living animals. Given their self-sufficiency, it is wrong (or, at least, unnecessary) to bring up anything external to the dialogue in question.

However, the gaps in the dialogues speak to their incompleteness. They are well-crafted but not self-sufficient, especially since they are

explicitly reticent and implicitly point to something outside themselves, even if that is not a series of unwritten doctrines. In fact, we can see this even in the *Phaedrus* itself, when Plato explains in the critique of writing outright that philosophers leave more valuable things out of their writings. The strategy of reading each dialogue on its own falls apart, then, but moreover, we are left with a different appreciation for Plato's dialogues once we acknowledge that they are incomplete. The gaps are structural features of the dialogues that point to something outside of themselves, and that should govern how we read them.

GABRIELE CORNELLI, Universidade de Brasília,
Instituto de Ciências Humanas, Professor

EXAMINING THE MUSCLES AND TENDONS OF THE
DIVISION BETWEEN HUMAN AND NONHUMAN
WITHIN THE PLATONIC TRADITION

Keywords: Plato, animals, polis, democracy.

The purpose of this paper — which I would consider Agambenian by inspiration and method — is to understand how metaphysics of the conjunction / separation between body and soul allows Plato to define a political space for the human being in relation to one of the animal. My proposal aims to present an Agamben-like analysis, therefore, a kind of archeology of Western political thought in the Foucaultian sense, but I will go further back in time. Plato dedicated some of the most beautiful and important pages of the whole history of philosophy and, more generally, Western thought to the intimate division of the human being (and, consequently, of his whole political and cultural world). In Plato, there are central pages in which the cracked (divided), split (or sometimes even tripartite) constitution of the human being is drawn and debated. Within this group, there are passages dedicated more specifically to the relation of the human being with animals and with its own animality. The paper will start from the page *Phd* 60c-61c and the unique mention of a Socrates putting Aesop's fables in music and will reach page *Pol.* 272b-c, where he will find again the words of the animals. These words, in the Platonic pages, are always timeless, i. e. they stand outside the normal course of time. Their being outside allow them to be the norm of reference for this same course.

It is a kind of pre-political state of bliss, but it is thought of as an indication of a latent happiness, of a norm of political coexistence ought to be recovered in the present time. The problem, then, is the recognition and operationalization of this barrier between the supernatural and the animal within the man (a modern way of thinking body-soul dualism, of course), i. e. rather than the denial of this mobile barrier, as intended by a large portion of Western metaphysics and politics. Animals, which are present in our original narratives, are the sign of the impossibility, at the limit, of this separation. Animals, yesterday and today, are there, staring at us in silence. They are the Other, but another that we find in some way in our origins and within us all the time. They remind us of an *opening* (another Agambenian concept) that exists within the human being which cannot be closed, despite all the attempts in this sense of much of our culture: it is the *opened* between man and animal, which is an opening, an open fault within the human itself. Leading to important theoretical and practical consequences for the Platonic effort to understand both the crisis of democracy that killed Socrates and the very definition of the best form of government for Athens.

КУЛИКОВ СЕРГЕЙ БОРИСОВИЧ, Томский государственный педагогический университет, доцент, доктор филос. наук

ВИДИМОЕ И НЕВИДИМОЕ В ПЛАТОНОВСКОЙ НАТУРФИЛОСОФИИ

Анализ оптических метафор как базовых способов отображения принципиально видимого и невидимого при построении высказываний о Демиурге, богах и Вселенной в «Тимее» позволяет реконструировать основания натурфилософских изысканий Платона. Взаимосвязь света и зрения у Платона раскрывается в совокупности символов, таких как огонь и цикличность ума, с одной стороны, а также относительная дезорганизация («непостоянные круговращения») человеческих чувств, хаотичность переживаний — с другой. Объемы отдельно взятого доклада не позволяют в полной мере детализировать взаимосвязь упомянутых символов. Но может быть представлен базовый (концептуальный) вариант их истолкования и перспективы дальнейших исследований.

Прояснение логики интерпретаций «Тимея» предполагает, что высказывания Платона должны быть включены в более общую

цепочку утверждений, каждое из которых исходно в неявном виде обнаруживается в рамках диалога. Тем самым, находясь в поле влияния современных и классических интерпретаций, может быть выполнено естественное разворачивание идей, высказанных в диалоге, а не в буквальном смысле этого слова выполнится продолжение (т. е. искусственное дополнение) мысли Платона.

В границах обсуждаемых вопросов прежде всего важно понять, каков именно тип отображения видимого бога, выступающего аналогом бога невидимого. Именно здесь помогает общее различение зримого и незримого, с одной стороны, а также видимого и невидимого — с другой.

Платон неоднократно повторяет, что конечная цель возникновения и развития космоса (Вселенной) — появление особого существа (создания), своим видимым (телесным) воплощением отображающего невидимый прообраз (умопостигаемый образец). При этом у такого создания, помимо того, что оно само по себе есть сущее, обладающее бытием между видимым и невидимым, имеются как зримые, так и незримые качества. Как все это возможно и что означает?

В основе мироздания — двойственное, одновременно видимое и невидимое явление, в котором незримый божественный свет имеет статус одной из видимых стихий (зримого огня). При этом практически сразу обнаруживается связь между огнем (в значении божественного света) и циклически движущимся умом, имеющим характер невидимой, но зримой силы, а именно силы наставления.

Все это означает, что обнаруженная связь между символическим огнем и циклично движущимся (самотождественным) умом имеет как минимум двойное значение. Во-первых, она указывает на наставничество (интеллектуальное воспитание) как базис, на котором может сформироваться некоторая общая идея. Во-вторых, процесс такого формирования требует внешнего окружения (соответствующего пространства).

Именно последнее проливает свет на причины, по которым в «Тимее» символический статус может быть придан не только огню или циклическому движению ума, но также хаотичности переживаний. Хаотичность переживаний важна не сама по себе,

а в рамках раскрытия базиса, ориентируясь на который только и можно узреть природу живых существ.

Речь в данном случае идет о двух взаимосвязанных моментах. Первый момент — это структура пространства, которая в «Тимее» представлена в виде разнообразных геометрических фигур (первичных и вторичных треугольников, квадратов, пирамид и др.). Второй момент — это происхождение неоднородности, причиной чего выступил характер исходных треугольников.

Из вышесказанного ясно, что хаотичность (неоднородность) переживаний, которую Платон фиксирует в человеке, глубоко укоренена в природе вещей. Именно неоднородность как таковая позволяет показать видимый мир во всем его многообразии. Но какое отношение она имеет к двум другим базовым символам: огню и цикличности ума?

Связь хаотичности переживаний и других базовых символов огня и цикличности ума видится ещё и в следующем. Поскольку, согласно Платону, человек произошел от богов, а от человека — все остальные живые существа, то именно преодоление хаоса переживаний под властью циклически движущегося ума позволяет обрести в целом надежду на бытие, подобное тому, что сияет в пламени божественного света.

Таким образом, только при верной расстановке акцентов в ходе рассуждения («усвоении природной правильности»), а именно в итоге привлечения «двойного зрения» как созерцания видимых звезд и связанных со звездами движений невидимых богов, можно обрести подлинную гармонию. Проясняется, что свет, пребывающий в человеке, проявляется в виде божественного пламени, которое в разной мере вложил в свои создания Демиург.

В итоге, проведенное исследования приводит к следующим общим результатам:

Во-первых, при пояснении отдельных аспектов понимания идей Платона может быть различено видимое и зримое, противопоставленные невидимому и незримому, что позволяет сосредоточить внимание на дополнительных вариантах представления процессов возникновения и развития природы и человека.

Во-вторых, расширительное толкование оптических метафор у Платона обусловило представление о том, что проявления антропоморфизма в «Тимее» имеют символическое значение

и служат целям указания на внечеловеческие способы бытия. Символизм платоновской натурфилософии даёт шанс выполнить экзегетику картин происхождения природы и человека в качестве светоносных образований. В процесс истолкования, представляющего в виде диалога, по необходимости включаются дополнительные предания, целью которых выступает конкретизация области приложения общих законов природы.

Перспективным направлением исследования выступает проведение сравнительного анализа натурфилософских разработок, выполненных в рамках платонизма, и результатов, полученных в границах изысканий «позднего» М. Хайдеггера. Целесообразность выполнения такого исследования заключена в необходимости привлечения при истолковании образов, предложенных в трудах Платона, ряда понятий складывающегося в рамках осмысления М. Хайдеггером особой роли пластического искусства. К числу таких понятий относятся пространство как первофеномен, простор как высвобождение мест и другие. Указанное сопоставление не нашло полноценного осмысления в трудах самого М. Хайдеггера, либо же в работах его последователей и/или критиков.

FAITH DIANA MCFADDEN, Classical Studies
Columbia University, MA Candidate

OF ΦΙΛΙΑ AND ἔρως: TERMINOLOGICAL ACCURACY IN THE TRANSLATION OF LOVE-TERMS OF THE *LYSIS*

The *Lysis* presents us with a strange and aporetic view of that which is a lover and a friend. The dialogue is concerned with the theme and concept of φίλια, which maintains the dual capacity of meaning both “friendship” and “friendly love.” This logos is distinct from the love of ἔρως which, while meaning love, deals more with physical or sexual passion and desire; ἔρως is more closely related to ἐπιθυμία (a sexual desire or lust) than it is to φίλια; the terms are markedly distinct.

The dramatis personae of the dialogue, however, encompass both sorts of love: there is the φίλια of *Lysis* and Menexenus. but there is also the overarching shadow of ἔρως, which is the sort of love which Hippothales has for *Lysis*. The central query of the dialogue question, “when one person loves another, which of the two because a friend of the other—the one who loves, or the one who is loved?”

This paper treats the force and translations of these terms, φίλια and ἔρωσ, throughout the dialogue. The *Lysis* is considered one of Plato's aporetic dialogues, in that the question of who can be a friend to whom, and for the sake of what, is never answered. In this paper, I argue that the *Lysis* is in fact not as aporetic as it appears to be at first glance, and that the result of the dialogue hinges on the differentiation and correct understanding and translation of the terms φίλια and ἔρωσ. I argue that if the relationship between the friend and the befriended is to be meaningful in the Platonic schema, it must function within the realm of ἔρωσ, and not φίλια. For a close textual analysis of the dialogue reveals that φίλια is concerned with men, but ἔρωσ is concerned with men's souls. This suggestion is supported by the presence of ἔρωσ in the *Symposium*. If the logoi of the dialogue are not carefully differentiated in both meaning and translation, it is all too easy to miss the resolution of the *Lysis*' inquiry.

The methodology of this paper is a careful textual analysis, to map the instances and iterations of φιλέω and ἐράω throughout the *Lysis*, and the follow the concepts which they introduce.

VIRGILIJUS PETUŠKA, Vilnius University, Lithuania, PhD Candidate

JACOB KLEIN AND THE PHENOMENOLOGICAL INTERPRETATION OF PLATO'S THOUGHT

Keywords: Jacob Klein, Plato, phenomenology, conceptual analysis, textual analysis.

The paper deals with the phenomenological approach to Plato's philosophy in the writings of Russian-American philosopher Jacob Klein (1899–1978). More specifically, the paper explores the ways in which Klein interprets the Platonic dialogues both on a conceptual and a textual level. Accordingly, the main thesis of this paper is that Klein's phenomenological method opens up a novel way in which one can view Plato's philosophy — either by focusing on a specific Platonic concept and mapping its relations to the everyday experience of said phenomenon in the Ancient Greek worldview, or by performing a sort of phenomenological reduction with regards to a specific dialogue, and treating it as one problematic whole. In both cases, either the concept or the text is to be treated first and foremost as a *phenomenon that needs to be described in order to be properly understood*. The first point of focus (the conceptual level) is best exemplified

in Klein's work *Greek Mathematical Thought and the Origin of Algebra* (1934), in which the Platonic doctrine of eidetic numbers (*arithmoi eidetikoi*) is analyzed in connection with the everyday or "intuitive" notion of number as a collection of discrete units. Klein uses this "intuitive" notion of "number-as-collection" to show how it informed the Pythagorean thesis of number as the *arkhē* of all sensible things (the being of sensible things can be explained with reference to numbers, since these express the *numerical identity* of otherwise different and manifold things), and how Plato used this notion to develop his theory of ideas — similarly to numbers, who exhibit the numerical identity of all sensible particulars, Plato developed the idea that there are also separate entities known as *Forms*, which exhibit the *generic identity* of a number of sensible particulars. That is, according to this analysis, the "intuitive" notion of number is inherent in the way that Plato develops his own metaphysics and philosophy of mathematics. Consequently, Aristotle's opposition to Platonic and Pythagorean concepts of *arithmos* can also be traced back to the initial phenomenon of "number-as-collection". On the other hand, the second point of focus (the textual level), best exemplified in Klein's study on the *Theaetetus*, *Sophist* and *Statesman* (1977), calls for treating the text itself as a sort of phenomenon — by disregarding any unfounded assumptions about a given text, by focusing on the Platonic dialogue as a problematic whole in which the interlocutors play a definite role *specific to that text* and not necessarily function as references to other dialogues, one can arrive at a meaningful interpretation of a Platonic dialogue. That is, a phenomenological interpretation of a Platonic text is essentially a scrupulous description of what that text says. What is most interesting is that due to the specifics of this approach, all assumptions of a text exemplifying a "secret doctrine" or a certain "developmental phase" in Plato's thought must be rejected as not warranted by the text itself.

DAVID PROUD, The University of Sheffield, The Hegel Academy
of Speculative Philosophy, United Kingdom, Master of Philosophy

HEGEL, PLOTINUS, AND THE PROBLEM OF EVIL

Summary: The article begins by defining evil, rejecting proffered negative definitions, for example, evil is privation, from which little further insight is obtainable, nor progress to be made towards

a resolution of the problem, in favour of a more a constructive definition of evil in terms of an abnegation of responsibility for, or commitment to, one's decisions or actions. This is an attitude that is both irrational and unintelligible, enabling a connection to be made between Plotinus' view of evil as unintelligible matter, that is, impassive and inactive nature; and Hegel's view of evil as that which is real and active, but against reason. The solution to the problem then suggests itself, through a clarification of the unintelligible, evil, as intelligible, making manifest what is the true nature of evil; and the good, being rational, is thus demonstrated to be forever true, like the truths of logic and mathematics, and evil, being irrational, is shown to be an already proven falsehood.

Keywords: Hegel, Plotinus, Neoplatonism, evil, ethics, logic, dialectic, metaphysics.

EMIDIO SPINELLI, Sapienza University of Rome,
Department of Philosophy, Professor

HANS JONAS AND THE 'MULTI-DISCIPLINARY' PLATONIC MODEL OF *PAIDEIA*

In his engagement with Plato's heritage and thought, Hans Jonas devoted several courses to analysing what he regarded as the 'Platonic system' (see now: H. Jonas, *Ontological and Scientific Revolution*, hrsg. von J. P. Brune, Berlin 2013, pp. 199 ff.: this is the 'Band II/2' of the new and welcome Jonas's *Gesamtausgabe*). By examining some interesting and still unpublished pages from another of the courses Jonas held at the "New School for Social Research", namely the one held in spring 1963 and entitled *Term Notes for Philosophy no. 111 — History of Philosophy: Plato, Aristotle and the Later Schools*, the present paper aims to reconstruct the no doubt concise yet effective way in which Jonas investigates certain central themes of Plato's approach to various disciplinary aspects of his *paideia* considered as key-points of some crucial features of the European cultural development. Combining teaching skills and an interpretative perspective that was in many respects an original one, before his students Jonas not only discussed elements of continuity with Socrates' views, but also pointed to the discontinuity represented by the genuinely Platonic views. In doing so, he pinned down and elucidated some of the most important elements

of Plato's philosophy, by taking into account the possible connection between several different disciplines: psychology, epistemology, physics/metaphysics, pedagogy, ethics, politics.

These unpublished lectures, therefore, provide some interesting reflections on the role of the soul in its condition as a "spiritual personality distinct from whatever man is physically". Moreover, against the backdrop of a more general analysis of issues related to Platonic epistemology, Jonas neither overlooks nor fails to shed light upon the "problems of learning" connected to the doctrine of *anamnesis*, or "recollection". A specific and rather particular place is assigned to the meaning of the "allegory of the cave", with a reconstruction that traces all its various phases and emphasises the difficulty of the "ascent", as well as the complex impact exercised by the things that lie "outside the cave" and represent "the world of nature". These considerations are used to introduce the crucial aspects of the "education of the guardians", as well as Plato's presentation of the supreme value of justice in relation to the individual soul, which "serves as a model of justice in the state". In his conclusions, Jonas then provides some considerations on the ethical and political function of the "Idea of the Good" that are particularly decisive for understanding Plato's 'multi-disciplinary' programme in philosophy.

Шульга Даниил Петрович, Сибирский институт управления
Российской академии народного хозяйства и госслужбы при
Президенте РФ, старший преподаватель, канд. филос. наук

ТРЕБОВАНИЯ К ВОИНСКОМУ СОСЛОВИЮ В ТРУДАХ ЧЖУГЭ ЛЯНА И ПЛАТОНА

Аннотация: В статье рассматривается образ идеального военного в китайских философских трактатах («Шесть секретных учений Тай-гуна», «Три стратегии Хуан Ши-гуна», «Законы войны почтенного Суня» Сунь-цзы, «Законы войны почтенного У» Ц-цзы, «Искусство войны Сунь Биня» и вобравший многие их идеи «Вертоград полководца», приписываемый Чжугэ Ляну) в сравнении с таковым в «Государстве» Платона. Автором делается вывод о том, что различия в первую очередь происходят от несовпадения политического устройства, функций армии, способов комплектования войска, хотя есть и иные причины.

Ключевые слова: социальный статус военного, стражи Платона, китайская военная философия.

DANIIL SHULGA, Siberian Institute of Management — the branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration, senior lecturer, CSc in Philosophy

REQUIREMENTS FOR THE MILITARY CLASS IN THE WRITINGS OF ZHUGE LIANG AND PLATO

Summary: The article examines the image of the ideal military man in Chinese philosophical treatises («Six Secret Teachings», Three Strategies of Huang Shigong, Sun-Tzu's «The Art of War», Wu Qi's «Wuzi», «Sun Bin's Art of War» and «The Vineyard of General» which was attributed to Zhuge Liang and perceives many of their ideas) in comparison with that in the «Politeia» of Plato. We conclude that the differences primarily originate from a mismatch between the political structure, the functions of the army, and the ways of recruiting troops, although there are some other reasons.

Keywords: the social status of the warrior, Plato's guardians, Chinese military philosophy.

ETIENNE HELMER, University of Puerto Rico — Rio Piedras Campus, San Juan, Associate Professor

PLATO'S POLITICAL PHILOSOPHY FOR TODAY: FROM UTOPIA TO THE FRONTIERS OF THE POLITICAL FIELD

Most of the interpretations of Plato's political philosophy in the XXth century have focused on two main aspects. First, a preeminent and still recurring question has been whether or not his best cities of the *Republic* and the *Laws* are utopias. Depending on how the word "utopia" has been understood, this question has given rise to a wide range of ideological positions on the subject, Plato being seen either as the precursor of totalitarian policies and regimes, or as the champion of truly civic communities. Second, the main institutions on which these cities rest have been examined and discussed in close details — mostly the tripartite theory of the city, the "one man/one job principle", and the philosopher-king — as well as their implications on social and political justice.

These readings are not wrong but rather limited in their scopes if we are to find in Plato's Works some political insight and conceptual

tools for today's global political issues. For these interpretations reflect preoccupations dating from a different historical period, when strong ideological positions divided large world regions, which were all in need of defining their own legitimizing or, on the contrary, antagonistic conceptual roots and values.

My claim is that Plato's political philosophy can provide us with relevant conceptual and philosophical questions for understanding more contemporary global political issues — such as the worldwide population movements and displacements and their impact on the political integration of people; the huge but still growing social and economic gaps and their political consequences; the complicities as well as the tensions between the economic and the political fields — provided that we approach Plato's texts from the perspective opened by the following question: what are the frontiers of the political field, and how are we to think them? Instead of taking the political field for granted, like most of the previous interpretations of Plato in the XXth century did, my reading rather shows he saw this field in its fragility, in accordance with what seems to be one of the most current worldwide political problems.

My argument will be based on three paradigmatic cases. First, by paying close attention to the economic phenomena, Plato underlines that the political field itself is always situated and defined with respect to the economic field, with varied social and ethical implications that clearly echo contemporary issues. Second, Plato's attention to extreme poverty makes the beggars the symptoms of controversial ethical foundations of the *polis* itself. Third, Plato's recurring references to foreigners in the cities he examines reveal how problematic the definition of citizenship is in the context of hard immigration policies vs. globalized human exchanges.